

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
СОЦИОЛОГИЯ**

2018 Том 18 № 4

**Научный журнал
Издается с 2001 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61214 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUDN JOURNAL
OF SOCIOLOGY**

2018 Volume 18 No. 4

**Founded in 2001
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Публикует статьи по научным специальностям согласно номенклатуре ВАК РФ: 22.00.00 — социологические науки и 09.00.11 — социальная философия. Журнал включен в ядро РИНЦ, Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. Журнал индексируется в базе данных Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics). Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать 20826.

Цели и тематика

Журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология» — периодическое международное рецензируемое научное издание в области социологических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала: публикация результатов фундаментальных и прикладных научных исследований по актуальным вопросам социологической науки, широкий обмен результатами теоретических и эмпирических исследований между специалистами, работающими в различных областях социально-гуманитарного знания. На страницах журнала публикуются материалы по историографии мировой социальной мысли как классического, так и современного периода; статьи по результатам фундаментальных и прикладных исследований по проблематике специальных социологических теорий, по методологии и методике социологических исследований и др. В журнале выступают специалисты, представляющие ведущие научные социологические центры, институты, организации, а также вузы России и зарубежных стран. Широкая тематика журнала представляет возможность публиковаться в нем представителям смежных специальностей (политологам, историкам, экономистам и т.д.), опирающимся в своих исследованиях на эмпирические социологические данные. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, обозначенных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Полные сведения о журнале и его редакционной политике, требования к подготовке и публикации статей, архив (полнотекстовые выпуски с 2008 года) и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/sociology>.

Электронный адрес: socjournalrudn@rudn.university.

ISSN 2408-8897 (online); 2313-2272 (print)

4 issues per year.

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, ERICH PLUS, Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, EBSCOhost, Google Scholar, WorldCat, Electronic Journals Library Cyberleninka. The journal is indexed and abstracted in the Web of Science — Emerging Sources Citation Index (Clarivate Analytics).

Aims and Scope

Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia (RUDN Journal of Sociology) is a peer-reviewed international academic journal publishing research in sociology and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal: to publish the results of fundamental and applied research on the topical issues of sociology, and to ensure a broad exchange of the results of theoretical and empirical studies between scientists from different fields of social sciences and humanities. In the journal one can find papers on the historiography of the classical and modern periods of the world social thought; on the results of fundamental and applied research devoted to the problems considered by special sociological theories; on the difficulties in choosing methodological approaches and techniques for the study of complex social phenomena, etc. The journal publishes papers of the authors representing the leading sociological centers, institutes, organizations, and universities in Russia and abroad. The thematic 'repertoire' of the journal presents opportunities for authors from many disciplinary fields (political scientists, historians, economists, etc.) relying on the empirical sociological data in their research. The journal also welcomes book reviews, literature overviews, and conference reports.

The journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Further information regarding the journal, its editorial board, requirements to articles for contributors, and the journal's archive (full-text issues from 2008) and additional information are available at <http://journals.rudn.ru/sociology>.

E-mail: socjournalrudn@rudn.university.

Подписано в печать 08.11.2018. Выход в свет 16.11.2018. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 24,18. Тираж 500 экз. Заказ № 1655. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

© Российский университет дружбы народов, 2018

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Херпфер К., доктор политологии, профессор университета Вены; директор Института сравнительных социальных исследований «Евразийский Барометр»; президент Исследовательской ассоциации «Всемирное исследование ценностей», Австрия. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Нарбут Н.П., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии РУДН, Россия. E-mail: narbut_np@rudn.university

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Троцук И.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РУДН, Россия. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Бакиров В.С., доктор социологических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина, академик НАН Украины, президент Украинской социологической ассоциации (Украина)

Гаспаривили А.Т., кандидат философских наук, доцент, заместитель директора Центра стратегии развития образования МГУ им. М.В. Ломоносова

Голенкова З.Т., доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследований социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Горшков М.К., академик РАН, доктор философских наук, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Диас Николас Х., доктор политологии, профессор факультета политических наук и социологии Мадридского университета Комплутенсе (Испания)

Иванов В.Н., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент РАН, советник РАН

Куропятник М.С., доктор социологических наук, профессор кафедры культурной антропологии и этнической социологии Санкт-Петербургского государственного университета

Назарова И.Б., доктор экономических наук, директор Аналитического центра Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Пан Д., доктор социологических наук, профессор Института социологии Шанхайской академии общественных наук (КНР)

Подвойский Д.Г., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Пузанова Ж.В., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, заведующая социологической лабораторией факультета гуманитарных и социальных наук РУДН

Ротман Д.Г., доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Хагендорн Л., доктор философии (социальная психология), почетный профессор Утрехтского университета (Нидерланды)

Хазуров Т.А., доктор социологических наук, профессор, первый проректор Кубанского государственного университета

Чамбаликова М., доктор философии (социология), профессор, научный сотрудник Института социологии Словацкой академии наук, заведующая кафедрой социологии и социальной психологии высшей школы Данубиуса (Словакия)

Шафранец К., доктор социологических наук, профессор кафедры социологии образования и молодежи Института социологии Университета Николая Коперника в Торуне (Польша)

Шнайдер С., доктор философии (социология), профессор Федерального университета Рио Гранде-ду Суль (Бразилия)

Шубрт И., доктор философии (социология), профессор, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия)

Шувакович У., доктор социологических наук, профессор кафедры философии и социальных наук, Белградский университет (Сербия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12, e-mail: socjournalrudn@rudn.university

EDITORIAL BOARD

HONORARY EDITOR

Haerpfer C., D.Sc (Political Sciences), Professor, University of Vienna; Director, Institute for Comparative Survey Research “Eurasia Barometer”; President, World Values Survey Association, Austria. E-mail: c.w.haerpfer@gmail.com

EDITOR-IN-CHIEF

Narbut N.P., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: narbut_np@rudn.university

EXECUTIVE SECRETARY

Trotsuk I.V., D.Sc (Sociology), Professor, Sociology Chair, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: trotsuk_iv@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Bakirov V.S., D.Sc (Sociology), Professor, Rector of V.N. Karazin Kharkiv National University, Academician of National Academy of Sciences of Ukraine, President of Ukrainian Sociological Association (Ukraine)

Gasparishvili A.T., PhD in Philosophy, Associate Professor, Deputy Director, Center for Educational Development, Lomonosov Moscow State University (Russia)

Golenkova Z.T., D.Sc (Philosophy), Professor, Head of Center for Social Structure and Social Differentiation, Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Gorshkov M.K., D.Sc (Philosophy), Academician of Russian Academy of Sciences, Head of Federal Sociological Research Center of Russian Academy of Sciences (Russia)

Hagendoorn L., D.Sc (Social Psychology), Professor Emeritus of Utrecht University (Netherlands)

Diez Nicolás J., D.Sc (Political Sciences), Professor of School of Political Sciences and Sociology, Complutense University of Madrid (Spain)

Ivanov V.N., D.Sc (Philosophy), Professor, Corresponding Member and Advisor of Russian Academy of Sciences (Russia)

Khagurov T.A., D.Sc (Sociology), First Vice-Rector of Kuban State University (Russia)

Kuropjatnik M.S., D.Sc (Sociology), Professor of Chair of Cultural Anthropology and Ethnic Sociology, Saint Petersburg State University (Russia)

Nazarova I.B., D.Sc (Economics), Head of Analytical Center, National Research University “Higher School of Economics” (Russia)

Pan D., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology Institute of Shanghai Academy of Social Sciences (China)

Podvoyskiy D.G., PhD in Philosophy, Associate Professor, Sociology Chair, RUDN University (Russia)

Puzanova Zh.V., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Sociological Laboratory, RUDN University (Russia)

Rotman D.G., D.Sc (Sociology), Professor, Head of Center for Sociological and Political Research, Belorussian State University (Belorussia)

Schneider S., D.Sc (Sociology), Professor of Sociology of Rural Development and Food Studies, Federal University of Rio Grande do Sul (Brazil)

Szafraniec K., D.Sc (Sociology), Professor, Chair of Sociology of Education and Youth, Institute of Sociology of Nicolaus Copernicus University in Toruń (Poland)

Čambálíková M., PhD in Sociology, Professor, Researcher at Institute of Sociology of Slovak Academy of Sciences, Head of Sociology and Social Psychology Chair, Higher School Danubius (Slovakia)

Šubrt J., PhD (Sociology), Professor, Head of Historical Sociology Chair, Charles University (Czech Republic)

Šuvaković U., D.Sc (Sociology), Professor, Department of Philosophy and Social Sciences, University of Belgrade (Serbia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*

Computer design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

Postal Address of the Editorial Board:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russian Federation

Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: socjournalrudn@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

- Шубрт И.** Клод Леви-Стросс и проблема «синхронического» времени 601
- Кудрявцев В.А., Лось Е.В.** Теоретический потенциал и роль государственно-правовых взглядов И.А. Ильина в отечественной истории социологии 613
- Девятко И.Ф.** Разработка подхода к количественной мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров: результаты пилотного квази-эксперимента 627

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

- Катерный И.В.** Трансмобильность в постгуманизированном мире: как все еще возможен социальный порядок? (на англ. яз.) 638
- Балякин А.А., Задорина А.К., Куклина И.Р., Малышев А.С., Тараненко С.Б.** Позиционирование международного научно-технического сотрудничества в правовых документах стран — участниц научной глобализации 651
- Ключарев Г.А., Арсентьев М.В., Трофимова И.Н.** Институты и практики стимулирования инноваций: мнение экспертов 668

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

- Беляева Л.А.** Качество жизни в субъективных оценках населения: Россия в европейском контексте 680
- Мареева С.В.** Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе 695
- Мозговая А.В.** Социальная сфера: вектор изменений, риски и адаптационные ресурсы (по материалам общероссийских мониторинговых исследований) 708
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О.** Состояние системы ценностей как фактор аномии в современном российском обществе 719
- Божков О.Б., Троцук И.В.** Тенденции развития сельских районов России: постановка исследовательской задачи и первые результаты повторного кейс-стади 731

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

- Абрамов Р.Н., Быков А.В.** Профессиональная этика как объект социологического исследования: между социологией морали и социологией профессий 747

Шарков Ф.И., Силкин В.В., Абрамова И.Е., Кириллина Н.В. Нарушения информационной экологии в медиапространстве (на англ. яз.) 765

Давыдов В.Н., Аршинова А.И., Софоклис С. Культурные индустрии: клонирование идей и смыслов 776

РЕЦЕНЗИИ

Насколько историчной должна быть историческая социология?

Рецензия на книгу: Šubr J. The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo-Sociologicus Through Society and History. Bingley: Emerald Group Publishing; 2017. 312 с. (на англ. яз.) 787

НАШИ АВТОРЫ 792

CONTENTS

HISTORY, THEORY AND METHODOLOGY OF SOCIOLOGICAL RESEARCH

- Šubrť J.** Claude Lévi-Strauss on the problem of “synchronic” time 601
- Kudryavtsev V.A., Los E.V.** Theoretical potential and role of I.A. Ilyin’s state-legal views in the Russian history of sociology 613
- Deviatko I.F.** Developing an approach to multimodal quantitative assessment of interviewers’ cognitive load: First results of a field quasi-experiment 627

CONTEMPORARY SOCIETY: THE URGENT ISSUES AND PROSPECTS FOR DEVELOPMENT

- Katernyi I.V.** Trans-mobilities in post-human era: How is social order still possible? 638
- Balyakin A.A., Zadorina A.K., Kuklina I.R., Malyshev A.S., Taranenko S.B.** Positioning of international scientific-technical cooperation in the legal documents of the countries participating in scientific globalization 651
- Kliucharev G.A., Arsentiev M.V., Trofimova I.N.** Institutions and practices for innovation incentives: Experts’ opinion 668

SURVEYS, EXPERIMENTS, CASE STUDIES

- Belyaeva L.A.** Quality of life in the subjective estimates of the population: Russia in the European context 680
- Mareeva S.V.** Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society 695
- Mozgovaya A.V.** Social sphere: Vectors of change, risks, and adaptation resources (the results of all-Russian monitoring surveys) 708
- Kostina E.Yu., Orlova N.A., Panfilova A.O.** The state of value system as a factor of anomie in the contemporary Russian society 719
- Bozhkov O.B., Trotsuk I.V.** Tendencies of the Russian rural areas development: The research task and first results of the comparative case-study 731

SOCIOLOGICAL LECTURES

- Abramov R.N., Bykov A.V.** Professional ethics an object of sociological study: Between sociology of morality and sociology of professions 747

Sharkov F.I., Silkin V.V., Abramova I.E., Kirillina N.V. Violation of information ecology in media space	765
Davydov V.N., Arshinova A.I., Sofoklis S. Cultural industries: Cloning of ideas and meanings	776
REVIEWS	
How historical should historical sociology be? Review of the book: Šubrt J. <i>The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo-Sociologicus Through Society and History</i> . Bingley: Emerald Group Publishing; 2017. 312 pp.	787
AUTHORS	792

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ, ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-601-612

КЛОД ЛЕВИ-СТРОСС И ПРОБЛЕМА «СИНХРОНИЧЕСКОГО» ВРЕМЕНИ*

И. Шубрт

Карлов университет
ул. У Криже, 8, Прага 5, 15800, Чехия

Человеческое общество существует в двух временных плоскостях. Астрономическое время является равномерным, однородным, квантитативным и непрерывным. Социальное время так охарактеризовать нельзя — здесь присутствуют дни, посвященные особым функциям, периоды времени, обладающие специфическими качествами благодаря деятельности, значениям и ассоциациям, которые с ними связывают, а также критические даты, разрывающие континуальность времени. Социальное время обладает качественным характером, оно не протекает равномерно — может замедляться, ускоряться и даже остановиться — и его нельзя произвольно делить на части. Концепция социального времени предполагает, что время — человеческое творение, продуктом социальной жизни являются разные темпоральные структуры социальных явлений, а также инструменты и единицы измерения времени. Несмотря на длительность и тематическую насыщенность, дискуссии о социальном времени несправедливо игнорируют концепцию синхронического времени К. Леви-Стросса. В статье представлены ее предпосылки, критика и основные положения, в частности, знаменитая типология «горячих» и «холодных» обществ, в качестве критерия различия которых выступает время, по-разному проявляющееся в разных типах социальных систем и имеющее в них разное значение. Общества, разделяющие нашу концепцию исторического времени как огромной папки, где систематизированы исторические события, которые не должны быть забыты, называются горячими (они подчеркивают свою историчность). Холодные — это общества, основные познавательные системы которых пытаются быть статичными и безразличными к изменениям, т.е. стремятся игнорировать историчность и экстернализируют ее как чуждую. Автор подчеркивает, что, говоря о холодных обществах, пытающихся не принимать время и историчность во внимание, Леви-Стросс не хочет переписать законы логики или физики — это всего лишь попытка увидеть мир глазами иной культуры.

Ключевые слова: темпоральность; историчность; социальное время; синхроническое время; Леви-Стросс; структурализм; «горячие» и «холодные» общества

* © Шубрт И., 2018.

Статья представляет собой фрагмент из книги Иржи Шубрта «Антиномии, дилеммы и дискуссии в современной социологической мысли: Очерки социальной теории» (Пер. с чешского Е. Тоурковой, Е. Чернышовой под науч. ред. Н.П. Нарбута), которая выйдет в издательстве Российского университета дружбы народов в 2018 году.

Статья поступила в редакцию 04.06.2018 г.

В своем труде «Элементарные формы религиозной жизни» (1912) Э. Дюркгейм [8. С. 16] констатирует, что время, подобно пространству, причине, субстанции, личности и т.д., относится к категориям, которые лежат в основе наших суждений и управляют всей нашей интеллектуальной жизнью. Дюркгейм рассуждает о времени как о категории мышления, и в этом смысле его подход, как неожиданно бы это ни звучало, обращен к Аристотелю [5] и близок философии И. Канта [18] и его французских последователей. В трактовке времени как категории человеческого мышления Дюркгейм делает акцент на ритмическом повторении, а проблемы конечности и необратимости времени обходит стороной. Но именно данная трактовка времени стала в «социологии времени» подходом, удерживающим лидерство практически до настоящего времени. Влияние Дюркгейма на это направление очевидно не только во французской социологии (М. Хальбвакс, Г. Гурвич, П. Бурдьё и др.), но и в международном контексте.

Концепция социального времени, которую, опираясь на теорию Дюркгейма, разработал П. Сорокин вместе с Р. Мертоном, считается одной из ключевых в социологическом анализе времени. Концепция оформилась в 1937 году, когда П. Сорокин и Р. Мертон опубликовали в «*American Journal of Sociology*» статью «Социальное время: опыт методологического и функционального анализа». В ней авторы утверждают, что большинство социальных исследователей молча соглашались с астрономической моделью равномерно протекающего количественного времени, однако это всего лишь одна из возможных концепций для философии, психологии, экономики и других наук. Сорокин и Мертон попытались представить социальное время как теоретическое понятие и методологический инструмент для более глубокого понимания социальной реальности [27]. Позже Сорокин продолжил эти попытки в книге «Социокультурная причинность, пространство, время», в которой противопоставил «социокультурное» и «метафизическое» время [26].

Хотя идеи Сорокина и Мертона цитируются во многих работах [см., напр.: 19; 28], пока не удалось основательно развить данное направление и превратить концепцию социального времени в теоретико-методологический инструмент познания социальной реальности с акцентом на ее периодичности. В целом современные исследования в этой области можно разделить на три направления: первое интересуется формированием социальных представлений о времени [см., напр.: 9; 10], второе — функционирование временных структур на разных уровнях социальных систем [см., напр.: 25; 29], третье — роль и место времени в общей социологической теории [см., напр.: 1; 2; 6; 24]. Определенное сходство с идеями социального времени можно найти, в частности, у Э. Гидденса. Он полагает, что каждый отдельный момент социального воспроизводства включает в себя три пересекающихся уровня времени: 1) *durée of day-to-day experience* (темпоральность непосредственного опыта повседневной жизни), 2) *dasein* (темпоральность человеческой жизни и ее циклов), 3) *longue durée of institutions* (темпоральность развития и воспроизводства социальных институтов) [15. С. 93]. Наиболее близок концепции социального времени постулат автора о существовании реверсивного времени

на уровне «durée» и «longue durée» [16. С. 89]. Однако концепция реверсивного времени была встречена жесткой критикой, согласно которой хотя события могут неустанно повторяться в, казалось бы, неизменном виде, они все же содержат в себе необратимое направление времени как интегральный темпоральный аспект наиболее часто повторяющегося социального явления (за время между прошлой и этой зимой, зарплатой в прошлом и этом месяце, вчерашним и сегодняшним обедом мы постарели, а остальные люди и предметы изменились), т.е. повторяются события и задачи, а не время — поток опыта необратимо течет в одном направлении [2. С. 27].

Другую важную тему для дискуссий предлагает предположение, что социальное время является качественным, хотя понятия «качественный» и «количественный» часто скорее мешают, чем помогают прояснить суть вещей. Ключевыми в данных дискуссиях выступают три вопроса, которые часто смешиваются: а) отличается ли ритм коллективной жизни (темпоральность социальной системы) от ритма, устанавливаемого посредством инструментов измерения времени (часами); б) различаются ли архаические и современные представления о времени и его измерении; в) следует ли отождествлять время с событиями (движением), которые в нем происходят, причем не только на уровне архаического сознания, но и на уровне теоретического знания. Поиски антропологов и историков показывают, что архаические и традиционные общества использовали для ориентации во времени разные инструменты, и люди, относящиеся к разным социальным типам/группам/общностям, имеют разные представления о времени. Кроме того, человек, не знающий и не использующий часы, ориентируется во времени и смотрит на время иначе, чем человек, для которого наручные часы — необходимость.

Важной чертой социального времени является то, что оно не равномерно — может замедляться, ускоряться и даже остановиться, хотя это сложно доказать.

Проблема в том, что понятия времени и движения часто подменяются: то, что протекает неравномерно, — это процессы во времени, т.е. движение вещей и событий. Однако то, что данное движение не происходит равномерно, не означает автоматически, что так же неравномерно протекает и время (еще Аристотель предостерегал от смешения времени и движения).

Концепция социального времени предполагает, что время — человеческое творение, однако это очень проблематичная посылка. Продуктом социальной жизни (намеренным или нет), бесспорно, являются разные временные (темпоральные) структуры социальных явлений. Творением человека являются и инструменты измерения времени, люди также определяют, в каких единицах будет измеряться время. Однако определенно не является творением человека время в смысле его объективного неизбежного течения в направлении, указанном стрелой времени. Кстати, С. Хокинг описывает три такие стрелы, которые двигаются в одном и том же направлении: а) термодинамическую — нарастает беспорядок (энтропия), б) психологическую — мы помним только прошлое, а не будущее, в) космологическую — направление расширения вселенной [17. С. 141].

Люди своими действиями придают времени видимую, осязаемую форму, поэтому многие ученые склонны наделять человеческие действия способностью

создавать время, обычно не замечая, что своими действиями можно влиять только на настоящее и будущее, но не на прошлое (его можно только иначе интерпретировать). Благодаря тому, что люди при помощи своих действий производят или воспроизводят социальные институты и системы, они обеспечивают этим элементам социальной реальности существование во времени (которое иногда связывают с такими понятиями, как «внутреннее» или «собственное» время). Если бы отдельные составляющие социальной реальности не поддерживались таким образом в своей длительности, они бы исчезли. Однако заслугой человека не является и не может быть то, что отдельные длительности разворачиваются в определенном направлении — стрелы времени — от прошлого через настоящее в будущее (а не наоборот). Существование стрелы времени позволяет наперекор несчетному количеству темпоральных структур рассуждать о времени в едином (монистическом) и реалистическом смысле.

На мой взгляд, несмотря на свою длительность и тематическую насыщенность, дискуссии о социальном времени несправедливо игнорируют концепцию синхронического времени К. Леви-Стросса. Из его интеллектуальной автобиографии в работе «Первобытное мышление» следует, что первоначальным стимулом, который в 1940-е годы привел Леви-Стросса к структуралистскому подходу, была негативная реакция на философию его французских современников (прежде всего Ж.-П. Сартра), одержимых временем и пространством и находившихся под влиянием анализа «внутреннего сознания времени» Э. Гуссерля. Леви-Стросс не признавал ни бергсонизм, который, по его мнению, превращал все существа и вещи в «кашеобразное месиво», ни феноменологию, в которой он видел «возвышение личных страхов на уровень философских проблем». В противовес данным направлениям Леви-Стросс утверждал, что вещи в состоянии сохранять свои подлинные качества и одновременно удерживать четкие контуры, ограничивающие их и придающие каждой вещи структуру, постижимую разумом [20. С. 37], поэтому он ориентировал антропологию на открытие неизменных качеств, скрывающихся под кажущейся уникальностью и разнообразием наблюдаемых явлений [22. С. 72].

Суть структуралистского подхода Леви-Стросса состоит в «поиске инварианта или же инвариантных элементов в поверхностных отличиях» [23. С. 16]. Главным становится не познание исторического развития, а анализ сети структурных отношений, поэтому Леви-Стросс черпает вдохновение в лингвистике — в теории Ф. де Соссюра. Его идея разделения на бинарные оппозиции диахронии и синхронии становится крайне важной для Леви-Стросса. Соссюр критиковал традиционную лингвистику, ориентированную на анализ исторического развития, и считал проблемой диахронического подхода к изучению языка его разделение на отдельные части, что не позволяет понять язык как систему. Диахронической деструкции языка Соссюр противопоставил подход, позволяющий понять его как комплексную систему, причем в синхронической перспективе.

В ходе изучения отдельных проявлений человеческого сосуществования исследователь часто сталкивается с вводящим в заблуждение многообразием форм

социальной жизни, что зачастую заставляет его думать, что влияние различных факторов среды и исторических событий сделало эти формы предельно разнообразными. Ключ к пониманию многообразия ученые ищут, как правило, в историческом развитии отдельных обществ. Леви-Стросс не признает этот подход, что, однако, не означает, будто для структуралистов история отдельных обществ не имеет ни малейшего значения, — он утверждает, что считать разные формы общественной жизни исключительными и уникальными в принципе неправильно, потому что это означает капитуляцию науки перед ее основной задачей. Главным постулатом каждой науки он считает то, что мир является упорядоченным и в нем господствует порядок [22. С. 18—19].

Структурализм признает существование истории, но не считает столь уж важной размерность исторического времени. Кроме того, Леви-Стросс не абсолютизирует синхронический подход, напротив, он допускает, что при анализе синхронических структур следует иметь в виду историю, но, тем не менее, настаивает именно на синхроническом подходе. Леви-Стросс испытывает уважение к истории, но не придает ей привилегированного значения — воспринимает ее в качестве совокупности исследований, дополняющих его собственные. По его мнению, история представляет палитру человеческих обществ во времени, этнология — в пространстве: в то время как историк пытается реконструировать образ исчезнувших обществ на момент их существования, этнолог стремится воссоздать исторические этапы, предвосхитившие нынешние формы общества [21. С. 352]. Это можно объяснить и тем, что динамика долитературных обществ, которые Леви-Стросс изучал, крайне невыразительна по сравнению с обществами индустриального типа, т.е. синхронический анализ выглядит вполне методически адекватным.

Отсюда остается только шаг к знаменитой типологии Леви-Стросса — «горячих» и «холодных» обществ. В качестве основного критерия их различения выступает время, которое по-разному проявляется в разных типах обществ и имеет в них разное значение. Общества, разделяющие нашу концепцию исторического времени как огромной папки, где собраны исторические события, которые не должны быть забыты (т.е. общества, которые интернализировали свою историчность), называются горячими. Холодные — это общества, основные познавательные системы которых пытаются быть статичными и безразличными по отношению к изменениям, т.е. они пытаются совершенно игнорировать историчность и экстернализируют ее как чуждую [12. С. 23].

Типология горячих и холодных обществ соответствует разделению на два типа мышления: одомашненного и дикого/дикарского («la pensée sauvage») [21]. Несмотря на различия двух типов (одомашненное мышление — историческое и историзирующее, дикое — «безвременное»), можно обнаружить и некоторые их общие черты, например, оба способны генерализировать, классифицировать и анализировать (пример упорядочивающего и классифицирующего первобытного мышления — тотемизм). Леви-Стросс показывает, что носители дикого мышления, про которых мы обычно думаем, что они с огромным трудом выживают в тяже-

лейших материальных условиях и полностью зависят от способности не умереть от голода, как и люди в современных обществах, могут рассуждать, будучи движимы жаждой познавать окружающий мир и собственное общество, используя разные интеллектуальные средства.

Безусловно, в чем-то дикий тип мышления остается иным: для него характерно рассуждение при помощи аналогий, стремление понимать вещи в общем и целом, чтобы наиболее коротким путем достичь всеобщего понимания вселенной. Это способ рассуждения предполагает, что, если мы не поймем всего, то мы ничего не сможем объяснить. В этом дикий тип мышления противоположен научному мышлению, которое со времен Декарта следует одному и тому же принципу: разделить проблему на столько частей, на сколько это необходимо, чтобы ее можно было решить. При помощи научного мышления человек может подчинить себе силы природы, а дикое мышление не в состоянии предоставить сколь-либо значительную власть над окружающей средой, но оно дает человеку нечто очень важное — иллюзию, что он может понять вселенную и действительно ее понимает [23. С. 1993: 22—23].

Леви-Стросс приравнивает горячие общества к открытым системам, а холодные — к закрытым, поскольку идеалом вторых является вечно неизменная закрытая система, устойчивая к внешнему воздействию. Разделение на холодные и горячие общества не означает, что один тип существует без истории, а другой — с историей, потому что какая-то история есть в каждом обществе. Однако если холодные общества пытаются при помощи своих институтов устранить последствия воздействия исторических фактов на свое равновесие, то горячие общества исторические процессы осознают и решительно интериоризуют, чтобы сформировать из них движущую силу своего развития [21. С. 322].

В конце XX века дихотомия горячих и холодных обществ подверглась критике ряда культурных антропологов, считающих, что она представляет собой некое «прокрустово ложе», в частности, описываемая Леви-Строссом «временная анестезия» невозможна без мистификации или логического обмана [12. С. 24]. А. Джелл называет Леви-Стросса в принципе антивременным человеком, потому что он с некоторой грустью и даже завистью описывает способы, посредством которых общества могут аннулировать время и его влияние, т.е., по мнению Джелла, Леви-Стросс по большому счету интересуется не подлинным временем, а временем в абстрактных антропологических моделях. Соответственно, контраст между синхронией и диахронией в его работах — это, прежде всего, результат используемых антропологических моделей, которыми можно манипулировать и тем самым отрицать факты реального мира. На самом деле под синхронией Леви-Стросс подразумевает герметичность определенного процесса или институциональной формы по отношению к изменениям системы (что не является вневременной характеристикой). Модели Леви-Стросса для Джелла не являются «синхроническими» — это диахронические повторения структурно идентичных, но нумерологически и хронологически различающихся событий-замен. «Синхроническое время» Леви-Стросса для Джелла является линейным и безвозвратным только условно, а это значит, что оно не отличается от «времени диахронического» [12. С. 25].

В обществах, которые Леви-Стросс называет «холодными», историчность зашифрована в мифах, традициях и ритуалах («инструментах уничтожения времени»). Пример того, как используется оппозиция синхронии и диахронии Леви-Строссом, можно найти во второй части главы «Время вновь обретенное» в работе «Первобытное мышление»: он говорит о «нескончаемой борьбе» синхронии и диахронии, берущей начало в «тотемическом мышлении» австралийских туземцев. Тотемическое мышление склонно к классификации природной и общественной среды в виде ряда «тотемических операторов». Данная классификационная тенденция не имеет со временем ничего общего, но у нее есть два ответвления, у которых нечто общее со временем, напротив, есть: это система первозданных мифов, соединяющих нынешний материальный мир с креативной эпохой предков в прошлом; и система ритуалов, соединяющих нынешний мир с мифическим прошлым посредством его периодической реконструкции [21. С. 26].

Вся повседневная жизнь туземцев, ведущих традиционный образ жизни, представляет собой, с одной стороны, повторение прототипичных действий предков из мифических времен, с другой стороны, они актуальны в том смысле, что предки якобы в этих действиях (в соответствующих священных местах, указанных в мифах) все еще незримо участвуют (более развернутый анализ временных структур в традиционных сообществах представлен в работе Э. Эванса-Притчарда, который разводит экологическое и структуральное время: первое представляет собой совокупность временных понятий, полученных из среды обитания и продуктивной деятельности в этой среде; второе отражает формы социальной организации; соответственно, генеалогическое древо, описывающее течение времени поколений, свидетельствует о параллелизме темпоральности и территориальности [11. С. 107—108]). Мифическая история парадоксальна в силу своего разъединения и в то же время соединения с настоящим: она разъединена с ним потому, что первобытные предки неизбежно отличались от современных людей — они были творцами, а современные люди являются их подражателями; в то же время мифическая история соединена с настоящим, потому что с того времени, как предки появились, не происходило ничего иного, как только периодического повторения событий, которое отменяет саму их специфичность. Первобытное мышление в состоянии преодолеть это противоречие (в форме) когерентной системы, в которой диахрония, определенным образом управляемая, сотрудничает с синхронией [21. С. 325—326].

Леви-Стросс говорит о трех типах ритуалов: контролирующих — приспособляют распространение тотемических мифов по фиксированной схеме отношений, установленных в мифическом прошлом, исторических — воссоздают прошлое мифических времен, траурных — обеспечивают превращение умерших в предков. Ритуал позволяет «отделенному прошлому» мифов соединиться, с одной стороны, с биологической и сезонной периодичностью природных мифов, с другой стороны, с «присоединенным» прошлым, образованным цепочкой поколений тех, кто умирает, и тех, кто жив. Функция системы ритуалов — «преодоление и интегрирование трех оппозиций: диахронии и синхронии; периоди-

ческих и непериодических характеристик, которые могут представлять друг друга; обратимого и необратимого времени — хотя настоящее и прошлое теоретически отличны, исторические ритуалы переносят прошлое в настоящее, а траурные ритуалы — настоящее в прошлое, но эти два демарша не эквивалентны: мифологические герои, можно сказать, по-настоящему возвращаются, так как их реальность обеспечивается их персонификацией; а люди вправду умирают» [21. С. 327].

Леви-Стросс завершает свои рассуждения указанием на важную роль «чуринг» или «тьюринг» в Центральной Австралии — это древние тотемические предметы из камня или резного дерева, представляющие собой физическое тело предка. В интерпретации Леви-Стросса священность чуринг обеспечивается функцией с диахронным значением в классификационной системе, полностью развернутой в синхронии. Чуринги — осязаемое свидетельство мифологического периода «Алчуринг» [21. С. 303]. Леви-Стросс сравнивает эти предметы с архивами, позволяющими нам соприкоснуться с историей в нашем обществе: при помощи архивных документов и предметов мы припоминаем прошлые события в их уникальности и в то же время в их осязаемой, физической форме. Почему для нас так важно, чтобы мы сохранили оригинал Великой хартии вольностей, записки Елизаветы I графу Эссексу, тот самый желтый стул, который якобы написал Ван Гог [12. С. 28]? Леви-Стросс утверждает, что это наша единственная возможность «синхронно» связаться с нашими предками, которые известны нам только из исторических книг и которых мы бы с трудом представляли как живых людей из плоти и крови, если бы не было этих материальных символов.

Джелл допускает, что с этим можно согласиться, но тут же возражает, что прошлое в таком случае — лишь иллюзия. Великая хартия вольностей — это предмет, существующий в сегодняшнем мире, у него есть аутентичная история, включая события, произошедшие в 1215 году, но эти события и Хартия, которая была их составной частью, навсегда исчезли, и сегодняшняя доступность того же самого предмета под названием «Великая хартия вольностей» их не вернет. В этом и состоит иллюзия предметов чуринги: люди, манипулирующие ими во время ритуалов, ощущают себя так, словно оказались во времени их изготовления, тем не менее, какой бы пленительной ни казалась эта иллюзия, она навсегда останется лишь иллюзией и ничем больше. Попытка интерпретировать это символическое действие, как считает Джелл, не должна превращаться в отчаянную попытку переписать законы логики или физики так, чтобы ритуальные требования превратились в «правду» в абсолютном смысле [12. С. 29].

Вернемся к концепции Леви-Стросса: его модель синхронического обратимого времени получила, что несколько удивительно, поддержку в современной социологии. Понятие «обратимое время» использует Э. Гидденс, который ссылается именно на Леви-Стросса. Согласно теории структуризации Гидденса каждый момент социального воспроизводства содержит в себе три пересекающихся и взаимопроницающих уровня времени, которые были описаны выше [16. С. 89]. Гидденс рассматривает проблематику времени через призму дуальности обратимого и необратимого времени. Понятие «durée» служит для характеристики

повторяющихся элементов социальной жизни, «dasein» выражает необратимость течения человеческой жизни по направлению к ее концу.

Концепцию «durée» Гидденс перенял у А. Шюца (который, в свою очередь, позаимствовал ее у А. Бергсона), поэтому «durée» выступает в качестве рутинного, повторяющегося элемента, постоянных временных характеристик разных действий (например, работа, вождение автомобиля, приготовление еды). Необратимость «dasein» Гидденс связывает с жизнью индивидов, точнее с понятием М. Хайдеггера «Sein zum Tode». Идея «longue durée» опирается на концепцию Ф. Броделя: обратимое время институтов («longue durée of institutions») является условием и в то же время результатом практик, организованных в континуальности повседневной жизни.

Гидденс признает, что повседневная жизнь представляет собой течение и длительность, но не считает, что у нее есть некая направленность. Длительность повседневной жизни никуда не устремлена. Само прилагательное «повседневный» и его синонимы указывают на то, что время конституируется только как феномен повторения — отсюда берет начало идея обратимого времени. Речь идет не только о самом факте повторения, но и о том, как формируется время: по мнению Гидденса, время является продуктом повторяющихся повседневных действий [2. С. 27]. Фокус на повторении, рутине и воспроизводстве вытесняет из анализа Гидденса идею Бергсона о становлении, изменении и движении: понятие «durée» больше не означает становление и изменение — только повторение и рекурсивность социальной жизни. «Durée» повседневной жизни, по мнению Гидденса [16. С. 88], берет свое начало в чем-то, что подобно «обратимому» времени у Леви-Стросса. Как уже было сказано, суть структуралистского метода состоит в открытии неизменных свойств, скрытых под кажущейся уникальностью и разнообразием наблюдаемых явлений. Результатом такого подхода является, например, известная антропологическая структурная модель правил брака в форме генерализованного обмена, когда группа «А» предоставляет женщин группе «Б», которая предоставляет женщин группе «В», которая, опять-таки, предоставляет женщин группе «А».

Вопрос, который возникает в этой связи, звучит как «Позволяет ли такая модель увидеть в структурализме Леви-Стросса обратимое время?». Антрополог Р. Бернс отметил, что время здесь на самом деле не возвращается, а постоянно движется вперед уже потому, что в случае циклических моделей обмена такого типа повторяющиеся серии реализуются в протекающем времени преемственности поколений [12. С. 24].

Похожим образом рассуждает Джелл, по мнению которого концепция Леви-Стросса описывает не «синхроническое время», а диахроническое повторение структурно идентичных, но нумерологически и хронологически различных событий-обменов во времени, которое на самом деле является линейным и необратимым [12. С. 25]. Гидденс в своей книге «Central Problems in Social Theory» дал слово Бернсу с его критикой идеи обратимого времени Леви-Стросса [14. С. 200] и позже сам заимствовал и развил эту идею в своей теории.

Тот факт, что Гидденс говорит об обратимом времени, обусловлен тем, что в теории структуризации он приписывает важное значение циклам обратной связи, в которых, по его мнению, не играет большой роли ни прошлое, ни будущее, ни направление времени.

Гидденс подчеркивает, что социальное воспроизводство состоит в копировании и повторении: то, что было, вновь настанет, то, что было вчера, будет и завтра — рутинные аспекты повседневной жизни формируют одновременно и прошлое, и будущее. На слабое место этой теории указывает Б. Адам, которая обращает внимание, что даже когда события постоянно повторяются в кажущейся неизменной форме, они все равно несут на себе следы времени [2. С. 29]: необратимая направленность — составной временной аспект даже наиболее часто повторяющегося общественного явления. Его направление и необратимость становятся несущественными только в том случае, когда мы выделяем данное явление из его контекста. То, что кажется неизменным, часто просто изменяется намного медленнее, чем референтные рамки наблюдателя. Например, традиционные общества изменяются крайне медленно, если их рассматривать с точки зрения сегодняшних западных стандартов. Чтобы эти общества можно было назвать «холодными» и функционирующими в обратимом времени, по мнению Адам, необходимы именно такие референтные рамки, но в перспективе эволюции изменения этих обществ можно рассматривать как крайне быстрые.

В действительности все события принципиально контекстуальны, необратимы и имеют заданное направление. События, безусловно, повторяются, но время — нет: поток переживаний необратимо движется в одном направлении. Кроме того, ни рутина, ни традиции или регулярное повторение никогда не сохраняют одну и ту же форму.

В свете этих аргументов необходимо вернуться к Леви-Строссу и задаться вопросом о его понимании времени. Как мне кажется, критику Джелла нельзя принять в полной мере, так как ряд аспектов концепции Леви-Стросса в его интерпретации несколько преувеличены.

Когда, например, Леви-Стросс говорит о том, что задачей предметов «чуринги» является деструкция времени, аннулирование его течения и обеспечение современникам синхронной связи и коммуникации с предками, он не утверждает, что использование этих предметов и в самом деле в состоянии отменить временную последовательность или повернуть время вспять.

Леви-Стросс всегда различает прошлое и настоящее и никогда не ставит между ними знак равенства, даже когда говорит о попытках стереть разницу между ними. Он также прекрасно понимает, что воскрешение прошлого в исторических ритуалах является инсценировкой, тогда как умирание и смерть реальны. Когда он характеризует ритуал как «инструмент для уничтожения времени», из контекста ясно, что речь идет о гиперболе, так как на самом деле «уничтожается» не время, а лишь некоторые его последствия, причем всегда в ограниченной степени. Тот факт, что определенные исторические ритуалы намеренно инсценированы, подтверждает, что люди осознают необратимость течения времени и пытаются про-

тивостоять ему при помощи тех средств, что им предоставляет их культура. Констатация того, что участники таких ритуалов могут субъективно переживать возвращение к мифическим истокам, не является утверждением, что ход времени можно остановить или повернуть вспять. Таким образом, когда Леви-Стросс говорит о холодных обществах, пытающихся не принимать время и историчность во внимание, это не означает, как ему приписывает Джелл, что он хочет переписать законы логики или физики — это всего лишь попытка увидеть мир глазами людей исследуемого общества.

REFERENCES

- [1] Abbott A. *Time Matters: On theory and method*. Chicago: University of Chicago Press; 2001.
- [2] Adam B. *Time and Social Theory*. Cambridge: Polity Press; 1990.
- [3] Adam B. *Timewatch: The Social Analysis of Time*. Cambridge: Polity Press; 1995.
- [4] Alexander J.C. *Sociological Theory Since 1945*. London: Hutchinson; 1987.
- [5] Aristotelés. *Poetika*. Praha: Orbis; 1962.
- [6] Baert P. *Time, Self and Social Being: Temporality within a Social Context*. Avebury: Aldershot; 1992.
- [7] Devereux G. Social time: A methodological and functional analysis. *American Journal of Sociology*. 1938; 6: 967—968.
- [8] Durkheim E. *Elementární formy náboženského života*. Praha: Oikúmené; 2002.
- [9] Dux G. *Die Zeit in der Geschichte: Ihre Entwicklungslogik vom Mythos zur Weltzeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1989.
- [10] Elias N. *Über die Zeit*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1988.
- [11] Evans-Pritchard E. *The Nuer*. Oxford: Clarendon; 1940.
- [12] Gell A. *The Anthropology of Time: Cultural Constructions of Temporal Maps and Images*. Oxford — Providence: Berg; 1992.
- [13] Giddens A. *New Rules of Sociological Method*. London: Hutchinson; 1976.
- [14] Giddens A. *Central Problems in Social Theory: Action, Structure and Contradiction in Social Analysis*. Berkeley — Los Angeles: University of California Press; 1979.
- [15] Giddens A. Time and space in social theory. J. Matthes (Ed.). *Lebenswelt und soziale Probleme*. Frankfurt/Main: Campus; 1981. Pp. 88—97.
- [16] Giddens A. *Die Konstitution der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung*. Frankfurt/Main — New York: Campus; 1988.
- [17] Hawking S.W. *Stručná historie času*. Praha: Mladá fronta; 1991.
- [18] Kant I. *Kritika čistého rozumu*. Praha: Oikúmené; 2001.
- [19] Lauer R.H. *Temporal Man: The Meaning and Uses of Social Time*. New York: Praeger; 1981.
- [20] Lévi-Strauss C. *Smutné tropy*. Praha: Odeon; 1966.
- [21] Lévi-Strauss C. *Myšlení přírodních národů*. Praha: Československý spisovatel; 1971.
- [22] Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale deux*. Paris: Plon; 1973.
- [23] Lévi-Strauss C. *Mýtus a význam*. Bratislava: Archa; 1993.
- [24] Nassehi A. *Die Zeit der Gesellschaft: Auf dem Weg zu einer soziologischen Theorie der Zeit*. Opladen: Westdeutscher Verlag; 1993.
- [25] Rifkin J. *Time Wars: The Primary Conflict in Human History*. New York: Henry Holt and Company; 1987.
- [26] Sorokin P.A. *Sociocultural Causality, Space, Time: A Study of Referential Principles of Sociology and Social Science*. New York: Russell-Russell INC; 1964.
- [27] Sorokin P.A., Merton R.K. Social time: A methodological and functional analysis. *American Journal of Sociology*. 1937; 42(5): 615—629.

- [28] Sue R. *Temps et ordre social: Sociologie des temps sociaux*. Paris: Presses Universitaires de France; 1994.
- [29] Young M. *The Metronomic Society: Natural Rhythms and Human Timetables*. Cambridge — Massachusetts. Harvard University Press; 1988.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-601-612

CLAUDE LÉVI-STRAUSS ON THE PROBLEM OF “SYNCHRONIC” TIME*

J. Šubrt

Charles University in Prague
U Kříže, 8, 15800 Praha 5, Czech Republic

Abstract. Human society exists in two temporal measurements. Astronomical time is uniform, homogenous, quantitative and continuous. Social time cannot be described in the same way for there are days for special functions, periods of time with specific features due to the activities, meanings and associations with them, and critical dates breaking the continuity of time. Social time has a qualitative character, a nonuniform flow — it can slow down, speed up and even stop, and it cannot be arbitrarily divided into parts. The concept of social time suggests that time is a human creation, social life produces different temporal structures of social phenomena together with the tools and units to measure time. Despite the duration and thematic richness, the debates on social time unfairly ignore C. Levi-Strauss’s theory of synchronic time. The article considers its prerequisites, criticism and main ideas, in particular, the famous typology of “hot” and “cold” societies distinguished by the criterion of time as manifested differently in different types of social systems and having different meanings. Societies with the same perception of historical time as our society today, i.e. considering time as a huge folder where historical events are systematized not to be forgotten, are called hot (and emphasize one’s historicity). Cold societies’ basic cognitive systems try to be static and indifferent to changes, i.e. strive to ignore historicity and externalize it as alien to them. The author emphasizes that when speaking of cold societies as not taking time and historicity into account Levi-Strauss does not want to rewrite the laws of logic or physics and just attempts to see the world through the eyes of another culture.

Key words: temporality; historicity; social time; synchronic time; Lévi-Strauss; structuralism; “hot” and “cold” societies

* © J. Šubrt, 2018.

This article is a fragment from the book “Antinomies, Dilemmas and Discussions in Contemporary Sociological Thought: Essays on Social Theory” by J. Šubrt (translated from Czech by E. Tourkova, E. Chernyshova; edited by N.P. Narbut) that will be published in the Publishing House of the RUDN University in 2018.

The article was submitted on 04.06.2018.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-613-626

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ВЗГЛЯДОВ И.А. ИЛЬИНА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ СОЦИОЛОГИИ*

В.А. Кудрявцев, Е.В. Лось

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ленинские горы, 1, Москва, Россия, 119991
(e-mail: vladikudr@mail.ru, catherinef@rambler.ru)

В статье анализируются государственно-правовые взгляды русского мыслителя И.А. Ильина. Цель работы — рассмотрение его творческих идей с точки зрения их теоретического потенциала и роли в российской истории социологии. Материалами послужили научные труды мыслителя и исследователей его творчества. Актуальность статьи обуславливается, с одной стороны, спецификой воззрений Ильина, которые во многом релевантны трансформациям российского общества на рубеже XX—XXI века, с другой стороны — необходимостью поиска именно специфически отечественных решений в рамках социологической науки. Первая часть статьи посвящена анализу разработанной Ильиным теории права, правосознания, власти и государства. Особый акцент сделан на сути естественного права, категории «нормальное правосознание» и трех его аксиомах. При рассмотрении власти и государства Ильин подчеркивал их правовой характер, а также различия монархического и республиканского правосознания. Во второй части статьи предпринимается попытка сопоставить теоретические выводы Ильина с современным периодом развития России. Авторы отмечают, что он видел корни фундаментальных проблем российского государства в трансформации культурной детерминанты человечества в целом, заключающейся в последовательной дехристианизации всех сфер жизни. В результате данных тенденций в российском обществе, с точки зрения Ильина, произошли катастрофические события — революция 1917 года, установление атеистического советского строя, а также предсказанный им распад страны в постсоветский период. Основными рекомендациями Ильина по выходу из системного кризиса являются реформы государственно-правовой сферы, в частности, возрождение «нормального правосознания» и обновление национальной идеи, где патриотизм занял бы ведущую позицию. В рамках государственного строительства Ильин предполагал установление сильной власти и авторитетного лидерства, а также воплощение в жизнь главных принципов «творческой» демократии — господство права, законности, справедливого суда и гражданской инициативы.

Ключевые слова: И.А. Ильин; история социологии; право; правосознание; власть; государство; духовная культура; «творческая» демократия; современная Россия

Для современной российской действительности характерно множество социальных проблем: в политической сфере — слабость или даже отсутствие гражданского общества, правового государства, ценностно-ориентированного правосознания, атмосферы доверительных отношений и деятельного сотрудничества в системе «власть—общество»; в экономической сфере — стагнация

* © Кудрявцев В.А., Лось Е.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 22.08.2018 г.

реального производства и явный переко́с в сторону финансово-спекулятивного сектора, сильная коррупционная составляющая, неравенство материальных и прочих возможностей; в социальной сфере — нуклеаризация семьи, низкая рождаемость, высокий процент разводов; в духовной сфере — распространение индивидуализма, эгоизма, культа денег и т.п. — «общество наше расколото, у нас нет проекта будущего» [21]. Духовные ценности играют ключевую роль в преодолении кризисных тенденций, поэтому ценностно-ориентированная социология обладает способностью формулировать новые задачи общественного развития и определять перспективы социокультурных преобразований. Отсюда — цель общественной науки: «Если русская философия хочет еще сказать что-нибудь значительное, верное и глубокое русскому народу и человечеству вообще — после всех пережитых блужданий и крушений... она должна возжелать ясности, честности и жизненности. Она должна стать убедительным исследованием духа и духовности» [14. С. 406]. Вот почему в рамках историко-социологической традиции важно анализировать рекомендации отечественных ученых, в частности мыслителей русского Серебряного века, периода судьбоносных исторических трансформаций, изменивших облик российского государства и общества. Осмысливая причины крушения царской власти, анализируя предпосылки и следствия революции 1917 года, выделяя векторы становления советского государства и делая прогнозы относительно судеб России, большинство этих мыслителей, критикуя переко́с в сторону государственного атеизма, экономизма и прагматизма в социальных науках, приходили к выводу, что возрождение духовных основ поможет сформулировать верные задачи социального развития и направить страну к их достижению, опираясь на институты государства и права. Так считал и И.А. Ильин (1883—1954).

И.А. Ильин — выдающийся выпускник, а затем профессор юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (тогда Императорский Московский университет), увлеченный философскими воззрениями Платона, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо, Г.В.Ф. Гегеля и выбравший специализацию в сфере государственного права, во многом сформировал свои научные взгляды под влиянием П.И. Новгородцева и Е.Н. Трубецкого. Защита его докторской диссертация «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» (1918) стала значимым событием в научной среде, ее высоко оценил В.И. Ленин.

Революционные события 1917 года поставили перед Ильиным задачу сформировать собственное отношение к происходящему, и в итоге «из кабинетного ученого он превращается в активного политика, борца и идеолога правого дела» [20. С. 16].

Разочаровавшись в программных лозунгах оказавшихся у власти большевиков, он стал их ярким противником, выбрав в качестве политического ориентира монархизм и «Белую идею». Не боясь высказывать свою точку зрения публично, Ильин шесть раз подвергался аресту, но благодаря высокой оценке его трудов В.И. Лениным избежал смертного приговора и был выслан из страны в 1922 году на знаменитом «философском пароходе».

Оказавшись в эмиграции в Германии и тяжело переживая свою высылку и разрыв с родиной, Ильин продолжил анализ институтов государства и права, разработку учения о правосознании и исследование феномена власти, написал несколько монографий и множество статей по религиозной философии и развитию культуры, в которых выражал отношение к трагическим событиям в мире (двум разрушительным войнам), изменениям человеческой личности и христианской религиозности в целом [22]. Проработав в должности профессора в Русском научном институте в Берлине до 1934 года, он отказался принять принципы национал-социализма после прихода Гитлера к власти и был уволен. Со временем «ему были запрещены также все другие публичные выступления, устные и печатные, и он обрекался, в перспективе, на голодную смерть. В то же время ему грозил арест и заключение в тюрьму или концлагерь» [24. С. 242]. При финансовой поддержке друзей, в частности композитора С.В. Рахманинова, в 1938 году Ильину с супругой удалось переехать в Швейцарию (пригород Цюриха Цолликон), где он и прожил последние 16 лет своей жизни. Только в 2005 году его останки были перевезены в Россию и перезахоронены в некрополе Донского монастыря, а в 2008 году 360 книг из его личного собрания были переданы в Фундаментальную библиотеку МГУ имени М.В. Ломоносова.

В 1990-е годы наследие Ильина стали внимательно изучать сначала специалисты, а затем и политики. Сегодня цитаты из его работ широко используют в своих статьях и выступлениях представители политической элиты (В.В. Путин, С.В. Лавров, В.Ю. Сурков и др.), видимо, находя в них ответы на многие вопросы современной России. Однако дальше ярких цитат из сочинений И.А. Ильина, П.И. Новгородцева, К.Н. Леонтьева, Н.А. Бердяева, Вл. Соловьева и др. дело не идет: в практике государственного строительства их теоретико-практические рекомендации фактически не учитываются. Вспоминаются давние слова С.Н. Булгакова, что труды наших социальных мыслителей-классиков еще очень долго будут «лежать мертвым капиталом».

Итак, центральное место в творчестве Ильина занимает его социально-нормативная концепция, включающая комплексное исследование государства и права, власти и правосознания. Если рассматривать эту концепцию в социологической перспективе, то очевиден ее историко-теоретический потенциал, поскольку Ильин анализировал вышеперечисленные феномены прежде всего как социальные явления и показал огромную роль духовных ценностей в их формировании, структуре и состоянии. Так, право он рассматривал сквозь призму разных научных областей (юриспруденции, истории, психологии и др.), раскрывающих его разные проявления. Ильин подчеркивал, что «применение права, как введение его в реальные процессы общественности, делает его фактором, реально-определяющим общественность. Право... является здесь „общественной силой“» [11. С. 41]. Одновременно Ильин связывал право с ценностной составляющей общественного и личного сознания и указывал на его огромную организующую роль в создании той духовной среды, где бы стало возможным нравственное и справедливое взаимодействие между гражданами, властью и обществом.

Право представляет собой совокупность социальных норм, и Ильин выделяет две их большие группы: 1) нормы моральные и религиозные; 2) нормы правовые и нормы нравов. Моральные и религиозные нормы обращаются, главным образом, к внутренней жизни человека, его религиозному восприятию мира и голосу совести, они «предписывают известное поведение, вырастающее из глубины души» [8. С. 86]. Правовые нормы и нормы нравов относятся преимущественно к внешнему поведению человека и его оценке, контролю и исправлению как со стороны общества, так и самой личности. Все виды норм помогают выделить две основные разновидности права: естественное право призвано обеспечить согласие правовых норм с моралью и справедливостью, это некий нравственный идеал, к которому должно стремиться человечество; положительное право включает в себя нормы, установленные действующей властью и подлежащие обязательному применению. Между данными разновидностями права не должно быть конфликта и противоречия, напротив, «прогресс общественной жизни состоит в постепенном приближении положительного права к естественному; идеал состоит здесь в том, чтобы все положительное право стало естественным (т.е. морально верным), а все естественное право — положительным (т.е. получило признание и применение со стороны власти)» [8. С. 110]. Тогда станет возможным полноценное развитие общества и формирование здорового правосознания.

Правосознанию Ильин придавал особое значение, поскольку вся человеческая жизнь складывается при его участии и под его непосредственным руководством. Понимая правосознание не просто как знание и соблюдение существующих законов, а скорее как их принятие и духовное переживание, мыслитель ввел понятие «нормальное правосознание» как зависимое от уровня развития духовной культуры народа. Поскольку, по мнению Ильина, современное человечество переживает кризис системы ценностей, то и общественное правосознание деградировало и утратило свое истинное призвание. Эта идея была воспринята Ильиным у его учителя Новгородцева, разработавшего концепцию абсолютного социального идеала и искавшего пути его достижения в совершенствовании правового сознания человечества. Также Ильин полагал, что сделать правосознание здоровым и зрелым можно, только реализовав три его аксиомы: 1) чувство собственного достоинства личности и нации в целом; 2) способность к волевому самоуправлению и правовое просвещение, без которых немислимо гражданское общество; 3) взаимное духовное признание, уважение и доверие людей друг другу — основа всякого правоотношения на межличностном, государственном и международном уровне. Все эти аксиомы «могут быть по существу сведены к тому, что политика как живая деятельность служит всегда в конечном счете духу, ради него утверждая „правое дело“ и созидавая государственное единение» [7. С. 251]. «Путь спасения России Иван Ильин видел не просто в обновлении экономики или идеологии, а в новом духовном опыте... Для Ильина невозможна деятельность в сфере права, литературы, философии, педагогики без способности вчувствования в чужую душу, без совестной интуиции. Живая жизнь социальных предписаний (правовых, нравственных, эстетических) разрушается без укорененности их в чувственно-

духовном мире человека» [19. С. 483]. На этом принципе зиждется вся концепция правосознания Ильина: через воспитание «нормального правосознания» политика способствует развитию национальной культуры народа, т.е. делает более просвещенным и духовно стойким.

Наряду с духовно понимаемыми правом и правосознанием Ильин осуществил комплексный анализ институтов власти и государства. Власть он определял как «силу, санкционированную правовыми нормами» [11. С. 52]. Вслед за Чичериным и Новгородцевым Ильин был уверен, что сила эта должна иметь не характер физического воздействия, переходящего в насилие, а духовного авторитета, благодаря которому властвующего уважают подданные, готовые исполнять его предписания свободно и без принуждения. Как бы проецируя внутренний мир человека на внешние социальные нормы и институты, точно так же как и в отношении «нормального правосознания», Ильин выделил аксиомы политической власти: 1) власть подчиняется правовому полномочию; 2) в пределах государства она должна быть едина; 3) ее призваны осуществлять только лучшие люди; 4) она может реализовывать только те меры, которые преследуют общий интерес; 5) программа власти должна включать лишь осуществимые реформы; 6) ее главной целью служит распределяющая справедливость, от которой можно отступить только в интересах всего народа. Следуя этим аксиомам, политические деятели смогут обеспечить социальный прогресс и справедливый общественный порядок. Пусть все эти положения и утопический идеал Ильина, однако любой социальный проект должен строиться властью и элитами именно как движение к идеалу.

Ильин прекрасно понимал огромную роль государства в организации жизни общества, прежде всего в духовном просвещении. Государство — это «организованное общение людей, связанных между собою духовной солидарностью и признающих эту солидарность не только умом, но поддерживающих ее силою патриотической любви, жертвенной волей, достойными и мужественными поступками» [13. С. 232]. По характеру внутренней организации государство может быть учреждением или корпорацией. Учреждение строится сверху вниз, поэтому большинство составляющих его людей не формулируют общей цели или программы развития, напротив, ими руководит узкая группа управленцев, которые и призваны решать все проблемы. Государство по своей сути есть учреждение, поскольку это структура «не частно-правовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично-правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная» [17. С. 127].

Напротив, корпорация строится снизу вверх равноправными и активными членами, которые объединяются в организацию по свободной воле и самостоятельно формулируют ее общую цель и интерес, создают выборные органы на определенный срок, определяют их состав и напрямую участвуют в их деятельности и контроле над ними. Примером государств, построенных по принципу корпорации, служат современные либеральные демократии.

Переходя в политико-правовую плоскость, Ильин осуществил детальный анализ двух основных форм правления — монархии и республики, подчеркивая, что

в каждой из них формируется определенный тип правосознания. Монархическому правосознанию присуще религиозное восприятие власти, наделение правителя всеми полномочиями в управлении без вынесения его результатов на общественный суд. Фигура царя в классических монархиях (например, в России) обретает ореол святости, поскольку «в нем (в том или ином смысле) живет божественное начало» [4. С. 369], что требует от него высоких моральных качеств и чувства подлинной религиозности, так как его решения определяют вектор развития государства. Монархическому правосознанию также присуще чувство верного правового и социального ранга, так как в нем заложено понятие ответственности и справедливости, оно духовно по сути и тяготеет к традициям, «естественно, органично, лояльно и религиозно, политически стремится к отбору лучших людей, — будь то назначением или голосованием» [2. С. 374].

Республиканское правосознание предполагает равенство и воспитывает в людях чувство сходного и одинакового, из чего складывается трафаретное мышление, которое убивает всякое проявление индивидуальности. Республиканское правосознание изначально предполагает недоверие избранному правителю и всем государственным органам, ведь оно сразу определяет срок их полномочий и при неисполнении обязательств может назначить новые выборы и полностью сменить состав правящей верхушки.

Ильин полагал, что наиболее совершенной формой правления (особенно для огромной России) является монархия, хотя предостерегал от ее превращения в тоталитарную диктатуру. В то же время он, как и Бердяев в работе «Смысл истории» (1923), критиковал формальную демократию за ее механистичность и выдвигание на первый план частных интересов, за нерелигиозность, материалистичность и обезличенность, однако допускал возможность ее преобразования в «творческую демократию», где идея права, прежде всего, естественного, и справедливости будет иметь первостепенное значение.

Свою социально-нормативную концепцию Ильин пытался наложить на историю России, чтобы усовершенствовать сложившиеся в ней устои и принципы жизни. Прежде всего, он обращал внимание на культурную составляющую современного ему российского общества (конец XIX — начало XX века), когда человечество в целом уже вступило в период духовной деградации, обусловленный целенаправленной и последовательной дехристианизацией (апостасией) и общей тенденцией к «безбожию», материализму, расчету и преобладанию чувственного опыта. В результате «убивается в людях вдохновенное, подавляется и пресекается напряжение их богоданного, естественного инстинкта, извращается наука, мертвеет совесть, выдыхается искусство, разлагается характер, вырождается правосознание и распадается хозяйство» [3. С. 357].

Изменилась и социальная природа человека, поскольку люди стали воспринимать мир ландшафтно, а друг друга — как мелькающих перед взором прохожих, которые на время встречаются, решают какие-то совместные задачи и расходятся в разные стороны. Человек теперь нужен и интересен другому, только если представляет для него какую-то нужную функцию. Межличностные отношения пре-

вратились в товарно-денежный обмен, когда каждый воспринимает другого лишь в меру его полезности, «или в меру своего тщеславия, или еще — в меру чувственного влечения. А использованного человека „списывают со счета“ и при первом удобном случае предают» [14. С. 290]. Ильин убежден, что эти культурные черты, как прямое следствие секуляризации западного сознания, проникли и в Россию, поставив под угрозу не только ее мировоззренческие основы, но и сам факт ее исторического существования как некоей культурной целостной цивилизации.

Ильин считал, что революционные события 1917 года — результат описанных социокультурных трансформаций, которые обнажили кризисное состояние всех сфер общественной жизни. Изменения затронули, прежде всего, государственное управление и право, поскольку из первого было вырвано религиозное наполнение, а второе оказалось лишено своего содержания, так как не сумело остановить бесчинства и расправы, рост преступности и нигилистические настроения.

Ильин, став свидетелем многочисленных арестов и допросов, полагал, что в советский период правовая культура была уничтожена, потому что в обществе отсутствовали предпосылки трех аксиом «нормального правосознания»: 1) чувство собственного достоинства попиралось принципами тоталитарного правления; 2) свободная воля и автономия были не нужны — всем руководила партийная верхушка; 3) взаимное духовное признание и доверие между людьми встречалось все реже, была широко распространена практика доноительства, а религиозность (сфера духовного общения) была официально запрещена. Оценки Ильина подтверждаются историческими фактами: огромные жертвы гражданской, а позже и Великой Отечественной войны, массовые репрессии 1930-х, а потом конца 1940-х — начала 1950-х годов, создание аппарата массового террора (ГУЛАГ) и др.

Однако сегодня его выводы требуют существенной корректировки, в частности, потому что Ильин «совершенно не учитывал динамику изменения власти в России, считая ее всегда тождественной той большевистской „банде“, от которой он шесть раз подвергался аресту в 1918—1922 годы... строительство новой России он мыслит только после ликвидации коммунистического строя. К сожалению, он оказался прав: социалистический строй разрушен» [25]. Другим ограничением социально-философской системы Ильина стала «глубокая убежденность в наличии однозначной и четко проводимой границы между добром и злом в нашем мире» [1. С. 14], что не позволило ему объективно оценить происходящие события.

Впрочем, столь однозначные констатации некоторого теоретического и нравственного «манихейства» и категоричности выводов Ильина исходят из не совсем корректной трактовки сути его моральной философии. Проблема усиления зла в мире, о которой писала вся русская философско-публицистическая элита, рассматривалась не с внешней, а с внутренней стороны. Речь шла о сопротивлении человека злему началу в себе, и Ильин даже вывел духовный закон: «несопротивляющийся злу поглощается им и становится одержимым» [6. С. 39].

Предвидя эпоху постмодерна с его тотальным релятивизмом, Ильин перенесил проблему зла в личностную плоскость, полагая, что сохранение страны

и народа во многом зависит от личных усилий составляющих Россию свободных личностей. Если не будет этого духовного сопротивления злу, то многие станут религиозно, морально и культурно беспамятны, уверятся в «белизне черноты». Так или иначе, каждый человек излучает вовне свой внутренний мир: «Человеку не дано „быть“ и „не сеять“, ибо он „сеет“ уже одним бытием своим... Вот почему в живом общении людей каждый несет в себе всех и, восходя, тянет всех за собою и, падая, роняет за собою всех» [6. С. 157].

В 1990-е годы большой резонанс вызвала статья Ильина «Что сулит миру расчленение России» (1950), в которой был сделан прогноз развития страны после свержения большевистской власти. Он полагал, что распад Советского Союза станет огромной ошибкой и серьезной политической авантюрой, поскольку испокон веков все его регионы составляли единое российское государство: «территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейские, азиатские и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и „опорных пунктов“; мало того, выступят империалистические соседи, которые будут покушаться на прямое или скрытое „аннексирование“ неустроенных и незащищенных новообразований» [18. С. 347]. Так и произошло: после крушения СССР страна действительно распалась на независимые государства, и последствия этого процесса можно наблюдать и поныне.

Ильин не ограничился прогнозами и разработал рекомендации по изменению ситуации и восстановлению государственной мощи и величия России, которые не утратили значения и могут быть социологически переосмыслены и использованы. Так, он, как многие другие мыслители, призывал начать с новой национальной идеи, которая «должна быть государственно-историческая, государственно-национальная, государственно-патриотическая, государственно-религиозная» [15. С. 457] и ставить своей целью воспитание в русском народе стойкого национального характера, что возможно только посредством духовного обновления всей культуры через реформы государства, структуры власти и правовой сферы.

В основу обновленного права и правосознания Ильин предлагал положить возрожденную и переосмысленную «русскую идею», сформулированную еще Ф.М. Достоевским в 1860 году. В это понятие Ильин вкладывал как достоинства русского характера (жертвенность, способность любить всем сердцем и душой, огромный творческий потенциал и др.), так и недостатки (склонность к беззаконию и безвластию, правовой нигилизм, слабых характерность, недисциплинированность в труде и т.д.). Достоинства следует восстановить в правах и культивировать, недостатки исправлять и не повторять ошибки прошлого, а также учитывать влияние православия, которое привело к пренебрежению формально-юридической стороной социальной жизни, характерной для западноевропейского права, и веч-

ным поискам справедливости и «праведного царя». То есть в России, по мнению Ильина, исторически и культурно складывалось именно монархическое правосознание, которое намного более, чем республиканское, соответствует ее традициям и устоям.

В рамках реформирования правовой сферы Ильин также призывал переосмыслить национально-патриотическую идею, полагая, что она станет главным источником восстановления российского общества и воспитания чувства собственного достоинства у каждого гражданина в постсоветскую эпоху. Духовность в русской социальной философии — личностная категория, в том числе применительно к проблеме патриотизма и национализма. В современной научной литературе из-за особенностей нашей трагической истории и секулярного типа мышления национализм нередко рассматривается в негативном плане и не вполне правомерно смешивается с такими понятиями, как шовинизм и экстремизм. Ильин еще в середине XX века призывал очистить национализм от этих коннотаций и определять его как «любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии», как «веру в духовную силу своего народа и его духовное призвание», как «волю к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божьем саду», как «созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов», и наконец, как «систему поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания» [5. С. 383]. Наряду с патриотизмом национализм должен развивать достоинства своего народа и не бояться перенимать лучшие качества у других наций, учиться у них и уважать их культуру и историю. Воспитать и продвигать в народе национально-патриотическую идею, по убеждению Ильина, призван обновленный слой интеллигенции, который в начале XX века себя дискредитировал, пережив внутренний духовный кризис, но в постсоветскую эпоху должен вновь самоорганизоваться и стать общественным ориентиром.

Более конкретные предложения Ильин сделал относительно переустройства структуры власти и государственной системы. Выбрав для себя позицию «непредрешения», т.е. не берясь предсказывать, какой именно строй будет установлен в России в посткоммунистическую эпоху, он все же наметил наиболее предпочтительные векторы развития российского государства с точки зрения его истории и духовной культуры. Так, он полагал, что после распада Советского Союза страна будет ослаблена, а народ подавлен, поэтому страна окажется неподготовлена к демократической форме правления. Кроме того, исторически в России формировалось и укоренялось не республиканское, а монархическое правосознание, поэтому демократия в ее секулярно-либеральном виде для нее не подходит, по крайней мере, на первых этапах постсоветского периода. Поэтому Ильин полагал, что первоначально в России необходимо установить «авторитарную воспитывающую диктатуру» и сильную власть. Первая носит временный характер и нужна для быстрого наведения порядка и заботы о населении. А сильная власть должна

быть установлена на постоянной основе, поскольку на ее необходимость указывает целый ряд предпосылок: 1) огромная территория; 2) многочисленность населения; 3) недостаточная развитость средств сообщения; 4) многонациональный и мультирелигиозный состав; 5) разнообразие климатических условий и ландшафта — отсюда многообразный хозяйственный уклад; 6) отсутствие «замыренных» границ; 7) низкий уровень народного правосознания. Ильин особенно подчеркивал, что «России нужна власть сильная, но дифференцированная. Сильная, но выдержанно-правовая. Сильная, но не просто и не только бюрократическая. Сильная, но децентрализованная. Воински закрепленная, но лишь в виде последнего аргумента. Полицейски огражденная, но не преувеличивающая компетенцию полиции» [9. С. 498]. Только такая диалектически гибкая и думающая о стране и народе власть способна обеспечить справедливый общественный порядок.

С введением «диктаториальной» власти Ильин призывал пересмотреть процесс организации выборов. Основными принципами обновленной избирательной системы должны стать качество (у власти могут быть только самые способные и энергичные люди с высоким чувством социальной ответственности), многостепенность (деление страны на «наместничества» и поэтапное сужение круга избирателей), отсутствие какой-либо дискриминации, свобода и таинство голосования. Кроме того, правильной организации выборов будет способствовать правовое просвещение населения и ограничение влияния политических партий. Ильин настороженно относился к деятельности партий, полагая, что они навязывают людям «готовые трафареты по всем вопросам... загоняют народную волю и народное чувство в несколько заранее выдуманных умственных тупиков» [16. С. 33]. Политический выбор каждого гражданина должен осуществляться на основе самостоятельного мышления, а не навязанных стереотипов.

В идеальном варианте, при правильной государственной работе в переходном периоде, Россия должна трансформироваться в «творческую» демократию. Для этого необходимы следующие условия: 1) высокоразвитое чувство государственной ответственности у всего населения; 2) свободная лояльность и честность; 3) государственно-политический кругозор, соответствующий масштабам страны и задачам, стоящим перед русским народом; 4) способность всех слоев населения к самостоятельному мышлению о государственной жизни; и 5) «народоправство осуществимо только там, где народу присуща сила личного характера» [10. С. 193]. При соблюдении этих условий на достижение которых уйдет не одно десятилетие, в России должны сформироваться чувство коллективного начала, независимость суждений, справедливая конкурентная борьба, безопасное проявление инициативы и новаторских идей, господство права и всеобщее равенство перед законом, а также верное чувство социального ранга и высокий уровень политической культуры.

Ильин верил в возможность достижения этих целей и даже подготовил своего рода конституцию грядущего российского общества, с которой можно ознакомиться в его работе «Проект основного закона российской империи» (1938).

Так, будущее российское государство Ильин характеризовал как христианское и национальное объединение многочисленных народов, исторически составлявших население России, патриотически верных Отечеству и закону, единому для всех граждан и требующему их безоговорочного подчинения. Страна в целом должна представлять собой правовой союз, где все сферы общественной жизни регламентируются правом, законом, властью и судом. Граждане должны быть наделены правовой свободой и быть способны к самостоятельному творчеству как в области государственного строительства, так и в личной жизни. Грядущая Россия призвана восстановить в правах православие, поэтому церковь и государство должны быть органично взаимосвязаны, дополнять и совершенствовать деятельность друг друга. Глава государства выбирается или становится наследником по праву восстановленной монархии, он должен контролировать все ветви власти, поэтому им должен быть только достойный лидер, способный соединить свою власть с «народом живыми отзывчивыми установлениями, а также должностными лицами, отобранными из лучших людей страны» [12. С. 526]. Отсюда — задача духовного воспитания, просвещения, целостности и историчности образования с сильным персональным подходом.

В политическом устройстве Ильин также рекомендовал, чтобы наряду с верховным правителем другими государственными структурами стали государственный совет, земский собор, совет министров, совет старейшин, сенат, высший церковно-исповедный суд, высшие советы при главе государства (посольский, военный и др.), а также дума национального единения.

Подводя итог вышесказанному, приходится признать, что многие прогнозы Ильина сбылись достаточно точно и нашли отражение в современном российском общественном мнении. Так, по данным Левада-Центра, 40% россиян считают, что нашему народу постоянно нужна «сильная рука» [23. С. 34], 75% уверены, что власть должна заботиться о людях [23. С. 45], при этом 79% убеждены в коррупционности органов государственной власти [23. С. 124], а 47% не чувствуют себя лично под защитой закона [23. С. 127]. Это говорит о том, что социальный кризис в стране до сих пор не преодолен, цели и перспективы развития страны четко не определены. Поэтому могут быть полезны такие рекомендации Ильина, как акцент на развитии правосознания с тремя его аксиомами, очищенное от иллюзий, исторически и содержательно верное понимание национализма и патриотизма как системы воспитания и критериев оценки политических решений, возрождение русской духовной культуры и истинно религиозной морали, а также принципы реформирования права и государственных институтов.

Работы Ильина, как и других мыслителей русского Серебряного века, должны быть включены в историю отечественной социологии не только в рамках теоретической инвентаризации канувших в лету социальных теорий. Концепции и практические рекомендации отечественных классиков социальной мысли не должны восприниматься лишь как мертвые и безжизненные разработки или свидетельства прошлого, поскольку она во многом предсказали то будущее, что

стало для нас настоящим. Теоретический потенциал социальных исследований прошлого в значительной мере не реализован до сего дня, хотя они представляют собой онтологию и социологию общества, а понимание российской специфики придает им неоспоримую актуальность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Евлампиев И.И.* От религиозного экзистенциализма к философии православия: достижения и неудачи Ивана Ильина // *Pro et contra*. СПб., 2004.
- [2] *Ильин И.А.* Идея ранга // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
- [3] *Ильин И.А.* Кризис безбожия // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1993. Т. 1.
- [4] *Ильин И.А.* О монархии и республике // *Сильная власть*. Русская идея. М., 2017.
- [5] *Ильин И.А.* О русском национализме // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
- [6] *Ильин И.А.* О сопротивлении злу силою // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1996. Т. 5.
- [7] *Ильин И.А.* О сущности правосознания // *Сильная власть*. Русская идея. М., 2017.
- [8] *Ильин И.А.* Общее учение о праве и государстве // *Сильная власть*. Русская идея. М., 2017.
- [9] *Ильин И.А.* Основы государственного устройства // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1998. Т. 7.
- [10] *Ильин И.А.* Основы демократии // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
- [11] *Ильин И.А.* Понятие права и силы // *Сильная власть*. Русская идея. М., 2017.
- [12] *Ильин И.А.* Проект основного закона российской империи // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1998. Т. 7.
- [13] *Ильин И.А.* Путь духовного обновления // *Путь духовного обновления*. М., 2011.
- [14] *Ильин И.А.* Путь к очевидности // *Путь духовного обновления*. М., 2011.
- [15] *Ильин И.А.* Творческая идея нашего будущего // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1998. Т. 7.
- [16] *Ильин И.А.* Что дает и что отнимает политическая партийность? // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 2.
- [17] *Ильин И.А.* Что есть государство — корпорация или учреждение? // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
- [18] *Ильин И.А.* Что сулит миру расчленение России // *Наши задачи*. Статьи 1948—1954 гг.: в 2 тт. М., 2008. Т. 1.
- [19] *Корольков А.А.* Духовный смысл русской культуры. СПб., 2006.
- [20] *Лисица Ю.Т.* И.А. Ильин: Историко-биографический очерк // *Собрание сочинений* в 10 тт. М., 1993. Т. 1.
- [21] *Малинецкий Г.Г.* Вся цифровая экономика должна быть выброшена как целое // <https://izborsk-club.ru/15472>.
- [22] Наследие русского философа И.А. Ильина (1883—1954) // <http://www.nasledie-ijjina.srcc.msu.ru>.
- [23] Общественное мнение—2017 // <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2017>.
- [24] *Полторацкий Н.П.* И.А. Ильин // *Русская религиозно-философская мысль XX века* / Под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1975.
- [25] *Сомин Н.В.* Достоинства и недостатки мирозерцания И.А. Ильина // http://ruskline.ru/analitika/2011/11/23/dostoinstva_i_nedostatki_mirosozercaniya_ialina.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-613-626

THEORETICAL POTENTIAL AND ROLE OF I.A. ILYIN'S STATE-LEGAL VIEWS IN THE RUSSIAN HISTORY OF SOCIOLOGY*

V.A. Kudryavtsev, E.V. Los

Lomonosov Moscow State University
Leninskie Gory, 1, Moscow, Russia, 119991
(e-mail: vladikudr@mail.ru, catherinef@rambler.ru)

Abstract. The article considers state-legal views of the Russian thinker I.A. Ilyin and aims at identifying their theoretical potential and role in the Russian history of sociology. The research is based on the works of Ilyin and researchers of his legacy. The relevance of such a study is determined, on the one hand, by Ilyin's specific outlook that in many respects can explain the transformations of the Russian society at the turn of the 21st century; on the other hand, by the sociological need to search for specific Russian solutions. In the first part of the article, the authors consider Ilyin's theory of law, legal consciousness, power and the state, focusing on the essence of natural law, category "normal legal consciousness" and its three axioms. When considering power and the state, Ilyin emphasized their legal nature and the differences between monarchical and republican legal consciousness. In the second part of the article, the authors compare Ilyin's theoretical conclusions with the contemporary Russian society. They argue that Ilyin saw the roots of Russia's fundamental problems in the general transformation of human culture, i.e. consistent dechristianization of all social spheres. This trend led to catastrophic events in Russia — the Revolution of 1917, establishment of the atheistic Soviet system, and the predicted disintegration of the country in the post-Soviet period. The main Ilyin's recommendations for overcoming the system crisis are reforms of the state-legal sphere, in particular revival of the "normal legal consciousness" and update of the national idea so that patriotism would take the leading position. In the state building Ilyin preferred strong power and authoritative leadership, and also implementation of "creative" democracy principles such as the rule of law, legality, fair trial and civil initiative.

Key words: I.A. Ilyin; history of sociology; law; legal consciousness; power; state; spiritual culture; "creative" democracy; contemporary Russia

REFERENCES

- [1] Evlampiev I.I. Ot religioznogo ekzistencializma k filosofii pravoslaviya: dostizheniya i neudachi Ivana Ilyina [From religious existentialism to the philosophy of Orthodoxy: Achievements and failures of Ivan Ilyin]. *Pro et contra*. Saint Petersburg; 2004 (In Russ.).
- [2] Ilyin I.A. Ideya ranga [The idea of rank]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [3] Ilyin I.A. Krizis bezbozhiya [Crisis of godlessness]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 1. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [4] Ilyin I.A. O monarhii i respublike [On monarchy and republic]. *Silnaya vlast. Russkaya ideya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [5] Ilyin I.A. O russkom nacionalizme [On Russian nationalism]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [6] Ilyin I.A. O soprotivlenii zlu siloyu [On the resistance to evil by force]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 5. Moscow; 1996 (In Russ.).

* © V.A. Kudryavtsev, E.V. Los, 2018.
The article was submitted on 22.08.2018.

- [7] Ilyin I.A. O sushchnosti pravosoznaniya [On the essence of legal consciousness]. *Silnaya vlast. Russkaya ideya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [8] Ilyin I.A. Obschee uchenie o prave i gosudarstve [General doctrine of law and the state]. *Silnaya vlast. Russkaya ideya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [9] Ilyin I.A. Osnovy gosudarstvennogo ustrojstva [Fundamentals of state structure]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 7. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [10] Ilyin I.A. Osnovy demokratii [Fundamentals of democracy]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [11] Ilyin I.A. Ponyatie prava i sily [The concept of law and strength]. *Silnaya vlast. Russkaya ideya*. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [12] Ilyin I.A. Proekt osnovnogo zakona rossijskoj imperii [The draft basic law of the Russian Empire]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 7. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [13] Ilyin I.A. Put duhovnogo obnovleniya [The path of spiritual renewal]. *Put duhovnogo obnovleniya*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [14] Ilyin I.A. Put k ochevidnosti [The path to evidence]. *Put duhovnogo obnovleniya*. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [15] Ilyin I.A. Tvorcheskaya ideya nashego budushchego [Creative idea of our future]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 7. Moscow; 1998 (In Russ.).
- [16] Ilyin I.A. Chto daet i chto otnimaet politicheskaya partijnost? [What does political party membership give and what does it take?]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 2. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [17] Ilyin I.A. Chto est gosudarstvo — korporatsiya ili uchrezhdenie? [What is the state — a corporation or an institution?]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [18] Ilyin I.A. Chto sulit miru raschlenenie Rossii [What the disintegration of Russia promises]. *Nashi zadachi. Stati 1948—1954 gg.*: in 2 vols. Vol. 1. Moscow; 2008 (In Russ.).
- [19] Korolkov A.A. *Duhovnyj smysl russkoj kultury* [Spiritual Meaning of Russian Culture]. Saint Petersburg; 2006 (In Russ.).
- [20] Lisitsa Yu.T. I.A. Ilyin: Istoriko-biograficheskij ocherk [I.A. Ilyin: A historical-biographical sketch]. *Sobranie sochineniy*: in 10 vols. Vol. 1. Moscow; 1993 (In Russ.).
- [21] Malinetsky G.G. Vsyaya tsifrovaya ekonomika dolzhna byt vybroshena kak tseloe [The whole digital economy should be thrown away]. <https://izborsk-club.ru/15472> (In Russ.).
- [22] Nasledie russkogo filosofa I.A. Ilyina (1883—1954) [Legacy of the Russian philosopher I.A. Ilyin (1883—1954)]. <http://www.nasledie-iljina.srcc.msu.ru> (In Russ.).
- [23] Obschestvennoe mnenie—2017 [Public opinion-2017]. <https://www.levada.ru/sbornik-obshhestvennoe-mnenie/obshhestvennoe-mnenie-2017/> (In Russ.).
- [24] Poltoratsky N.P. I.A. Ilyin. *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl XX veka* [Russian Religious-Philosophical Thought of the 20th Century]. Pod red. N.P. Poltoratskogo. Pittsburgh; 1975 (In Russ.).
- [25] Somin N.V. Dostoinstva i nedostatki mirosozercaniya I.A. Ilyina [Merits and limitations of I.A. Ilyin's worldview]. http://ruskline.ru/analitika/2011/11/23/dostoinstva_i_nedostatki_mirosozercaniya_ialina (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-627-637

РАЗРАБОТКА ПОДХОДА К КОЛИЧЕСТВЕННОЙ МУЛЬТИМОДАЛЬНОЙ ОЦЕНКЕ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ ИНТЕРВЬЕОЕРОВ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПИЛОТНОГО КВАЗИЭКСПЕРИМЕНТА*

И.Ф. Девятко

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 11, Москва, 101000, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: deviatko@gmail.com)

Представление о том, что опросный инструментарий, опосредующий коммуникацию между интервьюером и респондентом, влияет на качество опросных данных, давно превратилось в общеизвестную методологическую мудрость. Однако влияние на качество данных когнитивной нагрузки, испытываемой интервьюером в процессе проведения интервью, пока не получило систематического рассмотрения в существующей литературе. В ситуации, когда анкета заполняется интервьюером, именно последний должен распределять ограниченные индивидуальные ресурсы внимания, памяти, визуального и моторного контроля, а также использовать навыки активного слушания и интерпретации, чтобы свести к минимуму недопонимание вопроса респондентом и собственные ошибки фиксации ответов. Тем не менее, среди различных методов предварительного тестирования качества опросного инструментария или оценки потенциальных эффектов способа проведения опроса методы мультимодальной количественной оценки когнитивной нагрузки интервьюера, сопряженной с использованием опросного инструментария во время интервью, все еще редки или практически отсутствуют. В статье представлены: краткий перечень субъективных, поведенческих и физиологических мер когнитивной нагрузки, используемых в таких дисциплинарных областях, как когнитивная наука, эргономика и т.д., а также описание и обсуждение предварительных результатов пилотного квазиэксперимента, участниками которого стали интервьюеры «Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ», проходившие обучение в процессе перехода от интервьюирования с помощью бумажной анкеты (РАPI) к использованию компьютерных технологий в процессе проведения интервью (САPI). Результаты исследования позволили продемонстрировать некоторые преимущества и технические ограничения, связанные с параллельным использованием варианта популярной шкалы самооценки когнитивной нагрузки (шкала Пааса) и простого физиологического индикатора (частота сердечных сокращений), дополненных данными видеозаписи с экрана планшета, применявшегося в процессе интервьюирования, в целях мультимодальной количественной оценки когнитивной нагрузки интервьюера при проведении интервью.

Ключевые слова: когнитивная нагрузка; мультимодальная оценка когнитивной нагрузки, связанной с проведением интервью; РАPI и САPI; качество опросных данных; шкала Пааса; частота сердечных сокращений

* © Девятко И.Ф., 2018.

Статья подготовлена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 17-78-20172.
Статья поступила в редакцию 22.08.2018 г.

Величина когнитивной нагрузки на интервьюера и респондента при проведении опроса — ключевой компонент оценки затрачиваемых ими когнитивных ресурсов и умственных усилий, который позволяет не только локализовать потенциальные источники ошибок измерения или учесть риски использования интервьюерами или респондентами стратегий, минимизирующих усилия и время заполнения в ущерб качеству данных, но и выбирать оптимальные форматы вопроса [11], управлять эффектами социальной желательности [17] или планировать оптимальное сочетание способов проведения опроса (например, телефонное интервью, онлайн-опрос и т.д.) и технических решений, касающихся, в частности, использования компьютерных технологий в сборе данных [см., напр.: 3; 13].

В ситуации проведения интервью «лицом-к-лицу» анкета заполняется интервьюером со слов респондента, и именно первый должен использовать ограниченные ресурсы внимания, памяти, зрительного и моторного контроля, активного слушания и интерпретации таким образом, чтобы минимизировать ошибки в понимании вопроса респондентом и ошибки фиксации ответа.

Очевидно, что решение множественных параллельных задач — существенная характеристика деятельности интервьюера, которая предполагает не только значительные требования к перечисленным когнитивным ресурсам и навыкам, но и наличие метакогнитивных и саморегуляторных умений, в частности, навыка осуществления параллельного основной задаче контроля над работой техники в ходе интервью, умения поддерживать оптимальный темп интервью с учетом используемых средств фиксации (например, ручного письма в случае личного интервью с помощью бумажной версии вопросника — PAPI — или навыков использования сенсорной или физической клавиатуры устройства в случае интервью, проводимого с помощью компьютерных технологий — CAPi). Описанная ситуация решения множественных задач в процессе интервьюирования, включающих в себя поддержание коммуникации с респондентом, контроль над собственными действиями по заполнению вопросника и т.п., может приводить к исчерпанию доступных когнитивных ресурсов и достижению «красных линий» когнитивной перегрузки [6. Р. 34—39] — точек, в которых требования задачи превосходят доступные когнитивные ресурсы интервьюера, что, в конечном счете, ведет к снижению качества данных.

Если особенности дизайна опросного инструментария, влияющие на качество измерения, или потенциальное воздействие личности интервьюера на коммуникацию с респондентом привлекают устойчивый интерес и являются темой множества качественных исследований и методических экспериментов, задача прямой количественной оценки когнитивной нагрузки и умственных усилий (1), затрачиваемых интервьюером (и респондентами) в процессе интервью, до сих пор редко оказывалась в центре внимания социологов. Так, в сравнительно немногочисленных исследованиях производилась оценка времени заполнения или количества исправлений как косвенных поведенческих индикаторов, связанных с уровнем когнитивных усилий респондента, потенциально влияющих на качество данных (см., в частности, [4; 11]). Однако попытки разработки комплексного подхода

к интегральной количественной оценке разных аспектов когнитивной нагрузки, связанной с разными задачами, психическими процессами и модальностями (слух, зрительное внимание и т.п.), задействованными в процессе интервью, до сих пор не предпринимались.

Вместе с тем в последние десятилетия в таких дисциплинарных областях, как когнитивная наука, эргономика, психология образования, накоплен значительный опыт практического использования субъективных, поведенческих и физиологических индикаторов когнитивной нагрузки при выполнении множественных задач, которые используются как в исследованиях обучения, так и в оценке профессиональной деятельности (например, программистов, проверяющих компьютерный код [12]).

Систематический анализ накопленного в междисциплинарных исследованиях опыта измерения когнитивной нагрузки позволяет предварительно определить первичный набор индикаторов, потенциально обладающих свойствами надежности измерения и практической применимости для оценки когнитивной нагрузки интервьюера, связанной с заполнением отдельных блоков и анкеты в целом в полевых условиях или на стадии разработки инструментария и проведения тренингов интервьюеров. На основе такого анализа ранее [2] были очерчены ближайшие перспективы, возможности и потенциальные трудности разработки подхода к интегральной оценке когнитивной нагрузки применительно к деятельности по заполнению опросников, преимущественно с точки зрения оценки когнитивной нагрузки интервьюеров при проведении опросов с использованием разных способов заполнения (бумажная анкета, заполнение вопросников с использованием переносных компьютеров и планшетов). В данной статье, исходя из широкого определения когнитивной нагрузки как *многомерного конструкта, характеризующего ментальные усилия, связанные с решением одной или нескольких задач, структура и содержание которых задают необходимый объем привлекаемых для их успешного решения ограниченных когнитивных ресурсов — внимания, кратковременной памяти, моторного контроля и т.д.*, охарактеризованы три основные группы мер когнитивной нагрузки: 1) опросные техники, прежде всего основанные на субъективной оценке уровня когнитивной нагрузки по одномерной или многомерной шкале; 2) объективные физиологические (и нейрофизиологические) неинвазивные методы измерения когнитивной нагрузки, использующие показатели, которые в большинстве ситуаций не поддаются произвольному контролю со стороны испытуемых (чаще всего — получаемые с помощью пупиллометрии данные о динамике размера зрачка, частоте сердцебиений и ее вариабельности, реже — данные айтрекеров о динамике размера зрачка или фиксации взгляда, результаты ЭЭГ, измерения кожно-гальванической реакции и т.д.), 3) дополнительные методы измерения когнитивной нагрузки, основанные на объективных поведенческих данных об уровне исполнения, включая параданные и другие поведенческие индикаторы, часто измеряемые с использованием параллельно выполняемой второй задачи (время исполнения задачи, количество ошибок).

В статье представлены результаты пилотного полевого исследования, направленного на оценку уровня когнитивной нагрузки на первой стадии перехода интервьюеров Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (далее — РМЭЗ НИУ ВШЭ) (2) от бумажных вопросников (РАPI) к их заполнению на планшете (САPI). В ходе исследования оценивались также возможности и технические особенности интегральной количественной оценки когнитивной нагрузки интервьюеров с помощью элементарных субъективного и объективного индикаторов (3). При проведении пилотного квазиэксперимента интервьюеры, проходившие офлайн тренинг в Москве (N = 24, женщины, средний возраст — $60,9 \pm$ стандартное отклонение — 10,6), сначала заполняли анкету «до тренинга», содержащую необходимую информацию о социально-демографических характеристиках, наличии релевантного опыта работы в РМЭЗ и других опросах, в том числе с применением планшетов или смартфонов, об общем уровне «цифровой грамотности», а также о воспринимаемой сложности заполнения девяти основных разделов анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ. Полное описание процедур тренинга и анкетирования до и после обучения заполнению вопросника РМЭЗ НИУ ВШЭ на планшете, а также основные результаты анкетирования интервьюеров приводятся в статье [1].

После практико-ориентированного тренинга, в каждой сессии которого участвовало от четырех до шести интервьюеров, участникам предлагалось самостоятельно провести тестовое интервью с «модельным» респондентом (членом исследовательской команды или техническим сотрудником) по полной версии содержавшего ряд дополнительных блоков «Вопросника для взрослых» 26-й волны РМЭЗ НИУ ВШЭ с использованием планшета (САPI). Участие в таком тестовом интервью было добровольным и обычно не вызывало отказов (4). После тестового интервью участники заполняли бланк оценки когнитивной нагрузки для всех блоков (разделов) «Вопросника» 26-й волны при интервьюировании в режиме САPI и, позднее, анкету «после тренинга» [1].

Шкала воспринимаемой когнитивной нагрузки. До начала и после завершения тестового интервью на планшете интервьюеры заполняли краткую анкету, содержащую модифицированную (пятибалльную) версию одномерной шкалы воспринимаемой когнитивной нагрузки Пааса (5). Для девяти основных разделов бумажной версии вопросника (т.е. для режима РАPI) когнитивная нагрузка как «сложность заполнения данного раздела при проведении интервью» оценивалась до, а для шестнадцати разделов «Вопросника для взрослых» 26-й волны — после проведения интервью в режиме САPI (если некоторый раздел, например, «Пенсия» или «Только для женщин», в ходе проведения интервью с «модельным» респондентом не заполнялся, оценивание когнитивной нагрузки для него не проводилось).

Шкала Пааса, которая основана на ретроспективном самоотчете индивидов о воспринимаемом уровне когнитивной нагрузки в ходе выполнения разных заданий — от решения задач по статистике до нахождения ошибок в тексте — это очень популярный метод оценки когнитивной нагрузки, который использо-

вался сначала в исследованиях интеллекта [5], но основное развитие получил в педагогической психологии и прикладных исследованиях образования [14; 15]. Надежность-согласованность и валидность шкалы Пааса подтверждены в значительном количестве исследований [см., напр.: 2. С. 8—10].

При использовании той или иной версии одномерной шкалы Пааса перед участниками исследования ставится задача прямой субъективной оценки умственных усилий, затраченных ими при решении отдельной задачи или выполнении блока заданий, по девятибалльной (иногда семибалльной) шкале ликертовского (лайкертовского) типа (в диапазоне от «очень, очень/крайне небольшие» до «очень, очень/крайне большие»).

В нашем исследовании испытуемые заполняли в бумажной форме сокращенную и инвертированную версию шкалы, которая своим форматом напоминала другие оценочные шкалы, использовавшиеся в анкетах «до тренинга» и «после тренинга». Задача участника исследования заключалась в том, чтобы ответить на вопрос, насколько были сложны для нее/него разные разделы вопросника при проведении интервью «с точки зрения затраченных ею/им умственных усилий (в частности, внимания, памяти, самоконтроля)» (6). Для ответа во всех случаях использовалась пятибалльная шкала, где оценка «1» означала ответ «блок вопросов очень сложный для заполнения», а «5» — «блок вопросов очень легкий для заполнения». Исходя из данных похожих по замыслу предыдущих исследований установок интервьюеров при переходе с PAPI на CAPI [см., напр.: 7; 9]), мы ожидали, что общая оценка когнитивной нагрузки при заполнении «Вопросника» с помощью планшета будет не выше или даже ниже оценки когнитивной нагрузки при заполнении бумажной версии.

Частота сердечных сокращений. В ходе исследования изучалась возможность фонового и малозаметного применения надежного (хотя и косвенного) коррелята *динамики общей активации* при когнитивной нагрузке — частоты сердечных сокращений. Увеличение частоты сердечных сокращений — простейший с точки зрения доступности измерения индикатор активности симпатической нервной системы (наряду с ростом давления, потоотделением и изменениями электрической активности кожи). Умеренный, т.е. не слишком низкий или не слишком высокий, уровень общей активации оказывает положительное воздействие на когнитивные процессы, в частности, на функции памяти, способность поддерживать концентрацию внимания и т.п. [8; 10; 16].

В нашем исследовании были использованы результаты пульсометрии — средние значения частоты сердечных сокращений за минуту (ЧСС), полученные с применением наручного браслета Mi Band 2 и приложения для выгрузки данных Mi Heart Rate (кастомизированного для Android или iOS). Браслет работал в фоновом режиме непрерывного измерения пульса, передавая в приложение данные о среднем значении ЧСС для заданного временного интервала с частотой около 0,083 Гц (поскольку для выгрузки данных использовались различные смартфоны, этот параметр зависел от устройства, в частности, для одной из моделей с iOS не удалось получить точные временные метки для выгружаемых данных в секундном диапазоне).

Перед началом каждого тестового интервью интервьюеры заполняли «Форму согласия» и получали разъяснения относительно функций браслета. Интервал адаптации к ношению браслета (устройство выглядит как небольшие пластиковые смарт-часы на силиконовом ремешке) составлял в среднем 7—9 минут. Данные за последние 1,5—2 минуты этого интервала использовались при анализе динамики ЧСС по разделам анкеты в качестве индивидуального базового значения ЧСС, характерного для испытуемого. Каждого интервьюера спрашивали о наличии заболеваний сердечно-сосудистой системы и систематически принимаемых в этой связи препаратах (поскольку для нашей небольшой выборки эффекты этих двух переменных не были значимы, мы не будем здесь рассматривать эти данные).

Видеозапись с экрана планшета. С целью синхронизации временных меток для рядов данных пульсометрии и фонового мониторинга прохождения отдельных разделов вопросника использовалось приложение для записи видео с экрана DU Recorder в версии, оптимизированной для планшетов, работающих на Android (1.5.7), предустановленное на используемых в ходе тренинга планшетах. Полученная видеозапись с указанием временных меток прохождения вопросника была использована для разбиения последовательности данных пульсометрии по разделам (блокам) «Вопросника», осуществлявшегося вручную двумя кодировщиками. В будущем полученные таким образом видеозаписи могут быть использованы и для анализа ошибок и исправлений при заполнении анкеты (в данном случае СAPI-интервью проводилось каждым испытуемым однократно, поэтому количество ошибок было невелико и соответствующие данные не анализировались).

Результаты эксперимента позволили оценить качество получаемых с применением описанных мер оценки когнитивной нагрузки данных (в том числе с точки зрения масштаба технических потерь данных в ходе фоновой записи, точности временной разметки при экспорте данных пульсометрии на разные мобильные устройства — в частности, были обнаружены неточности при экспорте на некоторые мобильные устройства на iOS); были оценены возможные потери в результате технических ошибок и полной или частичной потери записи с экрана (около 25%).

Говоря о возможности использования приложения DU Recorder для *видеозаписи действий* испытуемых на экране планшета при проведении интервью, следует отметить его преимущества: бесплатность, фоновый характер записи, не отвлекающий испытуемого от выполнения основной задачи на планшете, возможность использования видеозаписей как источника множественных поведенческих индикаторов. Впрочем, упомянутый малозаметный и фоновый характер работы приложения имеет и обратную сторону: прекращение записи в случае сбоя в работе приложения нередко оставалось незамеченным и вело к полной или частичной потере данных для наблюдения (по крайней мере, в трех случаях потеря данных предположительно могла быть связана с интерференцией с работой других устройств, поскольку происходила в конкретной локации использовавшегося для проведения тренингов помещения).

В результате анализа данных *пульсометрии* для зависимой переменной ЧСС ($N = 18$ испытуемых) с использованием линейной модели со смешанными эффектами и повторными измерениями (оценивание проводилось методом ограни-

ченного максимального правдоподобия), позволившей анализировать данные с пропусками (7) и оценивать эффект испытуемого/интервьюера, были выявлены значимые основные эффекты и эффект взаимодействия внутрисубъектного фиксированного фактора «Раздел вопросника» и межсубъектного фактора «Испытуемый», которые планируется уточнить в дополнительном эксперименте: для основного эффекта фактора ««Раздел вопросника» $F(17; 305,512) = 6,985, p < 0,0001$; для основного эффекта испытуемого $F(17; 889,241) = 180,637, p < 0,0001$; для взаимодействия этих факторов $F(263; 509,583) = 4,657, p < 0,0001$. Полученные данные могут рассматриваться как предварительная демонстрация конструктивной валидности показателей пульсометрии при косвенной оценке общей активации как компонента когнитивной нагрузки, возникающей при заполнении интервьюерами отдельных разделов анкеты. Были выявлены, соответственно, и значимые попарные различия для оцененных средних значений ЧСС (например, разность оцененных маргинальных средних между базовым уровнем и уровнем при заполнении блока «Образование», составила 2,704 при $p \leq 0,005$), однако содержательная интерпретация этих различий в условиях квазиэксперимента затруднена тем, что при фиксированном естественном порядке следования блоков анкеты (т.е. без рандомизации, которая была невозможна в реальных условиях обучения интервьюеров работе с «Вопросником») и в отсутствие интервалов покоя при переходе от одного блока к другому динамика ЧСС не может быть однозначно атрибутирована конкретному блоку (значительные изменения могут наблюдаться в течение некоторого времени после завершения опроса по конкретному разделу, т.е. при заполнении следующего раздела). Кроме того, нелинейный характер связи между общим уровнем активации и выполнением задачи требует учета независимо измеренной сложности задачи, а также межиндивидуальных различий в компетенции [см., напр.: 10]. Вместе с тем можно сделать вывод, что данные о динамике ЧСС, наряду с другими индикаторами уровня активации симпатической нервной системы, прежде всего вариабельностью сердечного ритма и изменениями электрической активности кожи, в дальнейшем могут быть использованы для комплексной оценки различных компонентов когнитивной нагрузки.

Анализ данных оценки *воспринимаемой когнитивной нагрузки* по шкале Пааса по итогам тестового заполнения анкеты на планшете отчасти подтвердил ожидаемый паттерн различий между этими оценками и ретроспективными оценками сложности заполнения бумажной анкеты в пользу САРІ (при сравнении с использованием теста Уилкоксона) для трех из девяти основных разделов «Вопросника» («Интернет», «Пенсия», «Только для женщин», $p < 0,05$) и тенденцию к значимости для еще двух разделов («Миграция», «Работа», $p = 0,07$). Для всех этих разделов заполнение на планшете оценивалось как более легкое с точки зрения затраченных умственных усилий в сравнении с ретроспективно оцениваемой сложностью заполнения бумажной анкеты, что может свидетельствовать в пользу конструктивной валидности данной версии шкалы Пааса при оценке когнитивной нагрузки интервьюеров.

Однако более определенные выводы могут быть сделаны лишь при большем количестве наблюдений и для более гетерогенной выборки (абсолютное большинство наших испытуемых относились к старшим возрастным группам и имели

многолетний опыт работы интервьюером). С точки зрения содержательной интерпретации данные о том, что для большинства разделов «Вопросника» воспринимаемая когнитивная нагрузка при заполнении в бумажной форме и на планшете не различаются, а для нескольких разделов когнитивные усилия при заполнении на планшете субъективно оцениваются как меньшие, хорошо согласуются и с данными более ранних исследований сравнительных установок интервьюеров по отношению к работе в режимах PAPI и CAPi [7], и с данными анкетирования «после тренинга» относительно общей оценки опыта работы на планшете [1].

Также в исследовании была продемонстрирована высокая надежность-согласованность оценки общей когнитивной нагрузки интервьюеров по шкале Пааса (альфа Кронбаха для оценки когнитивной нагрузки при работе на планшете была равна 0,945, для ретроспективной оценки когнитивной нагрузки при работе с бумажной анкетой — 0,867), что в целом согласуется с ранее полученными оценками [2]. Однако требуется большее количество наблюдений для статистически обоснованной оценки возможного влияния наличия опыта интервьюирования с помощью планшета или смартфона и общей «цифровой грамотности» интервьюеров на воспринимаемую когнитивную нагрузку в процессе проведения опроса в формате CAPi.

В целом пилотное исследование подтвердило возможности применения таких субъективных и объективных индикаторов когнитивной нагрузки, как шкала Пааса, данные пульсометрии и видеозаписи с экрана мобильного устройства, используемого для заполнения анкеты, для разработки подхода к мультимодальной оценке когнитивной нагрузки интервьюеров, однако уточнение полученных выводов с точки зрения как методологических преимуществ, так и технических удобств и ограничений, требует дальнейших исследований с использованием больших и более разнородных с точки зрения возраста и опыта участников выборок, большей степени контроля над условиями эксперимента, а также оценки конвергентной и дискриминантной валидности использованных в пилотном квазиэксперименте индикаторов в сравнении с другими показателями, широко используемыми в практике междисциплинарных исследований когнитивной нагрузки (прежде всего, с данными пупиллометрии и измерениями динамики показателей электрической активности кожи).

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Умственные, или ментальные, усилия понимаются обычно как «аспект когнитивной нагрузки, отражающий когнитивные способности, выделенные для удовлетворения запросов, связанных с задачей» [15. Р. 64]. При этом другие аспекты когнитивной нагрузки могут быть связаны с иными аспектами ситуации решения задачи — например, с необходимостью поддерживать концентрацию на задаче в условиях шума или при наличии отвлекающих от задачи нерелевантных стимулов.
- (2) Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ, RLMS-HSE) — единственное в России лонгитюдное обследование домохозяйств (см.: <https://www.hse.ru/rlms>).
- (3) Автор выражает признательность коллегам, участвовавшим в обсуждении, проведении исследования и кодировании данных, — А.М. Мавлетовой, Д.В. Лебедеву, М.Б. Богданову.

- (4) Немногочисленные отказы были вызваны преимущественно необходимостью успеть вернуться домой до наступления темноты или временного интервала, когда нужно долго ожидать электрички в Подмоскowie, и т.п. (тренинг проводился в вечернее время, в ноябре 2017 года).
- (5) С точки зрения экспериментального плана, предполагавшего сравнение ретроспективной оценки опыта работы с «Вопросником для взрослых» РМЭЗ НИУ ВШЭ в режиме PAPI с вновь полученным опытом CAPI с тем же вопросником, это был квазиэксперимент, а не истинный эксперимент, поскольку мы не могли рандомизировать приписывание интервьюеров к условиям.
- (6) Следует отметить, что при оценке интервьюерами сложности заполнения основных разделов бумажной версии «Вопросника» до тренинга использовалась более короткая формулировка задачи оценки когнитивной нагрузки: «Насколько, по Вашему мнению, сложны разные разделы анкеты „Проект «Россия»“ лично для Вас при проведении интервью?», т.е. без уточнения «Пожалуйста, оцените сложность заполнения каждого блока вопросов с точки зрения затраченных Вами умственных усилий (в частности, внимания, памяти, самоконтроля)». Однако форматы ответа в обоих случаях не отличались, что обеспечивает базовую сопоставимость оценок.
- (7) Отдельные блоки «Вопросника» могли не заполняться в конкретном случае в силу нерелевантности для «модельного» респондента или, в нескольких случаях, быть частично утрачены из-за некорректной работы приложения для видеозаписи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] Богданов М.Б., Лебедев Д.В. «Главное не бояться!» — воздействие тренингов на ожидания интервьюеров при переходе от PAPI к CAPI // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 45. С. 102—132 / Bogdanov M.B., Lebedev D.V. “Главное — ne boyatsya” — vozdejstvie treningov na ozhidaniya intervvyuerov pri perekhode ot PAPI k CAPI [“Do not worry!” — training’s impact on interviewers’ expectations towards the change from PAPI to CAPI]. *Sociologiya: Metodologiya, Metody, Matematicheskoe Modelirovanie*. 2017; 45: 102—132 (In Russ.).
- [2] Девиатко И.Ф., Лебедев Д.В. Глазами интервьюера, глазами респондента: контуры нового подхода к оценке когнитивной нагрузки при проведении опроса // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 5. С. 1—19 / Deviatko I.F., Lebedev D.V. Glazami intervvyuera, glazami respondenta: kontury novogo podkhoda k otsenke kognitivnoj nagruzki pri provedenii oprosa [Through the eyes of the interviewer, through the eyes of the respondent: A new approach to the assessment of cognitive load during the interview. *Monitoring Obschestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2017; 5: 1—19 (In Russ.).
- [3] Терентьев Е.А., Мавлетова А.М., Косолапов М.С. Интервьюирование с помощью компьютерных технологий в лонгитюдных обследованиях домохозяйств // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 3. С. 47—64 / Terentev E.A., Mavletova A.M., Kosolapov M.S. Intervvyuirovaniye s pomoschyu kompyuternyh tekhnologij v longityudnyh obsledovaniyah domohozyajstv [Computer-assisted personal interviewing for longitudinal household studies]. *Monitoring Obschestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Socialnye Peremeny*. 2018; 3: 47—64 (In Russ.).
- [4] Bassili J.N., Scott B.S. Response latency as a signal to question problems in survey research. *Public Opinion Quarterly*. 1996; 60 (3): 390—399.
- [5] Bratfisch O., Borg G., Dornic S. *Perceived Item Difficulty in Three Tests of Intellectual Performance Capacity*. Stockholm: Institute of Applied Psychology; 1972. Report No. 29.
- [6] Chen F. et al. *Robust Multimodal Cognitive Load Measurement*. Springer International Publishing; 2016.

- [7] Couper M.P., Burt G. Interviewer attitudes toward computer-assisted personal interviewing (CAPI). *Social Science Computer Review*. 1994; 12 (1): 38—54.
- [8] Critchley H.D. Electrodermal responses: What happens in the brain. *The Neuroscientists*. 2002; 8 (2): 132—142.
- [9] De Leeuw E.D., Hox J.J., Snijders G. The effect of computer-assisted interviewing on data quality. *International Journal of Market Research*. 1995; 37 (4): 325—344.
- [10] Hoogerheide V., Renkl A., Fiorella L., Paas F., van Gog T. Enhancing example-based learning: Teaching on video increases arousal and improves problem-solving performance. *Journal of Educational Psychology*. 2018. <http://dx.doi.org/10.1037/edu0000272>.
- [11] Höhne J.C., Schlosser S., Krebs D. Investigating cognitive effort and response quality of question formats in web surveys using paradata. *Field Methods*. 2017; 29 (4): 365—382.
- [12] Jbara A., Feitelson D.G. How programmers read regular code: A controlled experiment using eye tracking. *Empirical Software Engineering*. 2017; 22 (3): 1440—1477.
- [13] Kaminska O., Foulsham T. Real-world eye-tracking in face-to-face and web modes. *Journal of Survey Statistics and Methodology*. 2014; 2 (3): 343—359.
- [14] Paas F.G. Training strategies for attaining transfer of problem-solving skill in statistics: A cognitive-load approach. *Journal of Educational Psychology*. 1992; 84 (4): 429—434.
- [15] Paas F., Tuovinen J.E., Tabbers H., Van Gerven P.W.M. Cognitive load measurement as a means to advance cognitive load theory. *Educational psychologist*. 2003; 38 (1): 63—71.
- [16] Sharot T., Phelps E.A. How arousal modulates memory: Disentangling the effects of attention and retention. *Cognitive, Affective, & Behavioral Neuroscience*. 2004; 4 (3): 294—306.
- [17] Stodel M. But what will people think? Getting beyond social desirability bias by increasing cognitive load. *International Journal of Market Research*. 2015; 57 (2): 313—321.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-627-637

DEVELOPING AN APPROACH TO MULTIMODAL QUANTITATIVE ASSESSMENT OF INTERVIEWERS' COGNITIVE LOAD: FIRST RESULTS OF A FIELD QUASI EXPERIMENT*

I.F. Deviatko

National Research University Higher School of Economics
Myasnickaya St., 11, Moscow, 101000, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24 / 35-5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: deviatko@gmail.com)

Abstract. The belief that survey research instruments mediating communication between interviewer and respondent influence the quality of data obtained in the interview has become a conventional methodological wisdom long ago. However, the impact of the cognitive load experienced by the interviewer has not been systematically examined. When a questionnaire is filled up by an interviewer it is the latter

* © I.F. Deviatko, 2018.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 17-78-20172.
The article was submitted on 22.08.2018.

who has to allocate limited individual resources of attention, memory, visual and motor control, active listening and interpretation in order to minimize the respondent's misunderstanding of the questions and one's own errors of the answers' fixation. However, among various methods of pre-testing or evaluating survey mode effects and assessing instruments' quality, the methods of multimodal quantitative estimation of instrument-related cognitive load experienced by interviewers during the interview are still rare or lacking. Thus, the article presents a brief review of subjective, behavioral and physiological measures of the cognitive load, which are used in such disciplinary fields as cognitive science, ergonomics, etc., and a discussion of preliminary findings of the field quasi-experiment conducted among the interviewers of the Russian Longitudinal Monitoring Survey on the first stage of transition to the CAPI mode. The quasi-experiment findings prove some possibilities and limitations of the parallel use of a version of the cognitive load rating scale developed by F. Paas and a simple physiological measure (heart rate) supplemented with a background screen video capture from Android-based tablets used for CAPI interviews for the multimodal quantitative evaluation and optimization of the interviewer's cognitive load.

Key words: cognitive load; multimodal quantitative assessment of interview-related cognitive load; PAPI and CAPI; survey data quality; the Paas scale; heart rate

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-638-650

TRANS-MOBILITIES IN POST-HUMAN ERA: HOW IS SOCIAL ORDER STILL POSSIBLE?*

I.V. Katernyi

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: yarkus@mail.ru)

Abstract. The today's post-human era is characterized by transformation, mutation, and reinvention of social identities of agents. Transgenders, robots, clones have been increasingly involved in social community and, thus, contributed to profound normative morphogenesis in the contemporary society. Consequently, there is a challenging primordial heteronormativity with some fundamental ascriptive binaries evident in transgressive confusion of the following oppositions: between human and subhuman (e.g. legitimization of animal or fetal rights); between cultural and natural (cyborgs); between animate and inanimate (android robots); between corporeal and incorporeal (virtual, 'augmented' and 'mixed' reality). A range of practices related to such transgression can be considered as trans-mobility that implies various self-determined individual transitions from the former ascribed position to a new transitive one and external transpositions due to forced alteration of individual or collective statuses/identities. The article considers three typical modes of morphological trans-mobility to identify the most important arrays the ontological binaries are de-ascribed in: visceral trans-mobility pertaining to all possible options to modify human corporality (including radical body modification); conversional trans-mobility beyond the line between life and death, being and nonbeing, corporeal (material) and incorporeal (immaterial) ontology (from bitcoins to clones); prosopopoeian trans-mobility involving initially non-social creatures into active social life (from pets to robots). The author seeks to answer the question of how current normative morphogenesis is embedded into social-normative order. Based on the theory of recognition, the article considers morphotaxis (an opposite of morphogenesis) as a latent compensatory mechanism to maintain the primordial social order by persistent reproduction of heteronormativity. Based on some empirical data, the author shows that dichotomized sexual (male—female), genetical (sexual—asexual) and biological (animate—inanimate) patterns with corresponding social norms still constitute the morphological foundation of the primordial social order despite the advanced post-human practices.

Key words: ascriptive statuses; morphogenesis; mobility; transsexual; cloning; android; recognition

* © I.V. Katernyi, 2018.

The article was submitted on 04.05.2018.

Through the ages of human history, it has been recognized that conventional social space is rigidly and deeply constrained by two structural positions — venial (‘achieved’) and ascriptive (‘hereditary’) — with corresponding individual and collective identities, physical characteristics, social statuses and expectations. The significance of ascriptive positions can hardly be overestimated for they consist of some fixed social ‘properties’ that resist voluntary transformations and, thus, constitute a primordial normative order of binary combinations of cognitive, physical and social limits. The article focuses on three structural ascriptions that reproduce primordial social heteronormativity with ‘ontological’ binaries: (1) sexual (male—female), (2) genetical (sexual—asexual) and (3) biological (animate—inanimate). These strong evolutionary differentiations have reproduced primordial heteronormativity of social order and have not been under morphogenesis until recently being protected by various taboos and restrictions. The widely recognized ‘metamorphosis’ of current social changes includes transformation, mutation, and reinvention of social identities of agents. Proponents of post-humanism name them ‘morphological freedom’ and ‘flat ontology’.

Two well-known transhumanists — A. Sandberg and N. Bostrom [3; 27] — introduced the term ‘morphological freedom’ to define all options of voluntary transformations of human body with such technologies as cosmetic surgery, genetic engineering, nanotechnology, cyborgization (prosthetics), uploading of consciousness, and vitrification (rapid freezing before or immediately after death). Gender reassignment surgery, implantation of artificial organs and body parts, transplantation of artificially grown organs, and genome editing is already a reality. Some genetic scientists (Dr. G. Church) believe that the problem of aging is also on the verge of solution. Morphological freedom also means reproductive freedom: it gives people the right to choose the way of getting children and modifying their genetic portrait. In 2016, H.T. Greely published a book *The End of Sex and the Future of Human Reproduction* predicting that within next 20 years fertilization with stem cells (taken from parental skin) and genetic programming of children will become an accessible, legal and safe technology that will make ordinary sex an unnecessary and unreliable means of reproduction [13]. Despite the fierce bioconservative criticism (L. Kass, J. Rifkin, M. Sandel) pointing to the genetic inequality and unpredictable medical consequences of eugenic experiments, one can see the inevitability of the future development of such services. Therefore, there are emerging biotechnologies and social institutions that determine bioeconomics, biocapitalism, biocitizenship, and biosociality in general. N. Rose speaks of modern ‘molecular discourse’ as the apotheosis of historical biopolitics discovered by M. Foucault as a basic element of social control and (bio)power: “Molecular biopolitics grants new mobility to the very elements of life that become objects of biological, interpersonal, geographic and financial operations” [26. P. 15].

The second aspect of current post-human era is the recognition of ‘flat ontology’ (M. DeLanda, G. Harman) that deprives a human of exclusive ontological authorship of social agency. Although classical sociology considered sociality as a space for various human interdependencies, now in the post-human world ‘intersubjectivity’ and ‘inter-objectivity’ (B. Latour’s term) constitute a single social-material dispositif, and social action becomes a more ontologically neutral social enactment. Therefore, the new

non-hierarchical universe consists of such new social agentives as human embryos, animals, clones, robots, things, and artificial intelligence (the best samples of which have already passed the Turing test).

Thus, there are evident normative interventions into the domain of primordial ascriptive reality that creates not only new social positions but also a new normative order in which conventional ascriptive distinctions cease to serve as social constants. There is a whole range of hybrid and/or strange statuses and identities with both venial and ascriptive features. Transsexuals, robots, clones claim social recognition by tolerating ascriptive deviance and eliminating conventional normative limits, which leads to the question — are there any ascriptions that still matter for social order, i.e. a mechanism for maintaining any of the designated morphological binaries under the growing normative morphogenesis.

SOCIOLOGY OF TRANS-MOBILITY

The classical definition of social mobility by P. Sorokin emphasizes the relocation of people and objects within social space in the symbolic and geographical dimensions; social mobility stands for any transition of an individual or social object or value from one social position to another [29. P. 174]. However, a founding father of the Chicago school of sociology R.E. Park made an insightful discovery when assumed that the modern individual wants not only “to move freely and untrammelled over the surface of the mundane thing” but also “to live, like pure spirit, in his mind and in his imagination alone” [24. P. 156], i.e. to do one’s best to break ties with local and temporal landscapes and, thus, cease to be a ‘social plant’. It is the possibility to change social statuses freely that is a key feature of the modern society, according to Park. In the 21st century, J. Urry develops a ‘new mobilities paradigm’ by suggesting five types of interdependent ‘mobilities’ that (re)produce social life and (re)form its contours [37. P. 47]: (1) corporeal travel of people (from daily commuting to once-in-a-lifetime exile); (2) physical movement of objects (from goods to postal items); (3) imaginative travel through talk, print and visual media (e.g. magazines or television programs on travelling); (4) virtual travel based on live broadcast technologies or interactive digital space; (5) communicative travel through text, photograph and multimedia message exchange via telephone, fax, computer, mobile phone and other gadgets (e.g. Instagram).

Some new performative interventions to social space through Urry’s mobilities skip the primary identifications. The ontological ‘metamorphosis’ in the post-human world of the 21st century implies such deep transformations as removal of ascriptive (ontologically ‘strong’) boundaries between primary assignments: (a) between human and human (for example, by legitimation of the embryos rights); (b) between cultural and natural (interracial ‘transitions’); (c) between animate and inanimate (social usage of humanoid and android robots); (d) between corporeal and incorporeal (‘augmented reality’ technology). There is a new area of strange and hybrid statuses and identities with a mixture of ascriptive and venial characteristics that will be considered in the article as a ‘morphological trans-mobility’ (hereinafter — trans-mobility): it includes individual and self-acting transitions (‘passings’) from the prescribed to a new transitive position,

and ‘external’ transpositions, i.e. compulsory symbolic and normative transformations of identities of individual and group subjects and objects. There are three typical forms of trans-mobility: visceral — aims at transformation of body ascriptions (radical body modifications, reassignment of sex, gender, race); conversional — breaks the line between corporeal and incorporeal ontologies, ‘life’ and ‘death’ in a variety of technologically advanced practices (from augmented and virtual reality to cloning); proso-poeian — makes non-social creatures actively involved social agents (from pets to robots).

Certainly, the most sophisticated area of visceral trans-mobility today consists of gender and sexual transitions. According to H. Garfinkel and E. Goffman, heteronormativity of gender has been ‘ironclad’ until recently. However, gender and sexual performativity were legitimized in the queer theory (J. Butler) and far beyond the academic discourse, when in 2014 the Facebook provided its users in the Great Britain with 70 options of gender identity — from asexual and androgyne to polygender and two-spirit. Under current social changes such a heteronormativity has once and for all given way to comprehensive personal autonomy of body and imagination. However, such legitimization of the public gender even in developed societies does not cover sexual norms. K. Schilt and L. Westbrook conducted a number of interviews and crime chronicles analysis to show that patterns of communications with open transgenders in public provide ample opportunities to overlook the individual’s gender and construct ones’ gender identity in a strictly performative way (through gender display). But if a transgender is included in the sexual partners’ pool as a cisgender (gender normal), the status and role ascription changes and enables the ‘good old fashioned’ heteronormativity: “when a transgender person is not a potential sexual partner, biological credentials (the ‘right’ genitalia) are not required to claim membership in a gender category. By contrast, when the transgender person is found in a pool of sexual partners, the criteria for gender membership becomes stricter — cultural genitals are no longer enough and biological genitals are a necessity” [28. P. 461]. Sanctions for violating the norms of sexual ascription can be dramatically severe: 56% of murders of transgenders in the USA (1990—2005) were explained by the feeling of deceit of the murderers by their victims [28. P. 452].

There is a story of the US government guidelines for educational institutions that recognized the right of transgender children to use male or female bathroom according to their choice [7]. 11 states tried to repeal this directive, and it was withdrawn by the new administration of D. Trump. Since 2013, there is a call to use public unisex toilets at the legislative level; however, even the advocates of gender equality recognize that these facilities give freedom to transgender people but are unacceptable for most other people, especially for women: “not only do many women object to sharing a restroom with men, whom they perceive as less tidy, as well as potentially more threatening, many women also value the women’s room as a site of female sociability” [6. P. 219]. In Thailand, where transsexualism has become uniquely favorable (for many reasons), the local government, nevertheless, denies transgenders (‘kathoeys’) legal sex reassignment and forbids to change physiometric data given at birth in their passports and other

documents. Thus, morphogenesis of polynormativity within gender trans-mobility is confronted by the primordial sexual order on the normative level, which requires to distinguish sexual primordial and secondary gender ascriptive social norms.

ARGUMENTS AGAINST HUMAN CLONING

Cloning issues reveal transitions and transpositions between life and death, corporeal and incorporeal dimensions within conversional trans-mobility. In 1996, I. Wilmut failed 276 times before he finally managed to create the first cloned mammal (Dolly the sheep). Today we have enough technologies to create an almost unlimited number of cloned generations of any prototype. In 2013, the Center of Biology and Development of the RIKEN Institute managed to give birth to 581 clones (25 generations) from a single cell of one rodent [38]. From the biological perspective, this original donor mouse defeated death, and its post-mortal trans-mobility in the infinite generations of clones is an ultra-technological way of realizing the humanity's dream of immortality.

In 2005, the United Nations General Assembly adopted a Declaration on Human Cloning prohibiting all forms of producing clones “inasmuch as they are incompatible with human dignity and the protection of human life” [36]. The declaration prohibits both therapeutic cloning, in which cells are cloned from a human for medical use and transplants, and reproductive cloning — creating a living genetic duplicate. Though several countries disagreed with the declaration, there is still cloning moratorium. To date, no human clone has been born but in 2008, researchers successfully created five mature human embryos by using somatic cell nuclear transfer technology (SCNT) — the nucleus of a somatic cell was taken from a donor and transplanted into a vacant host egg cell. The embryos were only allowed to develop to the blastocyst stage, studied and then destroyed [11]. So, technically we can do it, and, contrary to the popular belief, a reproductive human clone would not be fully identical to the donor for we clone genotype not phenotype. Moreover, even under the same conditions growing cloned organisms would differ due to inevitable random deviations. However, there is an agreement in the international community that reproductive cloning is very dangerous.

The human ambition to conquer death as the epitome of evil, chaotic and unknown has persisted throughout history from the ancient Hindu ideas of reincarnation to the Christian dream of resurrection and today's reproductive genetics. Therefore, cloning can be considered a cherished ideal to fight death, and it works for our beloved passed away pets. However, when it comes to human being, the issues of cloning (perceived as a controlled post-mortal trans-mobility) reveal the predominance of deep fear that is manifested in bans of human reproductive and therapeutic cloning at the institutional level and in a new psychiatric disorder related to the phobia of cloned humans (bionalism) at the cognitive level. World religions differently explain their will to prohibit human cloning [16]. And secular norms based on the Kantian notion of human dignity support them. Arguments against reproductive cloning are of technical and medical nature such as weakening and undermining the original idea of human reproduction and family, unclear relationship between the cloned baby and its ‘creator’, unclear personal identity and disturbed psychological development of the cloned baby, eugenic questions (considering genetical ‘enhancement’ of people), possible illicit cloning, etc.

Thus, normative morphotaxis recognizes uniqueness of personal identity as the very core of social order, and human cloning challenges the ontological and normative notion of being human. It is the fact that every individual is viscerally unique that supports human dignity — human’s right to have one’s own inherent individuality with specific mind and appearance. Since the late 18th century there has been the literary and philosophical idea of threatening ‘uncanny double’ (Doppelgänger) created by body manipulation and psychological multiplicity. According to J. Francavilla, “the double threatens the extinction of differences between oneself and all others, which means that the double jeopardizes individual identity (defined by such differences) by threatening usurpation of, possession of, substitution for, or the obliteration of the self” [10. P. 111]. The idea of the clone is frightening because even if it looks and acts like a copy it cannot and will not be one. The possibility of multiplying individuals by using genetic material would radically alter not only one’s perception of self and others but the very personal identity: “this could potentially cause a Copernican revolution directly affecting the concept of Human Dignity” [30. P. 67]. This fact and asexual human reproduction in general breaks deep taboos, which represent an infringement of recognizing human in the humanity.

SOCIALIZING NEW AGENTIVES

For a long time, only humans have been endowed with social agency that strongly depend on social status including gender, race, estate, caste, etc. Nevertheless, the gradual transformation of some traditional hereditary ‘opportunity structures’ (R. Merton’s term) under modernization determined normative morphogenesis that eliminates or changes conventional normative discrimination. Abolition of slavery, integration of ‘barbarians’, enfranchisement of women, racial desegregation, reform of caste system and recognition of the gay minority rights are well-known historic contributions to such normative morphogenesis.

In last decades, we witness a new social agency — of non-human nature. According to E. Durkheim, this is impossible: “Material objects ...are the matter to which the vital forces of society are applied, but they do not themselves release any vital forces. Thus, the specifically human environment remains as the active factor” [9. P. 136]. However, it is happening due to prosopopoeian trans-mobility — when originally nonsocial subjects and objects undergo social personification. This is the essence of prosopopoeian trans-mobility: transitions and transpositions from nonsocial universe into social community, emergence of neo-social and neo-morphic creatures as equal to humans in social communication on the *als ob* principle: they are treated as if they were humans. Such a list includes all subhuman organisms (from embryos to animals), inanimate creatures and neo-morphs (from ‘smart devices’ to robots) — together they make up a cluster of social co-agentives of humans. Borrowing some terms (agentives, co-agentives, instrumentals) from the grammar theory that analyzes the underlying role structures of language (C.J. Fillmore) is deliberate for it provides sophisticated codifications of various statuses and role transformations of actors in any proposition by the semantics of predicative expressions. The authors of the ‘actor-network theory’ were the first to

attach an important sociological meaning to the notion of an ‘actant’ — this fundamental term of their theory was borrowed from the French linguist L. Tesnière.

The most recognizable advances in the field were made by ‘socializing’ animals and pets. The animal rights movement has existed for few centuries: the first animal protection laws were adopted in the 17th century when the acts of violence and cruelty to domestic animals (e.g. pulling wool off sheep, attaching ploughs to horses’ tails, etc.) were prohibited first in Ireland and then in New England. In the 20th century, prominent environmentalists A. Leopold, P. Singer, A. Naess encouraged consistent recognition of the animal moral and legal rights in human community. However, there are still debates on the extent to which animals can be considered human-like (with all normative consequences).

The most impressive cases of ‘socialization’ and ‘personification’ of ‘non-humans’ as co-agentives can be found today in the field of technological design and social robotics. Owners of Roomba, an autonomous robotic vacuum cleaner, find their little automated assistants adorable and give them names like pets, thus, setting up an emotional connection and entertaining the self-inspired illusion of having relationships with them as if with individualized animate creatures. The idea of anthropomorphic robots walking among people no longer seems imaginary about the future. Today, we are at the beginning of the era of universal robotization, and in the sociological perspective existing prototypes of humanoid and especially android robots claim to be neomorphic (synthetic) personalities embodying the amalgam of a recognizable body, intelligent ‘mind’ and social personality (‘persona’), i.e. can be perceived as ‘Other’ who (re)constructs patterns of sociality in a situation of co-presence. The robot has a ‘face’ resembling or looking human, dramatically changes the communicative situation with predictable normative, social and psychological consequences. When interacting with humanoid robots, our brain is not capable of constantly staying focused on the fact that their signals are of inanimate and can be ignored. The ‘humanness’ of such objects implies social expectations, thereby sooner or later a person tends to treat humanoid machines in the same manner as people. When T. Burnham and B. Hare, asked the participants of their experiment to play a game in which they were to donate money, a mere eye contact with a robot named Kismet with human-like eyes increased donations by 30%, which was a co-agency effect of the conventional demand to be or seem more generous and kind to a vis-à-vis partner [5]. We have long been communicating with personal computers and laptops but we perceive them as instrumentalis; however, when a computer becomes more ‘animate’, our attitude changes. In another study, the experiment participants were to play a game of cards with a computer with a virtual ‘avatar’ (‘identity’) that provided real person’s verbal responses. The researchers created two avatars identical in appearance but different in behavior: one perfectly imitates human facial expressions, smile, raises eyebrows and was able to establish a non-verbal contact: the other was more ‘mechanical’ and incapable of accurate facial expressions. So, when interacting with the more ‘living’ avatar, the participants tended to psychologically see it as human, so at the grammatical level the ‘human—computer’ dialogue was completely *on par* with a ‘human—human’ dialogue in terms of language [14].

In 1970, M. Mori discovered in his experience of introspection a superordinary psychological effect of rejection when perceiving artificial objects too accurately imitating a living person or body parts. He made a hypothetical chart that should have reflected the connection between the human likeness and perceptive attractiveness of different subjects and objects including robots. Mori's hypothesis supposed that the more an object is similar to a human, the more sympathy it receives but only to a certain extent after which there is a sharp U-shaped decline known as the 'uncanny valley' (Fig. 1).

This name appeals to the German term '*Unheimlich*' (eerie) used by S. Freud as a title of one of his articles on the psychoanalysis of German fairy tales and those frightening images that create an atmosphere of horror: "dismembered limbs, a severed head, a hand cut off at the wrist... feet which dance by themselves... — all these have something peculiarly uncanny about them, especially when, as in the last instance, they prove capable of independent activity in addition" [12. P. 244]. However, Freud himself followed E. Jentsch who in 1906 in his essay *On the Psychology of the Uncanny* argued that the feeling of fear of the 'undead' is determined by intellectual uncertainty and unfamiliarity with such an object. Jentsch mentioned the sense of doubt "as to whether an apparently living being really is animate" and, on the contrary, "doubt as to whether a lifeless object may not in fact be animate" [17. P. 221] referring to the impression of the wax-work figures, ingeniously constructed dolls, and automata. He also considered the 'demonic effect' of epileptic seizures and manifestations of insanity as they provide an observer with a "dark knowledge that mechanical processes are taking place in that which he was previously used to regard as a unified psyche" [17. P. 226]. Unexpected sudden movements, unnatural color of artificial skin, 'dead eye' effect, etc. can cause fear and terror for they serve as a reminder that it is not an (ordinary) human being but something deeply alien. The same feelings can arise when looking at wax dolls, zombies, dead, possessed people, physically and mentally disabled, and even epileptics.

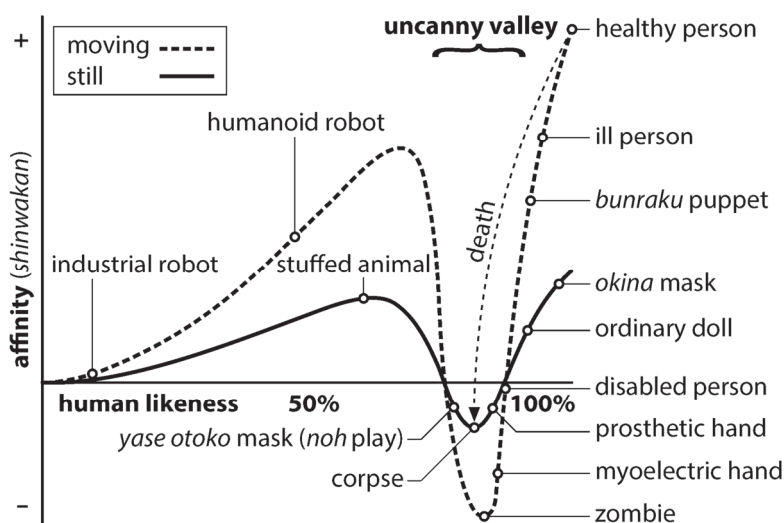

Figure 1. U-shaped decline known as the 'uncanny valley'

The original chart by Mori describes the relationship between the human similarity of an object (the axis of abscisses) and its attractiveness (the axis of ordinates). The more something resembles a living person the more attractive it is; a moving humanoid robot and a big stuffed animal are much more attractive than an industrial robot. But at a certain phase of perception similarity turns into rejection and horror (the demon mask (yase otoko) or the old man's mask (okina) from the traditional Japanese musical theater No, an ordinary doll, a corpse, a prosthetic hand). At the same time, moving objects are more susceptible to the 'uncanny valley' effect: a zombie, a myoelectric hand, a bunraku puppet (able to blink, put out its tongue, move its eyebrows and fingers). A dotted arrow from top to bottom in the lower zone of the 'uncanny valley' marks the perceived unexpected death of a healthy person [23].

A crucial distinction of the uncanny valley (the U-shaped zone) from the extreme left and extreme right sides of the chart is that it includes strange and hybrid creatures that possess characteristics of both 'normal' human and inanimate object. However, only since the mid-2000s, the global development of robotics has become one of the main trends of technical design and the 'uncanny valley' phenomenon was finally recognized [22]. Many empirical studies in the field of cognitive psychology were conducted to confirm or disprove the original Mori hypothesis. Some researchers proved nonlinear effects of perception of the neo-morphic objects by adults [4; 21; 33], children [35], infants [18; 20], and even primates [31]. Other studies confirmed alternative models of perception of the 'uncanny', for example, the 'uncanny cliff' [2] or 'uncanny wall' [34]. Some authors denied the enhancement of the repulsive impression when perceiving moving androids [25; 32] from the original Mori hypothesis. Nevertheless, there are still no sufficient data to deny perception abnormalities in communications with androids, i.e. there is always a chance of an 'uncanny' impression of a robot.

In one of the most ambitious studies of the pioneer of the American android science K. MacDorman (with S. Entezari), nine personality characteristics were operationalized and studied on a sample of about 600 people as sensitivity factors to the effect of 'uncanny valley': negative attitudes to robots; animal reminder sensitivity; cognitive dissonance in the perception of android within the pattern 'a person or a machine'; anxiety; neuroticism; perfectionism; personal distress; religious fundamentalism; tendency to cognitive allocation of androids in a separate category of surrounding objects (human—robot—android) [19]. All participants had previously passed special tests for susceptibility to certain factors (mainly on the Likert scale), watched videos with six moving images of a robot vacuum cleaner, a humanoid robot, three androids with conspicuous deviations in appearance, and an ordinary person. The effect of the 'uncanny valley' was assessed by indicators of 'eeriness', i.e. repulsive impression, and 'warmth', i.e. attractiveness. All participants manifested this effect; however, religious fundamentalism, animalism, anxiety, sensitivity to deviations in the appearance and behavior of a robot had an indirect impact on the 'uncanny valley' effect, while the cognitive commitment to strict man/machine categorization and negative emotions to robots directly increased the eeriness or reduced the warmth in the perception of an android. Different factors had different impact, for example, religious fundamentalism

and perceptive dissonance correlated more with the ‘warmth’, while ‘animalism’ and anxiety had a greater impact on the enhancement of the ‘uncanny’. According to K. MacDorman, this can be explained by the nature of these characteristics: the former are cultural patterns, while the latter represent the biological adaptation mechanisms to detect an external threat [19. P. 160].

Such a study of the mechanisms of perception of neo-morphic objects is more important for human knowledge than the scientific design of more attractive models of new robots. The human rejection of the uncanny object in communication is just another result of morphotaxis process, i.e. reproduction of morphological order that combines biological, cognitive, social and other constraints. Prosopopoeian morphogenesis associated with the active usage of robots and avatars in social life faces the resistance of rigid morphotaxic elements embedded in the primary cognitive-normative structures. It is the binary organization of basic evolutionary dichotomies that forms ontological boundaries of the human world. One of such ontologically fundamental dichotomies is the (overlapping) distinction of ‘human-nonhuman’ and ‘alive/animate-dead/inanimate’). Issues of abortion, euthanasia, artificial intelligence also manifest the ontological tension of these poles.

The dichotomized sexual, genetical and biological patterns with the corresponding social norms continue to constitute the morphological foundation of the primordial social order despite advanced post-human practices. Transitions and transpositions between the poles are of a transgressive (‘forbidden’) nature that evoke some compensatory and hypercompensatory processes in social order defined as normative morphotaxis. Under the current trans-sociality, it depends on the effectiveness of mechanisms for the protection of primordial solidarity based on shared social norms of recognition and non-recognition. The structural ties of normative morphogenesis and morphotaxis can be defined as a collision of recognition and non-recognition [15]. There are at least three functional levels of social order for this collision: cognitive level — acceptance/love or fear/anger/rejection (we love pets, we want to clone them, but we are afraid of too realistic android robots); moral level — respect (freedom, dignity) or contempt and humiliation (problem of euthanasia, racial transitions, artificial intelligence behavior); legal level — on the one hand, institutionalized inclusion of transgender people, animals and human embryos, on the other hand, human cloning is legally prohibited. Being socially recognized implies acceptance at all three levels.

Further development of science and technology can change our ideas on being human, male or female, animate or inanimate. However, at a certain stage of technological development (in the near future), society will be able to survive without sex for reproduction and grow embryos with preprogrammed genes or edit genome at an early childhood, which will make the issues of human cloning and impelled sex reassignment redundant. Moreover, the social use of superpowerful artificial intelligence seems to put at risk human ontological sovereignty and social security. The structures of non-recognition reproduced in normative morphotaxis will not be eliminated by any technological progress or ‘morphological freedom’ but will necessarily find new ways to support trans-mobility and control its risks.

REFERENCES

- [1] Barrat J. *Our Final Invention: Artificial Intelligence and the End of the Human Era*. New York: Thomas Dunne Books/St. Martin's Press; 2013.
- [2] Bartneck C., Kanda T., Ishiguro H., Hagita N. Is the uncanny valley an uncanny cliff? *Proceedings of the 16th IEEE International Symposium on Robot and Human Interactive Communication*. New York: IEEE; 2007.
- [3] Bostrom N. In defense of posthuman dignity. *Bioethics*. 2005; 19 (3).
- [4] Burleigh T.J., Schoenherr J.R., Lacroix G.L. Does the uncanny valley exist? An empirical test of the relationship between eeriness and the human likeness of digitally created faces. *Computers in Human Behavior*. 2013; 29 (3).
- [5] Burnham T.C., Hare B. Engineering human cooperation. Does involuntary neural activation increase public goods contribution. *Human Nature*. 2007; 18 (2).
- [6] Case M.A. Why not abolish laws of urinary segregation? *Toilet: Public Restrooms and the Politics of Sharing*. H. Molotch, L. Norén (Eds.). New York: New York University Press; 2010.
- [7] Dear colleague letter on transgender students. May 13, 2016. <https://www2.ed.gov/about/offices/list/ocr/letters/colleague-201605-title-ix-transgender.pdf>.
- [8] Dieterle R.L. *The Encyclopedia of Hočqk (Winnebago) Mythology*. <http://www.hotcakencyclopedia.com/ho.BerdacheOriginMyth.html>.
- [9] Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. New York: The Free Press; 1982.
- [10] Francavilla J. The concept of the divided self in Harlan Ellison's 'I Have No Mouth and I Must Scream' and 'Shatterday'. *Journal of the Fantastic in the Arts*. 1994; 6 (2/3).
- [11] French A.J., Adams C.A., Anderson L.S., Kitchen J.R., Hughes M.R., Wood S.H. Development of human cloned blastocysts following somatic cell nuclear transfer with adult fibroblasts. *Stem Cells*. 2008; 26 (2).
- [12] Freud S. The 'uncanny' (trans. by A. Strachey). *The Standard Edition of the Complete Psychological Works of Sigmund Freud. Vol. XVII. An Infantile Neurosis and Other Works*. J. Strachey (Ed.). London: Vintage, The Hogarth Press; 2001.
- [13] Greely H. T. *The End of Sex and the Future of Human Reproduction*. Cambridge: Harvard University Press; 2016.
- [14] Heyselaar E., Hagoor P., Segaer K. In dialogue with an avatar, language behavior is identical to dialogue with a human partner. *Behavior Research Methods*. 2015; 49 (1).
- [15] Honneth A. *The Struggle for Recognition. The Moral Grammar of Social Conflicts*. Cambridge: MIT Press; 1996.
- [16] *Human Dignity and Human Cloning*. S. Vöneky, R. Wolfrum (Eds). Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2004.
- [17] Jentsch E. On the psychology of the uncanny. *Uncanny Modernity: Cultural Theories, Modern Anxieties*. J. Collins, J. Jervis (Eds.). Hampshire: Palgrave Macmillan; 2008.
- [18] Lewkowicz D.J., Ghazanfar A.A. The development of the uncanny valley in infants. *Developmental Psychobiology*. 2012; 54 (2).
- [19] MacDorman K.F., Entezari S.O. Individual differences predict sensitivity to the uncanny valley. *Interaction Studies*. 2015;16 (2).
- [20] Matsuda Y.T., Okamoto Y., Ida M., Okanoya K., Myowa-Yamakoshi M. Infants prefer the faces of strangers or mothers to morphed faces: The uncanny valley between social novelty and familiarity. *Biology Letters*. 2012; 8 (5).
- [21] Mitchell W.J., Szerszen K.A., Lu A.S., Schermerhorn P.W., Scheutz M., MacDorman K.F. A mismatch in the human realism of face and voice produces an uncanny valley. *i-Perception*. 2011; 2 (1).
- [22] Mori M. Bukimi no tani [the uncanny valley]. *MacDorman K. Androids as an Experimental Apparatus: Why is There an Uncanny and Can We Exploit It? (Appendix B). Proceedings of the CogSci-2005, XXVII Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Mahwah: Lawrence Erlbaum Ass.; 2005.
- [23] Mori M. The uncanny valley. *IEEE Robotics and Automation*. 2012; 19 (2).

- [24] Park R.E. The mind of the hobo: Reflections upon the relation between mentality and locomotion. *The City*. R.E. Park, E.W. Burgess, D. McKenzie (Eds.). Chicago: University of Chicago Press; 1967.
- [25] Piwek L., McKay L.S., Pollick F.E. Empirical evaluation of the uncanny valley hypothesis fails to confirm the predicted effect of motion. *Cognition*. 2014; 130 (3).
- [26] Rose N. *The Politics of Life Itself: Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century*. Princeton; Princeton University Press; 2007.
- [27] Sandberg A. A transhumanist fault line around disability: Morphological freedom and the obligation to enhance. *Journal of Medicine and Philosophy*. 2010; 35 (6).
- [28] Schilt K., Westbrook L. Doing gender, doing heteronormativity: 'Gender normals', transgender people, and the social maintenance of heterosexuality. *Gender & Society*. 2009; 23 (4).
- [29] Sorokin P. *On the Practice of Sociology*. Chicago: University of Chicago Press; 1998.
- [30] Starck C. The human embryo is a person and not an object. *Human Dignity and Human Cloning*. S. Vöneky, R. Wolfrum (Eds.). Leiden: Martinus Nijhoff Publishers; 2004.
- [31] Steckenfinger S.A., Ghazanfar A.A. Monkey visual behavior falls into the uncanny valley. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2009; 106 (43).
- [32] Thompson J.C., Trafton J.G., McKnight P. The perception of humanness from the movements of synthetic agents. *Perception*. 2011; 40 (6).
- [33] Tinwell A., Grimshaw M., Abdel Nabi D., Williams A. Facial expression of emotion and perception of the uncanny valley in virtual characters. *Computers in Human Behavior*. 2011; 27 (2).
- [34] Tinwell A., Grimshaw M., Williams A. The uncanny wall. *International Journal of Arts and Technology*. 2011; 4 (3).
- [35] Tinwell A., Sloan R. J. S. Children's perception of uncanny human-like virtual characters. *Computers in Human Behavior*. 2014; 36.
- [36] United Nations Declaration on Human Cloning, G.A. Res. 59/150, U.N. Doc. A/R/59/80 (March 23, 2005).
- [37] Urry J. *Mobilities*. Cambridge: Polity Press; 2007.
- [38] Wakayama S. et al. Successful serial recloning in the mouse over multiple generation. *Cell Stem Cell*. 2013; 12 (3).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-638-650

ТРАНСМОБИЛЬНОСТЬ В ПОСТГУМАНИЗИРОВАННОМ МИРЕ: КАК ВСЕ ЕЩЕ ВОЗМОЖЕН СОЦИАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК?*

И.В. Катерный

Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: yarkus@mail.ru)

Одной из главных черт социальной онтологии постгуманизированного мира в XXI веке становится распространение практик изменения, мутации и «переизобретения» социальной идентичности агентивов. Происходит снятие аскриптивных (т.е. онтологически «сильных») границ

* © Катерный И.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 04.05.2018 г.

между бинарными статусными распределениями, конвенционально формировавшими гетеронормативные основания социального порядка: между человеческим и субчеловеческим (например, через легитимацию прав эмбрионов); культурным и природным (гендерные «переходы»); одушевленным и неодушевленным (через задействование гуманоидных роботов); физическим и не-физическим (через развитие технологий «дополненной реальности»). В результате образуется новая область странных и гибридных статусов и идентичностей, обладающих смесью аскриптивных и венеральных («достигаемых») характеристик. Этот процесс описывается и анализируется в статье с помощью понятия (морфологической) трансмобильности, подразумевающей как индивидуальные и независимые переходы от прошлой предписанной к новой транзитивной позиции, так и внешние переключения, ориентированные на принудительную символическую и нормативную трансформацию идентичностей как индивидуальных агентивов, так и целых групп субъектов и объектов. В статье сделан акцент на трех типических практиках трансмобильности, которые описывают природу онтологического и нормативного морфогенеза: висцеральная трансмобильность — направлена на изменение онтологии телесных аскрипций (транссексуальные переходы); конверсиональная — стирает грань между «естественной» и «искусственной» онтологией (клонирование); прозопопическая — объединяет практики переключений не-социальных созданий в активно задействованные социальные ко-агентивы (от домашних животных до роботов-андроидов). Основной вопрос статьи — как нормативный порядок сохраняется в условиях «морфологической свободы» и «плоской онтологии» постгуманизированного общества. На основе теории «борьбы за признание» автор делает вывод о существовании «морфотаксиса» — механизма воспроизводства базовой гетеронормативности как основы социального порядка, который поддерживает на биологическом, когнитивном и нормативном уровнях аскриптивные различия между мужчиной и женщиной, человеком и клоном, человеком и роботом.

Ключевые слова: аскриптивные статусы; морфогенез; мобильность; транссексуалы; клонирование; роботы; признание

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-651-667

ПОЗИЦИОНИРОВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В ПРАВОВЫХ ДОКУМЕНТАХ СТРАН — УЧАСТНИКОВ НАУЧНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ*

А.А. Балякин¹, А.К. Задорина², И.Р. Куклина²,
А.С. Малышев¹, С.Б. Тараненко¹

¹Научно-исследовательский центр «Курчатовский институт»
пл. Академика Курчатова, 1, Москва, 123182, Россия

²Аналитический центр
международных научно-технологических и образовательных программ
Ленинские горы, 1-75, Москва, 119992, Россия
(e-mail: Balyakin_AA@nrcki.ru; zadorina@mniop.ru; kuklina@mniop.ru;
Malyshev_AS@nrcki.ru; Taranenko_SB@nrcki.ru)

Регламентация международного научно-технического сотрудничества в Российской Федерации в целях оптимизации принятия управленческих решений в сфере научной кооперации требует учета опыта других стран. В статье проанализированы стратегические документы в сфере международного научно-технического сотрудничества 19 стран и предложена их классификация по трем группам: первая группа — страны с наличием отдельного стратегического документа о международном научно-техническом сотрудничестве; вторая — страны с наличием документа о региональном научно-техническом сотрудничестве; третья — государства, политика которых в области международного научно-технического сотрудничества сформулирована в рамках национальных стратегий развития науки и технологий и интегрирована в планы действия/стратегии соответствующих ведомств. В статье описана организация международного научно-технического сотрудничества в США, Мексике и Швеции. Показано, что в США реализована распределенная система координации международной научной деятельности при наличии единого общегосударственного подхода — когда наука выступает инструментом реализации американской внешней политики. Для Мексики характерна выраженная региональная составляющая в международном научно-техническом сотрудничестве при отсутствии единого регулирующего документа. В Швеции международная научная кооперация рассматривается как часть внешней политики и подчинена Министерству иностранных дел. На основании изученных документов в статье сформулированы предложения для российской научно-технической политики, использованные в разработке проекта Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации. Авторы предлагают активизировать участие России в мировом научном процессе, используя опыт стран-лидеров, таких как США и Швейцария: способствуя развитию научной дипломатии и мобильности ученых, отражая в научном сотрудничестве политические интересы России, в частности в отношении СНГ, БРИКС

* © Балякин А.А., Задорина А.К., Куклина И.Р., Малышев А.С., Тараненко С.Б., 2018.
Статья подготовлена в рамках проекта RFMEFI57217X0005 при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации. При подготовке статьи были использованы результаты работ по разделу 1.2 «Анализ стратегических документов в сфере международного научно-технического сотрудничества, принятых в странах Латинской Америки». *Статья поступила в редакцию 24.08.2018 г.*

и ЕАЭС. В разрабатываемые программные документы должны войти вопросы финансирования совместных исследований и оценка эффективности сотрудничества (качественные и количественные показатели, отражающие успех научных коллабораций).

Ключевые слова: международное научно-техническое сотрудничество (МНТС); концепция; стратегия; научно-техническая революция (НТР); БРИКС; Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР)

Важнейшая тенденция последних десятилетий — становление новых форматов интеграционных процессов в научно-технической сфере, формирование международной повестки развития науки и технологий и глобальной институциональной инфраструктуры исследований. Международное научно-техническое сотрудничество (МНТС) на всех уровнях (глобальном, межгосударственном, межведомственном и межинституциональном) становится объективной реальностью и неотъемлемой частью системы международных отношений. Технологически развитые и развивающиеся страны осознают необходимость систематизировать и структурировать политику в сфере МНТС, что приводит к разработке соответствующей нормативно-правовой базы, включающей государственные стратегические документы в сфере МНТС. Их реализация осуществляется через разработку стратегий, концепций, программ, дорожных карт, а также среднесрочных и краткосрочных планов действий.

Международная научная кооперация выступает сегодня не только как способ решения научных проблем, но и как необходимый инструмент внешней и внутренней политики стран и их объединений. Так, с одной стороны, при проведении международных научных работ происходит интеграция российского сектора исследований и разработок в глобальную международную инновационную систему, с другой стороны, при верном выборе управленческих решений возможно решение социально-экономических проблем Российской Федерации, повышение эффективности расходования бюджетных средств и результативности сектора исследований и разработок.

В России основой для формирования и заключения соглашений о МНТС являются документы общего характера (концепции, стратегии, программы развития) и положения Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике», которые определяют основные принципы организации МНТС как составной части государственной научно-технической политики. Для его регламентации в России разрабатывается целый ряд стратегических документов, в частности, консорциум из ведущих российских организаций, участвующих в реализации совместных научных проектов, готовит проект Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации, учитывающий в том числе и международный опыт организации МНТС.

В статье представлены результаты анализа стратегических документов в сфере МНТС 19 стран: 6 развитых стран Европы, 6 стран АТР (в том числе США и Канады), 3 стран Латинской Америки и 4 стран БРИКС. Страны были классифицированы по критерию наличия и уровня стратегических документов в сфере МНТС на три группы. Первая группа — страны с наличием отдельного стратегического документа о МНТС (Германия, Великобритания, Швейцария, Норвегия,

США). Это «технологические лидеры», сильные акторы МНТС с четкими приоритетами и большими объемами финансирования как национальных, так и международных исследований. Так, в Германии существует отдельный стратегический документ о МНТС с четко установленной политикой развития исследований и инноваций; помимо этого, представлены документы, регламентирующие сотрудничество страны с отдельными государствами и регионами как на ведомственном, так и на институциональном уровне.

Выстраивание научно-технического сотрудничества Великобритании с другими странами регламентируется в рамках национальной стратегии развития науки и технологий. В стране отсутствует единый стратегический документ, регламентирующий политику страны в области МНТС. На межведомственном уровне принята стратегия, регламентирующая деятельность объединения ведомств, также осуществляющих МНТС с другими странами. При этом, несмотря на отсутствие единого документа, необходимо отметить высокий уровень координации и структурированности международной научно-исследовательской деятельности Великобритании.

Швейцария представляет собой пример хорошо организованной работы в области определения, регламентации и реализации МНТС, что подтверждается положением государства на мировом рынке научных исследований. В стране имеется четко структурированный документ, регулирующий МНТС, — «Международная стратегия образования, исследований и инноваций Швейцарии» [20].

В США присутствует единая линия в реализации МНТС, подчиненная национальным интересам. В организационном плане реализована распределенная система координации международной научной деятельности, практически никак не регламентируемая со стороны государства. Она представляет собой проектный подход, когда для каждого направления создается свое подразделение, комиссия, фонд и пр. При этом значительная доля ответственности делегирована конкретным министерствам и ведомствам. Важнейшей особенностью данной модели является рассмотрение всей совместной научной деятельности как элемента американской внешней политики.

В Норвегии МНТС в достаточной степени регламентировано с точки зрения концептуальной составляющей организации развития науки и техники. В документах, относящихся к сфере международных отношений (компетенции Министерства иностранных дел), отражена важная роль МНТС и сформулирована установка на содействие целям устойчивого развития ООН, что сближает Норвегию с Швецией.

Вторая группа — страны с наличием документа о региональном научно-техническом сотрудничестве, что характерно для ряда стран — членов Европейского Союза (ЕС), для которых важно сформулировать свою позицию в рамках общеевропейского научно-технического сотрудничества, прежде всего «Horizon 2020». Данные документы могут быть разного уровня (государственная стратегия, программа ведомственного уровня, план действий) и часто дополняют общую стратегию МНТС. Для многих небольших стран — членов ЕС с незначительными

объемами финансирования исследовательской деятельности национальную стратегию МНТС заменяют общеевропейские документы. Эти страны не обладают в достаточной мере ресурсами (финансовыми, административными, кадровыми) для ведения самостоятельной международной научно-технической политики и идут в фарватере общеевропейской политики. Зачастую их международная научно-исследовательская деятельность финансируется из средств европейских фондов, что характерно для стран Центральной и Восточной Европы, поэтому их стратегические документы не изучались.

Детально были рассмотрены страны с выраженной региональной составляющей в документах, регламентирующих МНТС, — Корея, Бразилия и Мексика. Так, в Корее сформирована система МНТС, направленная на удержание лидерских позиций страны в области прикладных исследований и на привлечение высококвалифицированных специалистов для повышения уровня фундаментальной науки. Основные механизмы — программы обмена и популяризации достижений корейской прикладной науки. В Корее положения об МНТС включены в виде разделов в различные документы, относящиеся к научно-технической политике, и находятся в компетенции различных ведомств.

В Бразилии в сфере МНТС также сильна региональная составляющая: действует альянс исследований в Южной Атлантике (с участием Аргентины, Уругвая, Анголы и Намибии), развивается сотрудничество с Европейским Союзом в целях накопления совместного опыта и научных знаний об Атлантическом океане, проведения совместных исследовательских проектов и улучшения взаимного доступа к инфраструктуре. Специализированного документа, регламентирующего МНТС, в стране нет.

В Мексике также нет специального документа, регулирующего МНТС, а работы с международными партнерами распределены по целому ряду министерств и ведомств. При этом необходимо отметить выраженную региональную составляющую в реализации МНТС (ориентация на США и страны Карибского региона).

Третья группа — государства, политика которых в области МНТС сформулирована в рамках национальных стратегий развития науки и технологий (главы/разделы в общей национальной стратегии/доктрине/концепции) и интегрирована в планы действия/стратегии соответствующих ведомств. К данной группе относится подавляющее большинство стран мира, включая такие развитые европейские страны, как Франция и Швеция, а также ряд членов БРИКС. Отсутствие отдельного документа по МНТС не означает отсутствия активности в области МНТС. Тем не менее, в странах, имеющих государственную стратегию МНТС, существенно выше уровень координации и структурированности международной научно-исследовательской деятельности. Так, во Франции нет отдельного документа, регламентирующего международное сотрудничество в области науки и технологий и заметна региональная составляющая МНТС, связанная со стремлением Франции развивать научно-технологический комплекс с учетом тенденций общеевропейских программ и задач общеевропейского характера.

В Швеции определяет цели и задачи МНТС как целостного направления государственной политики преимущественно Министерство иностранных дел. Конкретные программы и направления сотрудничества прописаны в рамках национальных стратегий развития науки и технологий.

В Канаде отсутствует зонтичный документ, регламентирующий МНТС, а мероприятия в сфере международной научной кооперации подчинены идее сбалансированного развития Канады без выделения научных и/или географических приоритетов. Несмотря на схожесть подходов США и Канады, их принципиальное различие состоит в разном видении своего места в мире и доступных финансовых средств: США нацелены на мировое лидерство, а Канада заинтересована в так называемом «местном процветании» (“local prosperity”) — достижении значимых результатов в приоритетных направлениях.

Другой важной особенностью Канады является наличие большого числа фондов и программ, отнесенных к компетенции Министерства иностранных дел, а также акцент на научной мобильности (прежде всего на привлечении талантливых исследователей в Канаду). В целом в Канаде приоритеты, цели и задачи МНТС «распределены» по разным министерствам и ведомствам и инкорпорированы в разные стратегические документы. При этом Канада входит в группу пяти стран, официально заявляющих об особых отношениях между ними (США, Канада, Великобритания, Австралия и Новая Зеландия), особенно в сфере национальной безопасности, что отражается и на научном сотрудничестве. Эти особые отношения можно рассматривать как важный внешний фактор, влияющий на региональную компоненту МНТС в Канаде.

В Австралии правительство видит свою задачу в создании благоприятных условий для работы научных организаций и индивидуальных исследователей, цели и задачи МНТС инкорпорированы в соответствующие документы министерств и ведомств.

В Японии деятельность в сфере МНТС подчинена решению внешнеполитических задач и находится в компетенции Министерства иностранных дел. Важную роль в развитии МНТС играет научная дипломатия, а научные советники и ведущие ученые страны (ключевые фигуры в должности советника или консультанта) определяют политику государства в области науки, технологий и инноваций.

Правительство Малайзии пока не сформировало отдельный документ, регламентирующий МНТС, однако в документе «Национальная политика в области науки, технологий и инноваций на 2013—2020» [8] международный аспект заявлен в качестве одного из приоритетных направлений, призванный повысить инновационный потенциал страны.

В Аргентине нет ни рамочного законодательного акта, регулирующего МНТС, ни специализированного ведомства в рамках Министерства науки технологий и инновационной продукции, ответственного за его реализацию (закон о министерствах относит МНТС к компетенции Министерства науки, технологий и инновационной продукции без выделения в его рамках специализированного департамента). Реализация международной научной кооперации осуществляется в рамках закона о науке, технологиях и инновациях и направлена на достижение

глобальных целей развития страны, прописанных в плане «Аргентина инновационная», где МНТС не отводится значимой роли. Практически МНТС инкорпорируется в общий план развития страны, но региональная составляющая в МНТС не выделена. Впрочем, общими внешнеполитическими приоритетами Аргентины является взаимодействие с соседями в Южной Америке (группа MERCOSUR) и связи по линии Юг—Юг.

Политика и стратегия международного сотрудничества в сфере науки и технологий в Чили курируются Чилийским агентством международного сотрудничества в целях развития и регламентируются двумя основными документами, представляющими общие подходы Чили к научно-технологическому развитию, включая МНТС. В документах выражена региональная составляющая, что сближает Чили с Аргентиной и Мексикой.

В Китае отсутствует единый стратегический документ, регламентирующий политику страны в области МНТС. Отдельные положения о политике в области МНТС сформулированы во внутренних стратегических документах, которые не предусматривают конкретные приоритеты в области МНТС или проработку отдельных инструментов и механизмов его реализации.

Обладая достаточным финансовым, административным и кадровым потенциалом, правительство КНР ставит перед собой задачу выйти в лидеры мировой науки и технологий к 2050 году [24]. КНР формирует свою научно-технологическую политику с учетом глобальных тенденций и опыта мировых лидеров, но на первый план ставит задачи обеспечения национальной безопасности и благосостояния путем инновационного и технологического развития.

В Индии МНТС не регулируется специализированным документом: государственная инициатива «IMPRINT» направлена на достижение устойчивого экономического роста, эффективного использования имеющихся ресурсов, развития и поддержания окружающей среды, а МНТС отводится вспомогательная роль [13].

В ЮАР МНТС призвано обеспечить базу для сотрудничества в развитии человеческого капитала, стимулировать приток прямых иностранных инвестиций через двусторонние и глобальные исследовательские связи, укреплять инфраструктуру страны, открывать доступ к международным компетенциям. При этом рамочный документ, регламентирующий МНТС, в стране отсутствует, а положения, касающиеся международного научного взаимодействия, прописаны в целом ряде документов.

Рассмотрим теперь подробнее стратегические документы МНТС в ряде стран, иллюстрирующих ключевые особенности групп, описанные выше. В качестве примера страны первой группы рассмотрена политика США в сфере МНТС. Для США характерно наличие единого подхода во всех документах: политика в области МНТС рассматривается в контексте национальной безопасности, поэтому стратегический документ, регламентирующий ее («International Science and Technology Strategy for the United States Department of Defense»), относится к ведению департамента обороны [11]. Пример страны с ярко выраженным региональным уклоном в реализации международной политики в сфере науки —

Мексика: ее МНТС де факто имеет узконаправленный региональный характер (США, Карибский бассейн и ЕС) и, с точки зрения нормативного обеспечения, МНТС не имеет собственной базы, а является составляющей научно-технического развития страны в целом. И наконец, в Швеции документы МНТС разрабатываются в рамках реализации внешней политики страны с обеспечением нормативной поддержки по линии Министерства иностранных дел, а не ведомств, ответственных за вопросы развития науки и образования.

ОРГАНИЗАЦИЯ МНТС В США

Соединенные Штаты имеют четкое видение целей, задач и форматов МНТС, с ясными приоритетами и большими объемами финансирования как национальных, так и международных исследований. Базовой задачей международной научной деятельности является развитие американской системы науки и образования, обеспечение экономической и национальной безопасности и поддержка целей США на международной арене. Практически наука официально выступает инструментом реализации американской внешней политики.

Функция определения принципов международной научно-технической политики в США возложены на Управление политики в области науки и технологий при Президенте [22]. В рамках своих полномочий при участии Национального научного совета Управление опубликовало документ «International Science and Engineering Partnerships: A Priority for U.S. Foreign Policy and Our Nation's Innovation Enterprise» [10], где определены преимущества и выгоды МНТС, сформулированы стратегические приоритеты, а также представлены концептуальные механизмы обеспечения такого сотрудничества на федеральном и региональном уровнях. Рассмотрению науки в контексте национальной безопасности посвящен стратегический документ «International Science and Technology Strategy for the United States Department of Defense» [11], который относится к ведению департамента обороны.

Государственный департамент США (выполняющий функции Министерства иностранных дел) курирует большое число международных программ для продвижения американского видения за рубеж и пропаганды американской политики и образа жизни. В частности, можно отметить инициативу «Глобальные инновации через науку и технологии», программу «Послы науки» (выдающиеся американские ученые, выезжающие за рубеж для продвижения американской науки), программу Фулбрайт, CRDF (Американский фонд гражданских исследований в России) и др.

Между тем, в силу децентрализованности управления наукой в США, существует ряд концепций более низкого уровня, в рамках которых определяются и регламентируются те или иные вопросы, связанные с МНТС. Например, документ «Principles for Promoting Access to Federal Government-Supported Scientific Data and Research Findings through International Scientific Cooperation» [16], разработанный Национальным советом по науке и технологиям (NSTC) Управления политики в области науки и технологий при Президенте регламентирует политику открытого обмена научными данными (первичные, итоговые, метаданные) в рам-

ках МНТС. При этом документ носит скорее рекомендательный характер и предназначен для федеральных агентств и департаментов, а также исполнителей работ, финансируемых из федерального бюджета.

Значительная часть внешнеполитической активности США в сфере науки реализуется в рамках министерств и ведомств, каждое из которых само определяет цели и задачи своей работы, в том числе в части МНТС. В частности, департамент энергетики стремится содействовать развитию международных контактов, включая научные исследования в сфере энергосбережения, посредством организации проектов, в которые вовлекаются зарубежные страны. Однако наиболее активными акторами в сфере МНТС являются: Госдепартамент США, Национальный научный фонд, национальные институты здравоохранения, NASA, министерство энергетики. В частности, национальные институты здравоохранения проводят совместные конкурсы с европейской программой «Горизонт 2020».

Таким образом, в США реализована распределенная система координации международной научной деятельности, не регламентированная государством. По сути, можно говорить о проектном подходе, когда для каждого направления создается свое подразделение, комиссия, фонд и пр. При этом значительная доля ответственности делегирована конкретным министерствам и ведомствам. Важнейшей особенностью США является рассмотрение совместной научной деятельности как элемента реализации американской внешней политики.

ОРГАНИЗАЦИЯ МНТС В МЕКСИКЕ

Установочные положения о роли и месте МНТС представлены в «Национальном плане развития Мексики на 2007—2012 годы» [14], согласно которому внешняя политика рассматривалась как «рычаг для содействия развитию человеческого потенциала», а МНТС отводилась второстепенная роль. В актуальном плане развития страны до 2018 года наука и образование выделены в отдельное направление и рассматриваются как один из инструментов создания «процветающей Мексики», однако вопросы МНТС в данном документе не упоминаются [15]. Базовым нормативным документом, регламентирующим деятельность в области науки и техники, является закон «О науке и технике» в редакции от 8 декабря 2015 года, являющийся нормативно-правовым документом федерального значения и подписанный президентом страны [12].

Закон представляет собой рамочный документ, регламентирующий управление наукой и образованием в Мексике, деятельность организаций, институтов, индивидуальных ученых, и при этом не предполагает экстерриториального характера действий или установления связей с зарубежными партнерами. Детализированного рассмотрения МНТС с выделением региональных или технологических приоритетов в документе нет, но в нем обозначен орган, ответственный за координацию деятельности в части международного сотрудничества — Национальный совет по науке и технике (CONACYT).

Основная задача Национального совета по науке и технике — продвижение и развитие научных исследований и содействие технологической модернизации

Мексике. С этой целью Национальный совет разработал Специальную программу науки, техники и инноваций на 2014—2018 годы, в которой приведены стратегические положения в сфере МНТС страны [17].

Таким образом, данную программу можно рассматривать в качестве устанавливающего документа в сфере МНТС. Программа опирается на Национальный план развития Мексики на 2013—2018 годы и носит рекомендательный характер. Так, в первой главе описано общее состояние науки и техники в Мексике (пункты 1.1 и 1.2), развитие человеческого капитала (1.3), существующая научная инфраструктура (1.4), региональные особенности страны (1.5), перспективы развития (1.6), влияние науки на социальные процессы (1.7), международное сотрудничество в области науки, техники и инноваций (1.8) и вопросы, посвященные генетически модифицированным организмам (ГМО) в рамках работы специальной правительственной комиссии (1.9).

В пункте 1.8 Программы (фактически единственном пункте документа, имеющем непосредственное отношение к МНТС) указаны цели и задачи МНТС: обмен знаниями, ресурсами и опытом в целях расширения и углубления научных исследований, технологического и инновационного развития, знаний с использованием потенциала Мексики и других стран для обеспечения высокого уровня развития человека и перехода Мексике к экономике, основанной на знаниях. Также в данном разделе перечислены страны и регионы, стратегически перспективные для организации международного сотрудничества в области науки, техники и инноваций: Северная Америка — США, Канада; Южная Америка — Аргентина, Бразилия, Чили и Колумбия; Европа — Германия, Испания, Франция и Великобритания; Азия — Китай, Южная Корея, Индия, Израиль и Япония. Данные приоритеты, с одной стороны, отражают ориентацию Мексики на сотрудничество с ближайшими соседями — США и Канадой как членами Североамериканской зоны свободной торговли (NAFTA), а, с другой стороны, показывают стремление к диверсификации международных научных связей и попытку использовать как традиционные контакты, основанные на близости языка и культуры (страны Латинской Америки), так и стремление более тесно сотрудничать со странами — технологическими лидерами (Европа, Израиль) и с активно развивающимися странами (Китай, Индия).

Вторая глава документа посвящена видению развития Мексики на перспективу до 2038 года, здесь сформулированы приоритеты развития науки и технологий, причем МНТС отдельно не упомянуто. В третьей главе перечислены шаги по реализации Национального плана развития Мексики на 2013—2018 годы. В отношении МНТС предполагается развитие международных связей для повышения человеческого потенциала Мексики: поддержка участия в международных научных коллаборациях, способствование развитию новых секторов производства в стране. В четвертой главе приведены индикаторы и показатели реализации Плана, а также организации, ответственные за направления развития (туризм, национальная оборона и др.). Функции координатора политики в области МНТС закреплены за Национальным советом по науке и технике и его специализирован-

ным подразделением — межведомственным советом. Количественные и качественные показатели развития МНТС в документе отсутствуют.

В целом самостоятельные стратегические документы, определяющие характер МНТС, в Мексике также отсутствуют. Инструменты сотрудничества, финансирования, внедрения и институционализации в рамках МНТС не формализованы, отдельное финансирование для программ МНТС не предусмотрено. Поскольку, согласно закону «О науке и технике», основная роль в организации и обеспечении МНТС Мексики отводится Национальному совету по науке и технике, то положения и нормы, регламентирующие международное сотрудничество, содержатся в установочных документах данной организации, таких как Устав [5], Руководство [1], Институциональная программа на 2014—2018 годы [18], и др.

Несмотря на отсутствие самостоятельного нормативного документа, регламентирующего вопросы МНТС, взаимодействие Мексики с другими странами, в том числе с не входящими в список приоритетных в Специальной программе науки, техники и инноваций на 2014—2018 годы, активно ведется и является эффективным с организационной точки зрения. Так, в Мексике заключено около 100 двусторонних и многосторонних международных соглашений о научно-техническом сотрудничестве с более чем 25 странами, реализуется ряд крупных совместных проектов, таких как CONACYT-Horizon-2020 [9], EU-MEX INNOVA [2], Germany-Mexico STI Forum [3], и др. Документы CONACYT регламентируют организуемые специализированными фондами работы в области МНТС (Национальное научно-техническое сообщество, Международное научно-техническое сообщество) и проводимыми национальными и иностранными высшими учебными заведениями. Финансирование международных научных проектов осуществляется по линии фондов и не предполагает целевого финансирования.

Таким образом, для Мексики характерна выраженная региональная составляющая (ориентация на США и страны Карибского региона), однако, ввиду отсутствия единой научно-технической политики, региональную составляющую нельзя рассматривать как определяющую в реализации МНТС в Мексике. Согласно исследованию Австрийского института международных отношений, в финансовом аспекте решающее влияние на Мексику в сфере развития высоких технологий оказывают США (на них приходится около 30% выделенных мексиканским правительством ресурсов на научно-техническое сотрудничество), Франция (19%) и Великобритания — 13% [23].

В целом сегодня позиции Мексики на международной арене не соответствуют возможностям страны. Наличие экономического и человеческого потенциала предполагает более активное участие страны в МНТС для занятия достойной позиции в международном сообществе. Эта цель, впервые озвученная в Национальном плане развития на 2007—2012 годы, пока не получила должного развития, хотя выстраивание научных контактов со странами ЕС, которые рассматриваются как основной источник знаний, технологий и передовых методов управления, и активное участие в программе «Горизонт 2020» предполагает, что в ближайшем будущем МНТС Мексики выйдет на новый уровень.

ОРГАНИЗАЦИЯ МНТС В ШВЕЦИИ

В Швеции МНТС не имеет выраженной нормативной поддержки. Документы, регулирующие МНТС, разрабатываются внешнеполитическим ведомством и служат инструментом реализации внешней политики.

Базовым документом, содержащим ряд положений, имеющих отношение к МНТС, является документ «Политика Швеции в области глобального развития», разработанный Министерством иностранных дел и утвержденный Правительством Швеции в 2003 году в статусе закона [6]. В нем проанализированы проблемы, с которыми сталкивается человечество по пути практического использования достижений науки и техники в повседневной жизни, и обозначены барьеры для сбалансированного развития: неравномерное экономическое развитие, гендерное неравенство, проблемы прав человека и миграции, экологические риски и вызовы, чреватые гуманитарными кризисами, конфликтами, загрязнением окружающей среды, коррупцией и пр.

В целом шведская политика базируется на двух принципах: помощь бедным и защита прав человека. МНТС рассматривается как один из механизмов снятия остроты упомянутых проблем человечества в целом или их разрешения. Так, в документе следует отметить раздел «Международное сотрудничество в целях развития», посвященный механизмам обеспечения взаимодействия с иностранными государствами, нуждающимися в помощи в сфере образования (в первую очередь — странам Центральной и Восточной Европы, третьего мира) и с международными организациями.

Для детализации внешнеполитических целей и задач Швеции в декабре 2016 года Правительство представило документ, подготовленный Министерством иностранных дел «Политика Швеции в области развития и оказания гуманитарной помощи» [7] — фактически отражение актуальной международной политики Швеции. Документ носит обзорный характер и состоит из 10 разделов, описывающих направления внешней политики страны без выделения МНТС в отдельное направление. В то же время в пятом разделе, посвященном тематическим направлениям внешнеполитического взаимодействия, есть подраздел 5.8 «Образование и исследования», где приводятся базовые принципы политики образования и исследований в стране в аспекте международных связей: предлагается реализация целостного подхода к образованию с упором на решение гендерных и экологических проблем и содействие устойчивому развитию. Также в разделах 8—10 прописаны принципы организации и механизмы обеспечения международного сотрудничества, которые можно применять и в сфере МНТС, хотя спецификации международного взаимодействия в сфере науки не приводятся.

Можно выделить два приоритета во внешней политике Швеции (которым подчиняется и политика в сфере МНТС): географический (раздел 8 — «Географическая направленность сотрудничества в области развития») и технологический (раздел 9 — «Эффективное сотрудничество в области развития»). С точки зрения региональных приоритетов основная цель международного сотрудничества Швеции — содействие развитию наиболее отсталых и уязвимых (к рискам

и вызовом современности) стран в целях формирования ответственного общества. Важнейшими инструментами реализации такой политики выступают двусторонние соглашения.

С технологической точки зрения Швеция ориентирована на содействие реализации признанных приоритетов устойчивого сбалансированного развития, изложенных в таких документах ОЭСР, как Парижская декларация 2005 года [25], Повестка действия (Аккра, 2008) [21] и Партнерство ради эффективного совместного развития (Пусан, 2011) [4]. Наиболее эффективными механизмами такой политики считается участие Швеции в многосторонних проектах.

Представленные документы являются основополагающими и формируют концепцию развития Швеции, включая регламентацию вопросов международного развития и научной кооперации. Основным актором МНТС является Министерство иностранных дел, вопросы науки и образования рассматриваются через призму внешнеполитической деятельности. Таким образом, институционализация МНТС в Швеции не предусмотрена, вопросы финансирования МНТС в указанных документах не рассматриваются.

Функции реализации международного сотрудничества возложены на Шведское управление международного сотрудничества в области развития (SIDA) Министерства иностранных дел Швеции. Базовый документ, которым оперирует SIDA (Департамент исследовательских коопераций SAREC) в рамках международной научно-технической деятельности, — «Стратегия научно-исследовательского сотрудничества и исследований в области сотрудничества в целях развития на 2015—2021 годы» Министерства иностранных дел Швеции [19]. В Стратегии определены цели и области МНТС, сформулированы базовые принципы достижения поставленных задач, определены ответственные организации, призванные обеспечить их реализацию. Кроме SIDA ответственность за реализацию МНТС в рамках его компетенций возложена на Шведский исследовательский совет, занимающийся частными вопросами МНТС.

Со стороны государства проекты МНТС в Швеции получают преимущественно прямое базовое финансирование, дополненное конкурсными процедурами по линии Министерства иностранных дел. Ряд совместных проектов поддерживается по линии научных фондов, объявляющих скоординированные конкурсы с другими странами. В частности, цель фонда VINNOVA — поддержание инновационного развития Швеции путем предоставления грантов. Международная составляющая его деятельности состоит во взаимодействии с европейской программой Horizon-2020 и поддержке деятельности национальных структур по направлениям, которые включены в структуру фонда.

В целом политику Швеции в сфере МНТС характеризует определенный дуализм: в установлении целей и приоритетов международного сотрудничества определяющую роль играет Министерство иностранных дел, деятельность которого направлена на содействие устойчивому сбалансированному развитию, а в выборе тематических направлений исследований координацию научных работ осуществляет Министерство образования и исследований (фундаментальные науки) и Министерство предпринимательства, энергетики и связи, отвечающее за национальную инновационную стратегию (прикладные исследования).

Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная в декабре 2016 года в качестве одного из основных направлений государственной политики в области научно-технологического развития, определила суть направления «сотрудничество и интеграция» как формирование такой модели МНТС, которая позволит повысить эффективность российской науки за счет взаимовыгодного международного взаимодействия и одновременно защитит идентичность российской научной сферы и государственные интересы в условиях интернационализации науки. Описанные особенности организации МНТС в разных странах позволяют сформулировать следующие предложения в сфере российской научно-технической политики: во-первых, необходима активизация участия России в мировом научном процессе при сохранении собственной научной идентичности, обеспечение полноправного и экономически эффективного участия России в глобальных интеграционных процессах в сфере науки, технологий и наукоемкого производства с учетом национальных интересов.

Во-вторых, заявленные цели и задачи развития Российской Федерации, оперирующие в том числе понятием «большие вызовы», однозначно определяют нашу страну как независимого игрока, участвующего в формировании как научной повестки, так и системы глобальных международных отношений. Данное обстоятельство требует разработки и принятия Россией устанавливающего рамочного документа в сфере МНТС с четко прописанными целями и задачами. Необходима также Концепция МНТС Российской Федерации — как система взглядов на цели, задачи, базовые принципы и приоритеты российской политики в области МНТС. В качестве примера реализации подобного отношения к МНТС можно рассматривать такие страны-лидеры, как США и Швейцарию.

В-третьих, разрабатываемые в России документы в сфере МНТС должны способствовать развитию научной дипломатии, которая в современных условиях интернационализации науки становится важным инструментом решения задач научно-технологического развития страны. Сегодня сформулированы и применяются три современных инструментария научной дипломатии: научная информационная поддержка внешней политики; содействие международному научному сотрудничеству; использование научного сотрудничества для улучшения отношений между странами. В качестве примера можно упомянуть опыт Норвегии и Швеции, использующих научные связи для эффективного решения глобальных проблем, а также опыт США в использовании «послов науки» для продвижения и защиты американских национальных интересов.

В-четвертых, как показывает анализ существующей нормативно-правовой базы в сфере регулирования научного сотрудничества, ее значимым элементом выступает учет региональных особенностей. Так, в Латинской Америке очевидна ориентация на кооперацию, с одной стороны, с соседними странами, с другой — с Европейским Союзом, который рассматривается как важнейший источник знаний и доступа к уникальной исследовательской инфраструктуре и зачастую противопоставляется США. Соответственно, России необходимо отразить свой интерес к странам СНГ, БРИКС и ЕАЭС.

Практически приоритеты МНТС должны содержать как тематические направления (определяемые, прежде всего, «большими вызовами»), так и географические предпочтения (исходя из национальных интересов). Данные приоритеты должны быть реализованы в обоих направлениях: как артикуляция интересов Российской Федерации (в странах СНГ, БРИКС, ЕАЭС) и как отражение важной роли России в устанавливающих документах других стран. Последнее, как показывает проведенный анализ документов, практически нигде не отражено, несмотря на значительный вклад России в развитие научной инфраструктуры и создание на территории нашей страны целого ряда уникальных научных установок. Поэтому важным фактором укрепления позиций России в мире является повышение уровня осведомленности мировой научной общественности и бизнеса о достижениях, направлениях исследований и потенциале российской науки. Например, можно упомянуть опыт Южной Кореи и мероприятия в рамках Комплексного плана по глобальному научно-технологическому сотрудничеству, который предполагает создание глобальной сети зарубежных научно-технологических представительств, расширение программ помощи развитию науки, активизацию научно-технологической дипломатии, продвижение и поощрение совместных НИОКР с иностранными партнерами и совместное использование передовой научной инфраструктуры на территории Республики Корея и за ее пределами.

В-пятых, следует больше внимание уделять поддержке научной мобильности: необходимо привлекать к работе в России ученых мирового класса и перспективных исследователей, демонстрирующих высокий научный потенциал. В качестве примера такого подхода можно опираться на опыт Канады с ее разветвленной системой грантовой поддержки научной мобильности и опыт стран ЕС по созданию единого научного европейского пространства.

В-шестых, следует проработать вопросы финансирования совместных исследований. Как показывает анализ опыта разных стран, наиболее успешным является проектный подход (реализуемый, например, в США), когда под конкретную задачу выделяется целевое финансирование по линии заинтересованных ведомств. Может быть востребован и европейский опыт реализации программы «Горизонт-2020», особенно в аспекте участия третьих стран.

И, наконец, необходимы разработка и введение индикаторов и показателей оценки успешности выстраиваемых научных коллабораций.

Указанные предложения были востребованы при разработке проекта Концепции международного научно-технического сотрудничества Российской Федерации консорциумом крупнейших российских научных организаций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] Actualización al Manual de Organización del Consejo Nacional de Ciencia y Tecnología. http://www.conacyt.gob.mx/images/conacyt/normatividad/Manual_de_Organizacion_CONACYT_septiembre_2017.pdf.
- [2] Agreement for Scientific and Technological Cooperation between the European Community and the United Mexican States. [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22005A1104\(01\)&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:22005A1104(01)&from=EN).

- [3] Arturo Borja Tamayo. Overview of German-Mexican cooperation in science, technology & innovation. Forum on Science, Technology and Innovation Mexico-Germany. November 14—15, 2016. <http://www.conacyt.gob.mx/pci/index.php/bilateral-y-multilateral/gmstif/documents-and-downloads/overview-german-mexico-sti/387-kn0-conacyt/file>.
- [4] Busan partnership for effective development cooperation. Fourth High Level Forum on Aid Effectiveness. Busan, November 29 — December 1, 2011. <https://www.oecd.org/development/effectiveness/49650173.pdf>.
- [5] Estatuto Organica del Consejo Nacional de Ciencia y Tecnología. http://www.conacyt.gob.mx/images/pdfs_conacyt/Estatuto_Organico_CONACYT_DO_05.09.2017_integrado.pdf.
- [6] Government Bill 2002/03:122. Shared Responsibility: Sweden's Policy for Global Development. <http://www.government.se/49b752/contentassets/8de3998852514bfca457152418faa322/shared-responsibility-swedens-policy-for-global-development>.
- [7] Government Communication 2016/17:60. Policy Framework for Swedish Development Cooperation and Humanitarian Assistance. http://www.government.se/49a184/contentassets/43972c7f81c34d51a82e6a7502860895/skr-60-engelsk-version_web.pdf.
- [8] National Policy on Science, Technology & Innovation (NPSTI) 2013—2020. <http://mastic.mosti.gov.my/documents/10156/225696/NPSTI+2013-2020+ENGLISH+final.pdf>.
- [9] Información General de la Convocatoria CONACYT-Horizon2020. <http://www.conacyt.gob.mx/pci/index.php/dci/pe/programa-marco-de-investigacion-y-desarrollo-tecnologico-de-la-union-europea/horizon-2020/gi-callh2020esp>.
- [10] International Science and Engineering Partnerships: A Priority for U.S. Foreign Policy and Our Nation's Innovation Enterprise. 14.02.2014. <https://www.nsf.gov/nsb/publications/2008/nsb084.pdf>.
- [11] International Science and Technology Strategy for the United States Department of Defense. 2005. <https://www.hsdl.org/?view&did=698413>.
- [12] Ley De Ciencia y Tecnología. http://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/242_081215.pdf.
- [13] National Launch of Impacting Research Innovation and Technology (IMPRINT). Ministry of Human Resource Development, Government of India, New Delhi, November 5, 2015. http://imprint-india.org/uploads/IMPRINT%20Brochure_Final.pdf.
- [14] Plan Nacional de Desarrollo 2007—2012. Escenarios, Programas e Indicadores. Centro de Estudios de las Finanzas Públicas. 2007. <http://www.cefp.gob.mx/intr/edocumentos/pdf/cefp/cefp0962007.pdf>.
- [15] Plan Nacional de Desarrollo 2013—2018 de México. <https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/MexicoPlanNacionaldeDesarrollo20132018.pdf>.
- [16] Principles for Promoting Access to Federal Government-Supported Scientific Data and Research Findings Through International Scientific Cooperation. Interagency Working Group on Open Data Sharing Policy of the Subcommittee on International Issues of the Committee on Science of the National Science and Technology Council. 2016. https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/microsites/ostp/NSTC/iwgodsp_principles_0.pdf.
- [17] Programa Especial de Ciencia, Tecnología e Innovación 2014—2018. http://www.dof.gob.mx/nota_detalle.php?codigo=5354626&fecha=30/07/2014.
- [18] Programa Institucional Conacyt 2014—2018. Consejo Nacional de Ciencia y Tecnología (CONACYT). http://www.conacyt.gob.mx/images/conacyt/normatividad/interna/PROGRAMA_INSTITUCIONAL_CONACYT_2014-2018.pdf.
- [19] Strategy for Research Cooperation and Research in Development Cooperation 2015—2021. Government Offices of Sweden. <http://www.regeringen.se/49f23e/contentassets/35640f803c554f5abe17800242c5bcb3/strategi-for-forskningssamarbete-pdf-for-webb-eng-2.pdf>.
- [20] Switzerland's International Strategy for Education, Research and Innovation approved by the Federal Council on June 30, 2010. https://www.sbf.admin.ch/dam/sbf/en/dokumente/internationale_strategiederschweizimereichbildungforschungundin.pdf.download.pdf/switzerland_s_internationalstrategyforeducationresearchandinnova.pdf.

- [21] The Accra Agenda for Action (AAA). 2008. <https://www.oecd.org/dac/effectiveness/45827311.pdf>.
- [22] The President's Office of Science and Technology Policy (OSTP): Issues for Congress. 13.01.2014. <https://fas.org/sgp/crs/misc/RL34736.pdf>.
- [23] Tinja Zerzer. Transnational Lecture Series on the Internationalization of Science, Technology and Innovation. 20.06.2017. http://www.oaip.ac.at/fileadmin/Unterlagen/Dateien/Summaries/Summary_Lecture_Mexiko.pdf.
- [24] Yongxiang Lu. Science and Technology in China: A Roadmap to 2050: Strategic General Report of the Chinese Academy of Sciences. http://library.aceondo.net/ebooks/HISTORY/Science_&Technology_in_China_A_Roadmap_to_2050_Strategic_General_Report_of_the_20121130215622420.pdf.
- [25] Парижская Декларация по повышению эффективности внешней помощи. Приверженность, гармонизация, согласование, результаты и взаимная подотчетность / Parizhskaya Deklaratsiya po povysheniyu effektivnosti vneshney pomoschi. Priverzhennost, garmonizatsiya, soglasovaniye, rezultaty i vzaimnaya podotchetnost [Paris Declaration on Aid Effectiveness. Ownership, Harmonization, Alignment, Results and Mutual Accountability]. 2005. <https://www.oecd.org/dac/effectiveness/35023545.pdf> (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-651-667

POSITIONING OF INTERNATIONAL SCIENTIFIC-TECHNICAL COOPERATION IN THE LEGAL DOCUMENTS OF THE COUNTRIES PARTICIPATING IN SCIENTIFIC GLOBALIZATION*

**A.A. Balyakin¹, A.K. Zadorina², I.R. Kuklina²,
A.S. Malyshev¹, S.B. Taranenko¹**

¹Research Center “Kurchatov Institute”
Pl. Akademika Kurchatova, 1, Moscow, 123182, Russia

²Analytical Center
of International Scientific, Technological and Educational Programs
Leninskie Gory, 1-75, Moscow, 119992, Russia
(e-mail: Balyakin_AA@nrcki.ru; zadorina@mniop.ru; kuklina@mniop.ru;
Malyshev_AS@nrcki.ru; Taranenko_SB@nrcki.ru)

Abstract. The regulation of international scientific-technical cooperation in the Russian Federation aiming at improvement of managerial decisions in the field of scientific cooperation should take into account other countries' approaches. The article considers strategic documents of 19 countries to identify three types of them: the first group consists of countries with a special strategic document on international scientific-technical cooperation; the second group — of countries with a document on regional scientific-technical cooperation; the third group — of countries whose policies in the field of international scientific-technical

* © A.A. Balyakin, A.K. Zadorin, I.R. Kuklina, A.S. Malyshev, S.B. Taranenko, 2018.

The research was supported by the project RFMEFI57217X0005 with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The article is based on the results of the work on the section 1.2 “Analysis of the strategic documents in the field of international scientific-technical cooperation adopted in Latin America”.

The article was submitted on 24.08.2018.

cooperation are represented in national strategies for the development of science and technology and are integrated into action plans/strategies of the relevant departments. The article describes the organization of international scientific-technical cooperation in the USA, Mexico and Sweden. Thus, the USA developed a distributed system of coordination of international scientific activities under the uniform national approach, when science is considered an instrument of American foreign policy. Mexico follows a regional line in international scientific-technical cooperation without any special document regulating it. In Sweden, international scientific cooperation is considered a part of foreign policy and is administered by the Ministry of Foreign Affairs. Based on the studied documents, the authors make several suggestions for Russian scientific-technical policy that have been already used in the draft Conception of International Scientific-Technical Cooperation of the Russian Federation. The authors propose to increase Russia's participation in the world scientific process by relying on the best practices of the global leaders such as the United States and Switzerland, promoting the development of scientific diplomacy and mobility, and supporting the political interests of Russia, in particular considering the CIS, BRICS and the EEA. The future legal documents should also include issues of funding joint research and assessing the effectiveness of cooperation (qualitative and quantitative indicators of the success of scientific collaborations).

Key words: international scientific-technical cooperation (ISTC); conception; strategy; scientific-technological revolution (STR); BRICS; Asia-Pacific region (APR)

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-668-679

ИНСТИТУТЫ И ПРАКТИКИ СТИМУЛИРОВАНИЯ ИННОВАЦИЙ: МНЕНИЕ ЭКСПЕРТОВ*

Г.А. Ключарев¹, М.В. Арсентьев², И.Н. Трофимова¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия

²Юридическая фирма «Айлекс» (Вашингтон, США)
(e-mail: kliucharev@mail.ru; mikhail@ilexlaw.com; itnmv@mail.ru)

Актуальность заявленной в статье проблематики обусловлена недостаточной изученностью механизмов и инструментов стимулирования инноваций в конкретной социально-экономической среде. Особое внимание уделено проблеме регулирования института интеллектуальной собственности как ключевого звена в трансфере инноваций из науки в производство. Цель статьи — показать особенности стимулирования инноваций посредством регулирования патентного законодательства и практики его применения в России и США, а также определить возможности использования зарубежного опыта в целях повышения активности российских изобретателей и разработчиков новых технологий. Основными методами исследования стали опрос и контент-анализ интервью российских и американских экспертов, репрезентирующих участников инновационного процесса на всех его этапах — от разработок до коммерциализации. В качестве теоретической базы исследования выступил комплекс положений, рассматривающих интеллектуальную собственность как основной институт регулирования интересов и взаимоотношений участников инновационного процесса. В глобальном масштабе институт интеллектуальной собственности не только формирует и закрепляет технологическое доминирование одних стран и отставание других, но и определяет уровень их экономической независимости, общественного благосостояния, наконец, национального суверенитета. Институт интеллектуальной собственности в сегодняшней России не обеспечивает эффективность разработок и полученных на их основе патентов, что связано с рассогласованностью государственных и рыночных механизмов стимулирования инноваций. На примере США авторы показывают важность баланса между защитой интеллектуальной собственности и рыночной конкуренцией с учетом глобальных технологических трендов и делают вывод, что в основе эффективной инновационной политики лежит не директивное управление, а создание благоприятных правовых и экономических условий для взаимодействия всех участников инновационной деятельности. Именно такой подход, по мнению экспертов, позволяет обеспечить продвижение инноваций от разработок до коммерческого использования, взаимосвязь секторов экономики и, в конечном счете, технологическую модернизацию страны.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; инновационная политика; патентная политика; изобретательская деятельность; патентная деятельность; Россия; США

Роль науки, технологий и инноваций в социальном и экономическом развитии общества сегодня ни у кого не вызывает сомнений, а для России они открывают возможность преодоления сырьевой зависимости и отставания от экономически

* © Ключарев Г.А., Арсентьев М.В., Трофимова И.Н., 2018.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 16-18-10420.

Статья поступила в редакцию 12.07.2018 г.

развитых стран. Последовательность и содержание принятых программных и нормативно-правовых документов свидетельствуют об актуальности подходов к решению этой проблемы, что дало определенные результаты, в том числе в плане уточнения стратегических ориентиров. В частности, до недавнего времени рейтинг России в Глобальном индексе инноваций неуклонно поднимался: с 62 места в 2013 году на 43 место в 2016 году [9; 10], однако данная динамика все же не позволила России войти в группу лидеров по темпам роста и эффективности инноваций. А снижение рейтинга страны в 2017 году до 45 места говорит о наметившейся негативной тенденции.

Технологическая модернизация российской экономики идет медленнее, чем в развитых и динамично развивающихся странах, например, в США и Китае. Кроме того, в последние годы экономика России все больше отстает от собственных целевых показателей, не достигая намеченных ориентиров, в частности, по удельному весу выпускаемой инновационной продукции, объемам затрат на исследования и разработки, уровню изобретательской активности и т.д.

Между тем структура глобального рынка в условиях перехода к шестому технологическому укладу имеет устойчивую тенденцию к росту доли рынка интеллектуальной собственности. Лидером в мировой торговле интеллектуальной собственностью являются США, которые ежегодно от продажи патентов получают 12% ВВП, тогда как Россия — всего 1% [1].

Глобальная система интеллектуальной собственности формирует и закрепляет не только технологическое доминирование одних стран и отставание других, но также определяет уровень их экономической независимости, общественного благосостояния и национального суверенитета. По данным Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), более 80% всех заявок на патенты по прорывным направлениям географически сконцентрировано в США, Японии, Германии, Франции, Великобритании и Республике Корея [18]. Все это дает основание говорить, что институт интеллектуальной собственности в России не обеспечивает эффективности патентов, что особенно заметно в сравнении с США. Достижение эффективности патентов необходимо для развития национальной инновационной системы, и речь идет не о централизованном планировании сверху, а о стимулировании взаимных связей внутри саморазвивающейся системы.

Становление национальных инновационных систем связано с постепенным расширением состава участников, повышением их роли и усилением их взаимодействия на национальном, а впоследствии и международном уровне. Соответственно, предметом государственного регулирования становятся, в первую очередь, интересы участников инновационной деятельности и отношения между ними. Большинство авторов сходятся во мнении, что институты, регулирующие эти отношения, способны не только концентрировать политико-административные, социокультурные, информационно-коммуникационные и другие ресурсы, но также задавать скорость и направление инновационной активности, усиливать и изменять стимулы для создания новых технологий, канализировать и мультиплицировать экономические и социальные эффекты инноваций [13; 14]. В первую очередь,

это относится к институту интеллектуальной собственности, однако его экономическое и социальное значение в странах с разным уровнем развития существенно различается.

Система защиты прав интеллектуальной собственности — это только один из компонентов национальной инновационной системы, находящийся в сложном взаимодействии с другими факторами, включая макроэкономическую стабильность, открытость рынка, технологическую политику и развитие человеческого капитала. Патенты, по сути, создают рынок инноваций, т.е. способствуют конкурентоспособности инновационных продуктов и эффективному распределению ресурсов для инновационной деятельности. Однако ряд авторов ставят под сомнение это положение, особенно когда речь идет об экономических и социальных рисках в развивающихся странах.

Стимулируя инновации, защита интеллектуальной собственности одновременно может сдерживать их через монополизацию прав и отток ресурсов в имитацию технологий [11. Р. 472]. В условиях острой конкуренции развивающимся экономикам выгоднее иметь открытый доступ к патентам других стран и имитировать инновации, чем самим развивать локальные инновационные системы с помощью патентов, чья экономическая и социальная стоимость превышает оплату патентной ренты мультинациональным провайдерам товаров и услуг [7. Р. 10]. Решая, какую цену общество готово заплатить за участие в инновационной гонке, развивающиеся экономики вынуждены соотносить возможности и риски более высокого качественного уровня на определенном отрезке времени.

Иными словами, сочетание рыночной конкуренции, защиты прав интеллектуальной собственности и сильной социальной политики может быть более эффективным для развития инноваций, чем только патентная система.

Кроме того, существует мнение, что патентная система не так уж важна для роста экономики в целом [12. Р. 1031]. В последние годы отмечен настоящий бум патентов, особенно в сфере компьютерных программ и телекоммуникаций, прежде всего в Китае, Японии и Республике Корея, однако это не обеспечило высокие темпы роста экономике этих стран. Отсутствие корреляции между числом патентов, с одной стороны, и ростом инноваций и производства, с другой, — так называемая «патентная загадка» (patent puzzle) — характерна и для США. Большое число патентов характеризует скорее уровень развития рынка инноваций, чем эффективность экономики в целом.

Для стран, которые нацелены на интегрированную индустриальную политику, патенты остаются частью комплексной индустриальной политики. Но для развивающихся рынков патенты имеют значение, прежде всего, с точки зрения создания технологической основы и конкурентной экономики. Соответственно, современные системы защиты прав интеллектуальной собственности должны стать частью согласованного и широкого набора дополнительных политик, которые максимизируют потенциал права для повышения конкуренции. Такая политика включает в себя укрепление человеческого капитала и приобретение компетенций, содействие гибкости в организации предприятий, обеспечение высокой степени конкуренции на внутренних рынках и создание прозрачной конкуренции.

Таким образом, в литературе утвердилось мнение, что инновации встроены в широкую социально-экономическую систему, в которой институты, культура и экономическая политика помогают определить масштаб, направление и успех инновационной деятельности в целом [8. Р. 194]. Данный тезис особенно актуален для развивающихся экономик, которые в гонке за лидерами вынуждены создавать элементы национальной инновационной системы и выстраивать отношения между ними практически одновременно.

Эмпирической базой нашего исследования стали 90 интервью с российскими и американскими экспертами, проведенные в 2016—2018 годы. В качестве экспертов выступили: 1) руководители федеральных и региональных министерств и ведомств, отвечающих за инновационное развитие территории; 2) руководители и сотрудники патентных компаний, имеющие высокую квалификацию и большой опыт работы в государственных и частных структурах; 3) судьи по интеллектуальным правам; 4) руководители инновационных проектов и инжиниринговых центров; 5) руководители вузов. Данная выборка экспертов в полной мере репрезентирует участников инновационной деятельности, связанных с оформлением, регулированием и коммерциализацией патентов. В опросе приняли участие три американских юриста, специализирующихся в сфере защиты интеллектуальной собственности и продвижения российских стартап-проектов.

Опрос проводился по пяти проблемным блокам: 1) законодательные и нормативные акты, регулирующие процесс регистрации и выдачи патентов; 2) правоприменительная практика оформления и регулирования патентов, в том числе в международном сравнении; 3) глобальная конкуренция и влияние экономических санкций; 4) патентная активность участников инновационного процесса — вузов, бизнеса, производства; 5) коммерциализация патентов. Контент-анализ результатов интервью позволил выявить как устоявшиеся, так и противоречащие мнения по поводу состояния и перспектив законодательства и правоприменительной практики в области защиты интеллектуальных прав в России и США.

Так, основным источником прав в отношении интеллектуальной собственности в России является Конституция страны и четвертая часть Гражданского кодекса.

Статья 1356 Гражданского кодекса говорит, что право авторства неотчуждаемо и непередаваемо, в том числе при передаче другому лицу или переходе к нему исключительного права на изобретение, полезную модель или промышленный образец и при предоставлении другому лицу права его использования. Организационную основу системы защиты интеллектуальных прав образуют Роспатент, суд по интеллектуальным правам, институт патентных поверенных, участие в Договоре о патентной кооперации (РСТ), в Евразийской патентной конвенции (ЕРС) и других международных соглашениях. Россия в лице Роспатента активно сотрудничает с Всемирной организацией интеллектуальной собственности, Европейской патентной организацией, Всемирной торговой организацией и др. Как отмечают патентные поверенные из числа российских экспертов, российское патентное законодательство сегодня в высокой степени гармонизировано

с международным законодательством, а организационно-правовая структура института интеллектуальной собственности в целом выглядит сложившейся.

Однако влияние патентного права на развитие сферы инноваций незначительно: несмотря на то, что за последние годы изобретательская и патентная активность в России заметно выросла, она не обеспечивает технологическое лидерство в мировом масштабе. Эксперты отмечают, что около 60% заявок на патенты в России исходят от иностранных заявителей, а в области фармацевтики — около 90%. В 2013 году число российских заявок, поданных по системе РСТ, было в 50 раз меньше, чем количество заявок, поданных заявителями из США. Негативное влияние оказал и экономический кризис 2014—2016 годов: если с 2009 по 2013 годы количество российских заявок последовательно возрастало, то с 2013 по 2015 годы — уменьшилось на 20% [3].

Одной из причин низкой изобретательской активности в России является рассогласованность государственных мер по ее стимулированию. С одной стороны, затраты федерального бюджета на исследования и разработки росли — с 847,5 млрд руб. в 2014 году до 943,8 млрд в 2016 году, оставаясь на уровне 1,1% ВВП [4. С. 469]. С другой стороны, продвижение разработок в производство и на рынок инновационных товаров и услуг в условиях глобальной конкуренции оказалось невозможным исключительно за счет увеличения государственных расходов. Конечно, в мировой практике финансирования НИОКР есть примеры значительного преобладания государства над бизнесом, например, в Израиле, Республике Корея, Швейцарии, скандинавских странах, занимающие сегодня верхние строчки в глобальном рейтинге инноваций, но объем расходов в этих странах составляет не менее 3% ВВП [17].

Для России, в отношении которой ведущие западные страны в апреле 2018 года ужесточили экономические и политические санкции, увеличение государственных расходов выглядит маловероятным. В данных условиях важным становится согласование интересов участников инновационного процесса — включение НИОКР в цепочку последовательных и целенаправленных шагов, каждый из которых вносит вклад в капитализацию интеллектуальной собственности.

В данном контексте защита и стимулирование инвестиций в инновации на всех этапах — от разработки до производства — является отличительной особенностью законодательства об интеллектуальной собственности в США, где существует три основных источника как правил для патентов, так и любых судебных разбирательств по патентным нарушениям. Во-первых, это раздел 35 Кодекса Соединенных Штатов, который регулирует патенты. Во-вторых, раздел 37 Кодекса федеральных правил с полномочиями, вытекающими из раздела 35 Кодекса США. Наконец, Руководство по процедуре патентного рассмотрения, которое включает в себя все те же правила и положения, что и Кодекс США, и Кодекс федеральных правил, но было составлено Патентной службой США как единый источник патентных правил для патентных экспертов и патентных юристов. При этом особое внимание уделяется защите еще не завершенных изобретений, чтобы идеи не могли быть скопированы, пока владелец патента улучшает их. Даже там, где

федеральное правительство оказало некоторую финансовую поддержку изобретениям, частные лица все же могут получить определенную долю собственности.

Одним из механизмов защиты только что сделанных открытий при продолжающейся работе над усовершенствованием изобретений являются предварительные патенты, предусмотренные в законодательстве США с 1995 года. С одной стороны, они дают американским заявителям возможность менее дорогостоящей первоначальной подачи патента в США, с другой стороны, предоставляют паритет по отношению к иностранным заявителям в соответствии с Генеральным соглашением по тарифам и торговле Уругвайского раунда 1994 года. Хотя конституционность некоторых его положений была впоследствии оспорена, Верховный суд США поддержал весь акт, включая оспариваемые положения.

В соответствии с параграфом 111 части 35 Кодекса США предварительный патент дается на один год и требует только общего описания и чертежа изобретения, когда это необходимо. Данный тип патента не требует патентной претензии (самой юридически сложной части патентного обращения), присяги или декларации (другие разветвленные части технологической документации), т.е. тех частей патентной документации, которые невероятно сложно описать в начале инновационного проекта. Предварительные патенты позволяют патентообладателю и дальше разрабатывать проект, вкладывать дополнительный капитал и оценивать спрос, имея абсолютную уверенность в непоколебимости правообладания на продукт.

Заявки на предварительные патенты обычно рассматриваются и одобряются быстрее, чем другие заявки. Поэтому институт предварительных патентов незаменим в период, когда изобретателю необходимы немедленные краткосрочные правовые гарантии целесообразности дальнейшей работы над разрабатываемым продуктом и когда окончательный вариант продукта для долгосрочного патента еще не определен.

В России среднее время выдачи патента — около 1,5—2 года, примерно столько же, сколько в Европе, но каждое дополнительное согласование удлинит сроки примерно на два месяца. Как отмечают эксперты, сегодня число изобретателей, заинтересованных в ускоренной подаче заявки, растет, особенно когда речь идет о коммерческой необходимости. Но такая практика является скорее исключением и реализуется через решение главы Роспатента. Мнения экспертов относительно введения предварительной заявки разделились примерно поровну: одни заявили о такой необходимости, другие считают, что существующее законодательство позволяет решать все вопросы, связанные с предварительной заявкой.

Различие во взглядах объясняется тем, что в России сложилась достаточно противоречивая правоприменительная практика, когда даже наличие патента не всегда защищает изобретение. В качестве примера можно привести малое предприятие «Нефть XXI век» из города Альметьевска (Татарстан), использующее инновационную технологию кратковременной эксплуатации нефтяных скважин (КЭС) [2]. В настоящее время технология охраняется патентами России, США и Канады, однако патентование не смогло гарантировать защиту интеллектуаль-

ных прав. Часто разработчики не видят смысла отстаивать свои права, в том числе в Суде по интеллектуальным правам, который начал действовать в России с 2013 года, поскольку выиграть суд у нефтегазовых гигантов, особенно у госкомпаний (Газпром, Роснефть и др.), малому предприятию не под силу. Данный пример показывает, что деятельность изобретателей и разработчиков, рассчитывающих только на силу патента, не всегда успешна.

В то же время есть и положительные примеры соблюдения интересов участников инновационной деятельности. Например, компания «Антел-нефть», резидент технопарка Сколково, разработала уникальную технологию «Общая рассеивающая точка», лицензию и ноу-хау на которую приобрела нефтяная корпорация «Shell». Технология была разработана при поддержке гранта Минобрнауки на проведение НИОКР по Федеральной целевой программе «Исследования и разработки по приоритетным направлениям развития научно-технологического комплекса России на 2007—2012 годы». В качестве соисполнителей государственного контракта выступили Югорский НИИ информационных технологий и Конструкторско-технологический институт вычислительной техники Сибирского отделения РАН. Это, безусловно, положительный пример сотрудничества научно-исследовательских институтов, предприятия реального сектора экономики и инновационного центра при поддержке государства.

Приведенные примеры показывают отсутствие в России единого правового поля инноваций. Кроме того, сказываются низкая грамотность в сфере защиты интеллектуальной собственности, отсутствие культуры ведения бизнеса и достаточной судебной практики. Как отмечают эксперты, не более 30% патенто-заявителей хорошо знают процедуру патентования — отсюда распространенная практика внесудебного соглашения или досудебного урегулирования споров. Показательно, что число исковых заявлений в суд по интеллектуальным правам после некоторого роста стало снижаться: в 2013 году — 454, в 2014 — 998, а в 2015 — 773 [5].

В данном контексте актуальны усилия государства по улучшению качества юридических и патентных услуг, развитию кооперации и конкуренции, поддержке общественной и бизнес-репутации инновационных программ. Пока же управление правами на результаты в сфере исследований и разработок находится на низком уровне.

Как ни парадоксально, по мнению российских экспертов, в стране мало тех, кому действительно нужны патенты. В известной степени это следствие сложившейся в Советском Союзе культуры защиты интеллектуальных прав. Сегодня всего 2—3% патентов оформляются для реального использования: в стране много изобретателей, которые *«что-то придумывают и хотят на этом зарабатывать, патентуют, но уже через три года им не интересно этот патент даже в силе поддерживать»*. По мнению экспертов, в стране нет системы коммерциализации ни на отраслевом, ни на государственном уровне: *«очень часто нет никакой взаимосвязи разработчика с организациями, которые работают в данной отрасли»*. В итоге как *«разработчики не понимают запросов рынка и не имеют*

ресурсов для коммерческого продвижения инноваций, так и производителям бывает легче украсть или переделать технологию».

По мнению американских экспертов, для США актуальна другая задача — нахождение баланса между стимулированием инноваций путем защиты дорогостоящего исследовательского процесса и сохранением здоровой конкуренции, необходимой для стратегического долгосрочного развития научных проектов. *«Патентное право обеспечивает определенную степень защиты инноваций в науке и технике, однако слишком много правовых гарантий могут привести к обратному эффекту, к созданию монополий и ограничению вступления на рынок новых изобретателей. Здоровая же конкуренция стимулирует дальнейшие инновации, поэтому определенные стандарты и требования были изложены в отношении патентоспособности изобретения».*

Однако есть области, где США в последние годы расширили патентную защиту. Так, научные исследования и разработки, финансируемые на федеральном уровне, но проводимые в частном порядке, получают защиту в соответствии с Актом о патентных процедурах университета и малого бизнеса 1980 года — Актом Бэя-Доула (*Bayh-Dole Act*). До принятия этого закона исследователи, получившие федеральное финансирование, обязаны были передавать изобретения, созданные с помощью этого финансирования, федеральному правительству. Теперь же закон обеспечивает больший доступ к правам собственности подрядчикам, которые создали изобретения, а федеральное правительство сохраняет бесплатное право использования изобретения в виде государственной лицензии.

Основная цель Акта Бэя-Доула — регулирование отношений малого бизнеса и некоммерческих грантополучателей с федеральным правительством, а не между грантополучателями и изобретателями, которые на них работают. Принятие Акта сыграло положительную роль в стимулировании инноваций, хотя, конечно, не было единственным фактором последующего патентного бума (доля патентов, полученных университетами США, увеличилась с 0,3% в 1963 году до 4% в 1999) [16]. В течение 1996—2013 годов лицензии на патенты способствовали росту промышленности США с 282 млн до 1,18 млрд долл., ВВП — со 130 до 518 млрд, числа рабочих мест — с 1,1 до 3,8 млн [15. P. 3].

Особенно впечатляющим в этот период стало развитие биотехнологии как отрасли экономики.

До 1980 года биотехнология существовала в основном как академическое исследовательское направление, но уже в 2009 году продажи биотехнологической продукции составили 2,5% ВВП США. По меньшей мере, 50% нынешних биотехнологических компаний возникли на основе лицензий, полученных университетами, 76% компаний имеют как минимум одну лицензию от университета. Биотехнология стала одной из наиболее интенсивно развивающихся отраслей экономики в плане исследований и разработок, затраты на которые составляют 40—50%, тогда как в химической промышленности — 5%, фармацевтике — 13% [6]. Именно здесь важно патентование результатов дорогостоящих исследований, в финансировании которых активно участвуют частные компании. В целом зако-

нодательство США в области интеллектуальной собственности делает инновационный процесс прибыльным и, в перспективе, привлекательным для частного бизнеса, причем не только внутри страны, но и за рубежом.

Российская практика также подтверждает, что исследования и разработки могут быть прибыльной сферой даже в условиях сравнительно низкого уровня развития рынка и бизнеса. Более того, именно рост инновационной активности способствует институционализации инноваций в системе социальных, экономических и правовых отношений. Однако защита интеллектуальной собственности пока воспринимается преимущественно как ответственность государства и в меньшей степени как ответственность изобретателей, разработчиков, инвесторов. Тем не менее, государство стремится переориентировать поведение участников инновационного процесса на взаимовыгодное сотрудничество, что заметно как по содержанию правовых и нормативных документов, так и по растущему числу разных форм кооперации и партнерства.

Проблемы правоприменения в сфере защиты интеллектуальной собственности в значительной степени обусловлены начальной стадией развития рынка инноваций в России. Субъектам инновационной деятельности трудно соотнести свои интересы, ресурсы и риски в долгосрочной перспективе и выстроить всю цепочку действий — от зарождения идеи до получения прибыли.

Например, как считают некоторые российские эксперты, с точки зрения коммерческой целесообразности государственным научным организациям не имеет смысла получать патенты, потому что их имущество им не принадлежит, они его имеют в операционном управлении или в хозяйственном ведении. Если они получают в качестве имущества патент, то распорядиться им с коммерческой целью не могут. Часто получение патента является условием получения государственного гранта и служит скорее частью формальной отчетности, чем закреплением прав на инновационный продукт.

В сложившихся условиях следует четко обозначать приоритеты участников инновационной деятельности в сфере патентования. Одни эксперты считают, что для российской экономики важно создавать прорывные продукты, преимущество которых заключается в том, чтобы быть «лучшими в классе», — такое опережение в качестве технологий и улавливании будущих запросов потребителя, а не патенты, позволят гарантировать коммерческий успех на годы вперед. Другие эксперты считают, что патенты важны для успешной конкуренции на зарубежных рынках, а не внутри страны, где востребованность инноваций невысока, а правоприменение находится на низком уровне.

Но все-таки большинство экспертов уверены, что патенты — необходимое условие научно-технического прогресса, и отказ от них приведет Россию к окончательному отставанию от развитых стран. Все эксперты признают временное измерение патента, которое учитывается в разработке, производстве и коммерциализации инновационного продукта. Различие же точек зрения экспертов отражает специфику текущей ситуации, когда одновременно приходится решать разные задачи: повышать качество экономики внутри страны, укреплять международные позиции и закладывать основы развития страны на годы вперед.

Таким образом, Россия, как и другие страны, сегодня оказалась перед вызовами экономики будущего, хотя содержание этих вызовов различно: США являются лидером инновационного развития, в то время как Россия пытается преодолеть сырьевую зависимость и заложить основы технологической модернизации экономики; в России преобладают методы государственного стимулирования инноваций, в отличие от США, где успешно работают как государственные, так и рыночные методы поддержки, открывающие доступ к инновациям со стороны других секторов экономики.

Система права интеллектуальной собственности в США поощряет и облегчает развитие науки и технологий на базовом уровне, защищая инвестиции частных лиц и предприятий с момента разработок инноваций до конечного коммерческого успеха, — в России институт интеллектуальной собственности довольно статичен и индифферентен по отношению к экономическим и социальным эффектам инноваций, мало способствует продвижению и капитализации новых технологий. Между тем данный институт потенциально регулирует гораздо более широкий круг взаимоотношений — от инвесторов и разработчиков до массового потребителя, интересы и поведение которых находятся в постоянной динамике и сложной взаимосвязи. Защита прав интеллектуальной собственности в сочетании с поддержкой рыночной конкуренции и развитием рынка инновационных товаров и услуг может стать ключевым фактором успешного инновационного развития России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- [1] *Зинов В., Куракова Н., Черченко О.* Проблема выбора индикаторов, отражающих долю наукоемкой продукции на глобальном рынке // *Экономика науки*. 2016. № 2 / *Zinov V., Kurakova N., Cherchenko O.* Problema vybora indikatorov, otrazhayushchikh dolyu naukoemkoy produktsii na globalnom rynke [The problem of selecting indicators that reflect the share of science-intensive products in the global market]. *Ekonomika Nauki*. 2016; 2 (In Russ.).
- [2] *Кузьмичев Н.* Отдам КЭС в хорошие руки // *Нефтегазовая вертикаль*. 2015. № 7 / *Kuzmichev N.* Otdam KES v khoroshie ruki [Will give SWO in good hands]. *Neftegazovaya Vertikal*. 2015; 7 (In Russ.).
- [3] Роспатент. Годовой отчет — 2015 / *Godovoy otchet—2015* [Annual Report—2015]. <http://www.rupto.ru/about/reports/2015/Rospatent> (In Russ.).
- [4] Российский статистический ежегодник. М.: Росстат, 2017 / *Rossiyskiy statisticheskiy ezhegodnik* [Russian Statistical Yearbook]. Moscow: Rosstat; 2017 (In Russ.).
- [5] Суд по интеллектуальным правам Российской Федерации / *Sud po intellektualnym pravam Rossiyskoy Federatsii* [Intellectual Property Court of the Russian Federation]. <http://ipc.arbitr.ru/node/13545> (In Russ.).
- [6] *Burrone E.* Patents at the core: the biotech business. http://www.wipo.int/sme/en/documents/patents_biotech_fulltext.html.
- [7] *Emerging Markets and the World Patent Order.* F.M. Abbott, C.M. Correa, P. Drahos (Eds.). Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2013.
- [8] *Freeman C.* Continental, national and sub-national innovation systems — complementarity and economic growth. *Research Policy*. 2002. Vol. 31. No. 2.

- [9] Global Innovation Index: The Local Dynamics of Innovation. Geneva: WIPO; 2013.
- [10] Global Innovation Index: Winning with Global Innovation. Geneva: WIPO; 2016.
- [11] *Maskus K.E.* Intellectual property rights and economic development. *Case Western Reserve Journal of International Law*. 2000. Vol. 32. No. 3.
- [12] *Moir H.V.J.* Patent Policy and Innovation: Do Legal Rules Deliver Effective Economic? Cheltenham: Edward Elgar Publishing; 2003.
- [13] National Innovation Systems: A Comparative Analysis. R. Nelson (Ed.). Oxford: Oxford University Press; 1993.
- [14] National Systems of Innovation: Towards a Theory of Innovation and Interactive Learning. B.-A. Lundvall (Ed.). London: Anthem Press; 2010.
- [15] *Pressman L. et al.* The Economic Contribution of University. Nonprofit Inventions in the United States: 1996—2013. https://www.bio.org/sites/default/files/files/BIO_2015_Update_of_I-O_Eco_Imp.pdf.
- [16] *Sampat B.M.* Patenting and US academic research in the 20th century: The world before and after Bayh-Dole. *Research Policy*. 2006. No. 35.
- [17] UNESCO Institute for Statistic. Science, technology and innovation — 2015. http://data.uis.unesco.org/Index.aspx?DataSetCode=SCN_DS&lang=en.
- [18] World Intellectual Property Report. http://www.wipo.int/edocs/pubdocs/en/wipo_pub_944_2015.pdf.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-668-679

INSTITUTIONS AND PRACTICES FOR INNOVATION INCENTIVES: EXPERTS' OPINION*

G.A. Kliucharev¹, M.V. Arsentiev², I.N. Trofimova¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

²Ileks Law Firm (Washington, USA)
(e-mail: kliucharev@mail.ru; mikhail@ilexlaw.com; itnmv@mail.ru)

Abstract. The relevance of the study is determined by the Russia's technological backwardness from developed and dynamically developing countries and by insufficient knowledge of mechanisms and tools to stimulate innovations in a particular social-economic environment. The authors focus on the issues of patents regulation as a key link in the transfer of innovations from science to production. The article aims at identifying features of stimulating innovation through the regulation of patent laws and practices in Russia and the United States, and possibilities of using the US experience to enhance inventive activity in Russia. The main research method was a survey of the experts representing main participants of all types of innovation activities — from design to regulation and commercialization. The theoretical base of the research consists of conceptual findings on the issues of intellectual property as a key mechanism

* © G.A. Kliucharev, M.V. Arsentiev, I.N. Trofimova, 2018.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 16-18-1042016-18-10420.
The article was submitted on 12.07.2018.

of regulating innovative modernization. The authors also considered official documents reflecting trends in the development of patent law and practices. The intellectual property institution in today's Russia does not ensure effectiveness of patents due to inconsistency of the state and market mechanisms for stimulating innovations. In the US, the emphasis is made on the balance between protection of property and market competition under the global technological trends. Thus, the effective innovative policy is based not on directive management and planning but on stimulating the interaction of all participants of innovation activities, which gives them the opportunity to realize their interests and opportunities both now and in the future. According to the experts, such an approach can ensure the advancement of innovations from development to commercial use, interconnection of economic sectors and, ultimately, technological modernization of the country.

Key words: intellectual property; innovation policy; patent policy; inventive activity; patent activity; Russia; USA

МАССОВЫЕ ОПРОСЫ, ЭКСПЕРИМЕНТЫ, КЕЙС-СТАДИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-680-694

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ В СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ НАСЕЛЕНИЯ: РОССИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ*

Л.А. Беляева

Институт философии РАН
ул. Гончарная, 12-1, Москва, Россия, 109240
(e-mail: bela46@mail.ru)

Несмотря на популярность междисциплинарных оценок социального самочувствия и качества жизни населения разных стран, ни в национальных, ни в международных сопоставительных проектах пока не выработано единого подхода к оценке качества жизни. Существует множество методик, различающихся объемом используемой информации, способами ее обработки и анализа, детализацией исследуемых проблем, подходами к их измерению. В социологических исследованиях качества жизни продолжается поиск оптимального сочетания объективных показателей социально-экономического развития стран и субъективных оценок жизни населением. Более того, нередко при сопоставлении объективных и субъективных показателей рейтинги стран не совпадают, даже если их динамика близка. В статье обосновывается новый подход к анализу и измерению качества жизни, учитывающий не только условия физического существования человека, его социальное окружение, самочувствие и безопасность, но и экзистенциальное содержание качества жизни: возможности для личностного развития, творчества, свободы выбора жизненного пути и образа жизни. На основе данных Европейского социального исследования в 2016 и 2012 годы автором проведен сравнительный анализ субъективного качества жизни населения России и других европейских стран. Предложена методика расчета композитного индекса, включающего 24 показателя, в котором 11 показателей характеризуют именно экзистенциальное содержание качества жизни. Сравнение России и европейских стран показало, что субъективное качество жизни российского населения ниже, чем в других странах Европы, поскольку до сих пор находится под воздействием длительной социальной трансформации, несправедливого распределения собственности и доходов, глубокой материальной и социально-экономической дифференциации. Социальная травма имела серьезные последствия в сфере выстраивания идентичностей и социальных связей, формирования лояльности, навыков мышления и мотивации поступков, сопровождается значительным социально-психологическим напряжением и низкими оценками большинства параметров качества жизни.

Ключевые слова: субъективное качество жизни; благосостояние; социальная среда; самочувствие; безопасность; самореализация; экзистенциальный выбор

* © Беляева Л.А., 2018.

Статья поступила в редакцию 22.05.2018 г.

Для социального государства забота о качестве жизни населения составляет едва ли не первейшую задачу. Независимо от развитости страны, ее экономического веса в мире, принадлежности к странам западной демократии или постсоциалистическим, вопросы справедливости, забота о слабых группах признаются важнейшей функцией государства. Большинство жителей Европы считает, что государство должно обеспечивать достойную жизнь людям в старости и безработным и помогать в уходе за детьми работающих родителей; справедливым считается общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики — эти утверждения основаны на данных опроса населения европейских стран, в том числе России, проведенного в 2016 году (1). Такое единодушие в оценках роли государства наводит на мысль сравнить Россию и страны Европы по качеству жизни населения, чтобы увидеть те проблемы развития, которые поставят перед социальным государством в России новые задачи. В этой связи нельзя не согласиться с Н.И. Лапиным, что «в настоящее время социально развитое государство — это активный субъект развития общества, прежде всего его человеческого капитала, экономики, политической стабильности» [5. С. 29].

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Сравнение России со странами мира и Европы является заметным трендом в современных исследованиях политологов, экономистов, социологов, а также междисциплинарных коллективов. Активно проводятся исследования при поддержке таких международных организаций, как ООН, Юнеско, Всемирный банк, многими ведущими зарубежными организациями, в том числе университетами. Среди этих исследований выделяются те, что посвящены качеству жизни населения разных стран, характеристике и сравнению их уровня экономического и социального развития. Сегодня именно качество жизни стало той лакмусовой «бумажкой», по которым все чаще оценивается уровень развития страны, отводя на второй план такие «испытанные» и привычные показатели, как рост экономики, валовый национальный продукт и его модификация — ВВП на душу населения. Фокус внимания все чаще переносится с экономических показателей на возможности человеческого развития в тех условиях, которые существуют в той или иной стране. С этой целью стали активно разрабатываться методики оценки качества жизни, чтобы оценивать не только экономический прогресс, косвенно влияющий на качество жизни, но и те непосредственные характеристики, которые относятся к улучшению благосостояния и расширению возможностей для развития человека.

При всем многообразии современных подходов к измерению качества жизни, которые будут рассмотрены ниже, один важный аспект не получил в них достаточного освещения — это те характеристики качественной жизни, которые можно определить как наличие пространства для личностного развития, творчества, свободы в выборе жизненного пути и образа жизни и которые различают людей по степени их самореализации, личностного развития, самоуважения и уважения со стороны других.

Для современных оценок качества жизни необходим учет таких параметров, которые в своем сочетании характеризуют 1) условия физического существования человека, 2) его социальное окружение и самочувствие и 3) наличие условий для самореализации, свободы выбора поведения в личном и общественном пространстве. Последний параметр в наибольшей степени близок к социально-философской интерпретации качества жизни. Она имеет давнюю историю и детерминирована мировоззренческими установками в объяснении мира, его происхождения и развития [9. С. 154—157]. Так, философы-экзистенциалисты видели в экзистенции постоянную основу бытия, того, что делает человека человеком, переживается им здесь и сейчас как актуальное, живое состояние во всей его конкретности.

Экзистенция не сводится ни к каким объективациям и продуктам жизнедеятельности, это постоянная открытость любым возможностям, переживание себя как существующего [4. С. 13].

Социологическая операционализация экзистенциальных аспектов качества жизни возможна по широкому спектру показателей, которые формируются при разработке программы исследования и должны отражать степень осознания человеком свободы выбора своего поведения и решений, а также ответственности в контексте практической деятельности, а не отвлеченных представлений о несуществующих и неактуальных обстоятельствах.

Субъективные оценки качества жизни связываются некоторыми специалистами с ценностными установками человека и даже рассматриваются за рамками обычного понимания этого феномена — оцениваются на уровне подвига, когда высшим качеством обладает жизнь гения, мастера в своем деле, достигшего вершин своей деятельности, или того, кто нравственным или интеллектуальным поступком или усилием превзошел необходимость или несвободу [2. С. 94—110]. Это интересный подход к определению качества жизни, но он затрудняет операционализацию и измерение качества жизни социологическими методами и вступает в противоречие со сложившимся в науке его пониманием как комплексной характеристики условий жизнедеятельности населения, которая выражается в объективных показателях и субъективных оценках удовлетворения материальных, социальных и культурных потребностей и связана с восприятием людьми своего положения в зависимости от культурных особенностей, системы ценностей и социальных стандартов [3. С. 33—42].

Предлагаемая в статье социологическая оценка субъективного качества жизни корреспондирует с психологическим пониманием этого феномена, который иногда называется психологами «экзистенциальной исполненностью». Это понятие отражает оценку человеком качества своей жизни, соответствия того, что он делает, собственным установкам и системе ценностей. Оно было предложено В. Франклом как обозначение переживания человеком своего жизненного пути, его осмысления согласно тому, что он считает своей сущностью [7]. Критерии экзистенциальной исполненности таковы: духовность, ответственность, свобода, наличие системы ценностей (творчества, переживания, отношения), смысл, миссия, выбранная как в можно более раннем возрасте. В отличие от психологии социологическое изме-

рение субъективного качества жизни предусматривает анализ оценок не только собственного мироощущения человека, но и его отношения к материальным и социальным аспектам своего существования.

Разработка и использование в исследовании комплекса параметров качества жизни является необходимой данью современному гуманистическому подходу к экономическому развитию, когда не только объем материального продукта характеризует возможности повышения качества жизни и социальное благополучие, но и личностное развитие человека. Поскольку именно этот аспект сегодня менее изучен в социологии качества жизни, особенно в сравнительном международном аспекте, важно дополнить ранее разработанную методику [3. С. 33—42] новыми показателями, которые можно интерпретировать как свидетельство относительной свободы от внешнего принуждения, обеспечивающего пространство для творчества и саморазвития (2). В актуальности изучения этого аспекта качества жизни убеждают международные и национальные исследования, в которых ему не уделяется достаточно внимания.

ОЦЕНКА КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТАХ

Ни в национальных, ни в международных сравнительных исследованиях пока не выработано единого подхода к оценке качества жизни. Существует несколько методик, различающихся объемом используемой информации, детализацией исследуемых проблем, подходами к их измерению. В межстрановых проектах используются сопоставимые статистические показатели и единые методики опросов населения разных стран, которые координируются и контролируются тем или иным научным центром. Вот только некоторые широко известные международные исследования, по результатам которых формируются рейтинги стран по качеству жизни населения: исследование ООН «Индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП)» — наиболее известное и авторитетное исследование (3); международный исследовательский проект «The Social Progress Imperative», который формирует рейтинг стран по уровню социального благополучия и прогресса (4); Индекс благосостояния «Legatum Prosperity Index» (5). Эти и другие проекты разрабатываются для сравнения стран и фокусируют внимание общества и политиков на тех проблемах, которые в отдельной стране решены лучше или хуже, чем в других. Места конкретных стран в этих рейтингах не совпадают, хотя можно говорить о безоговорочном занятии первых мест наиболее экономически развитыми странами, когда учитываются экономические показатели, но экономически наиболее мощная страна мира — США — не находится на первом месте в рейтингах. Современная оценка развитости страны по комплексным показателям качества жизни выдвигает на первые места другие страны: например, в 2017 году Индекс социального прогресса вывел на первые места такие страны, как Данию, Финляндию, Исландию, Норвегию и Швейцарию, а США оказались только на 18 месте.

В исследованиях качества жизни продолжается поиск оптимального сочетания объективных показателей социально-экономического развития страны и субъек-

ективных оценок жизни населением. При сопоставлении объективных и субъективных показателей рейтинги стран могут не совпадать, но их динамика, как правило, близка, хотя имеются и исключения. Например, при учете только субъективной удовлетворенности жизнью на первые места в мире выходят не богатые страны. Так, в Бутане четвертый король этой страны Джигме Сингье Вангчук в 1972 году предложил использовать в качестве неофициальной государственной философии понятие «валовое национальное счастье». В статье 9 Конституции Бутана ставится цель достижения валового национального счастья. Король провозгласил развитие экономики, соответствующей буддийским духовным ценностям и уникальной культуре страны. И хотя экономическое развитие и условия жизни, на взгляд развитых стран, в Бутане на низком уровне, изолированность страны от внешнего мира, особенности национального менталитета, в основе которого лежит буддизм, ставящий духовное на первое место по сравнению с материальным, обеспечивают высокий уровень удовлетворенности населения своей жизнью. Предложенное королем Бутана измерение качества жизни через индекс национального счастья было поддержано Фондом новой экономики (Великобритания) и впервые использовано в международном исследовании в 2006 году. Теперь готовятся ежегодные доклады о Всемирном счастье, в которых участвуют до 150 стран мира. Не случайно во многих странах счастье стало ведущей концепцией государственной политики. При расчете международного индекса счастья используются три показателя: субъективная удовлетворенность жизнью, ожидаемая продолжительность жизни и «экологический след» — размер территории, которая необходима для производства необходимых экологических ресурсов и утилизации отходов. Первые места в рейтинге счастья в 2016 году среди 140 стран занимали Коста-Рика, Мексика, Колумбия, Вануату и Вьетнам, ближе к концу списка стояли США (108 место) и Россия (116), развитые западные страны располагались во второй половине рейтинга, за исключением Израиля (54 место).

Другой рейтинг стран по уровню счастья начал составляться с 2012 года под эгидой ООН на основе данных Института Гэллапа. При составлении рейтинга учитываются такие показатели благополучия, как уровень ВВП на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни, наличие гражданских свобод, чувство безопасности и уверенности в завтрашнем дне, стабильность семей, гарантии занятости, уровень коррупции, а также косвенные показатели состояния общества — уровень доверия, великодушие и щедрость. Также значительную часть исследования составляют результаты опросов общественного мнения жителей разных стран о том, насколько счастливыми они себя чувствуют. По данным за 2017 год, первые места с очень близкими показателями занимали Норвегия, Дания, Исландия и Швейцария, Россия была на 49 месте, США — на 14, Бутан с низким доходом на душу населения — 97 место.

Отмечу условность термина «счастье» в подобных исследованиях. По мнению психолога М. Аргайла, счастье — это умственное или эмоциональное состояние благополучия, которое может определяться, среди прочего, положительными или

приятными эмоциями, начиная от удовлетворения до сильной радости. Счастье — производное от человеческого опыта, оно состоит из трех отчасти независимых факторов: удовлетворенности жизнью, наличия положительных эмоций и отсутствия отрицательных эмоций, но счастье не есть полная противоположность несчастью [1].

Рассмотренные выше показатели качества жизни позволяют сравнить страны мира или отдельных регионов по композитным индексам. Во многих странах разрабатываются свои показатели качества жизни для целей внутренней политики и неправительственных организаций, они демонстрируют, какие сферы социальной жизни тормозят рост качества жизни, а благодаря каким оно растет — сопоставление этих данных дает возможность разработать и принять соответствующие меры. Яркий пример такого типа национальных комплексных показателей — индекс качества жизни канадцев: в нем представлена достоверная, регулярно обновляемая информация в основном статистического характера. Индекс составлен из 64 показателей, представляющих восемь взаимосвязанных областей: социальные связи в сообществах, демократическое участие, образование, окружающая среда, здоровье, досуг и культура, уровень жизни и использование времени. Показатели каждой области за определенный период позволяют оценить динамику ее развития и зависимость от проводимой политики и изменений в законодательстве, а в итоге их влияние на благополучие и качество жизни населения. Например, положительная динамика общего индекса и его составляющих за 1994—2014 годы показала, что ухудшилось соотношение времени работы и досуга по оценкам населения и что эти показатели имеют худшую динамику по сравнению с другими областями [14].

В России в последние годы составляется несколько рейтингов качества жизни как по субъективным оценкам населения, так и по официальным данным. Наиболее разработанной является методика агентства «РИА Рейтинг», которое в 2017 году подготовило шестой по счету рейтинг регионов России по качеству жизни населения. В методику включено 72 показателя по 11 сферам жизнедеятельности общества. Все показатели фиксируют фактическое состояние тех или иных аспектов и условий жизни в соответствии с данными Росстата, Минздрава, Минфина, ЦБ России, других официальных органов. Используется также информация на сайтах региональных органов власти и других открытых источников. Субъективные характеристики качества жизни в этом рейтинге не используются.

Только субъективные оценки качества жизни россиян представлены в исследовании, которое в 2017 году в четвертый раз было проведено в рамках проекта «Байер Барометр». Респондентам было предложено по пятибалльной шкале оценить значимость для них отдельных составляющих качества жизни и определить, насколько лично они довольны каждой из них. Оказалось, что здоровье — наиболее значимый фактор высокого качества жизни, на следующих местах расположились безопасность, экология, качество и доступность продуктов питания, стабильный заработок. В оценке удовлетворенности теми или иными сторонами жизни наиболее низкую оценку получила удовлетворенность доступностью медицинской помощи (3,10 из 5 баллов), развитость коммунальной инфраструктуры (3,24),

экология (3,28) и стабильность дохода (3,36). Весьма показательно, что признание здоровья наиболее значимым фактором качества жизни сопровождается низкими оценками работы системы здравоохранения, что подтверждается и исследованиями в России.

СУБЪЕКТИВНОЕ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕРЕНИЯ

Почти каждое комплексное международное исследование имеет группу показателей, которые могут быть использованы в анализе качества жизни. К таким исследованиям, безусловно, относится Европейское социальное исследование (ESS), которое предоставляет уникальную возможность сравнить страны Европы по многим позициям, а в рамках интересующей нас темы составить композитный индекс качества жизни, включающий не только оценку материальных и социальных условий жизни, но и показатели индивидуальных возможностей реализации свободы выбора и саморазвития в отдельных сферах жизнедеятельности (6). Для сравнения качества жизни в России и других европейских странах были использованы 24 вопроса — большинство представлены в анкете 2016 года, несколько показателей — из анкеты 2012 года. В совокупности они отражают четыре аспекта качества жизни: 1) уровень (благополучие), 2) качество социальной среды, 3) социальное самочувствие и безопасность, 4) наличие возможностей для свободы выбора и самореализации. По каждой группе был рассчитан общий индекс, синтезирующий несколько показателей, затем четыре общих индекса были объединены в композитный индекс качества жизни.

Особенностью исследования 2016 года, давшего основной массив эмпирической информации, является включение в него в основном наиболее экономически развитых стран Европы, а из стран бывшего социалистического лагеря — наиболее успешно прошедших переход к рыночной экономике: Эстония, Польша, Словения, Чехия. В связи с неполнотой опубликованной информации не были включены в анализ страны, которые участвовали в исследованиях других лет: Венгрия, Словения, Литва, Болгария, Косово, Украина, Греция, Хорватия, Румыния, Турция, Португалия. На таком международном фоне показатели России в сравнении с другими европейскими странами выглядят не слишком хорошо. Но если говорить о векторе развития России, то ориентация на более развитые страны представляется предпочтительной, а сравнительное исследование качества жизни может показать неиспользованные возможности для его повышения.

Общий индекс *уровня жизни (благополучие)* включает в себя: уровень дохода, оценки системы здравоохранения и образования, оценки состояния здоровья и трудностей, возникающих из-за состояния здоровья. Такое внимание к проблемам здравоохранения и здоровья связано с тем, что эти характеристики выдвигаются на первое место в оценке качества жизни. Общий индекс *качества социальной среды* включает в себя: уровень межличностного доверия, доверие социальным институтам, доверие политикам и партиям, удовлетворенность демократией в стране. Общий индекс *социального самочувствия и безопасности* жизни объединяет удовлетворенность жизнью в целом, оценку личной дискриминации, наличие по отношению к респонденту и его семье случаев насилия или

грабежа за последние пять лет, оценку безопасности в районе, где живет респондент. Наконец, общий индекс *возможностей для свободы выбора и самореализации* включает в себя 11 показателей, которые отражают: 1) интенсивность личного общения, наличие близких друзей, которые ценят респондента; 2) самооценку деятельности; 3) участие в организации своей производственной деятельности и работы организации; 4) оптимизм, способность планировать свою жизнь и будущее.

Рассмотрим последовательно все четыре аспекта качества жизни населения России в сравнении с европейскими странами. При оценке уровня дохода в каждой стране объединялись две группы — те, кто живет на свой доход, не испытывая материальных затруднений, и те, кому этого дохода хватает. Общая численность таких респондентов делилась на 10 и оценивалась в баллах. Например, в России в эту объединенную группу попали 47% опрошенных, соответственно этот параметр набрал 4,7 балла. Учитывая первостепенную важность состояния здоровья и здравоохранения для качества жизни, в анализе были использованы три характеристики: оценка системы здравоохранения, оценка состояния своего здоровья и фиксация трудностей, связанных с состоянием здоровья (доступность среды). Первая характеристика оценивалась по среднему баллу 11-балльной шкалы, второй и третьей характеристикам присваивался балл, соответствующий сумме положительных оценок, деленных на 10. Например, в России состояние своего здоровья как очень хорошее и хорошее оценили, соответственно, 6% и 35%, балл составил 4,1. Среди тех, кто имеет инвалидность или физические недостатки, сказали, что не испытывают из-за этого трудностей 72%, — балл составил 7,2. В оценке системы образования как составной части уровня жизни применялась аналогичная методика, и в России этот показатель оказался равен 4,6.

Представление об общем индексе уровня жизни в России в сравнении со странами Европы можно получить из рис. 1. В целом по уровню благосостояния Россия занимает по оценкам населения последнее место среди 18 стран Европы. Наибольшее отставание фиксируется по уровню дохода и состоянию здоровья респондентов. В оценках системы здравоохранения за Россией (3,8 балла) следует Польша (3,9), а в оценках системы образования близкую оценку получила Франция: 4,6 и 4,8 балла соответственно.

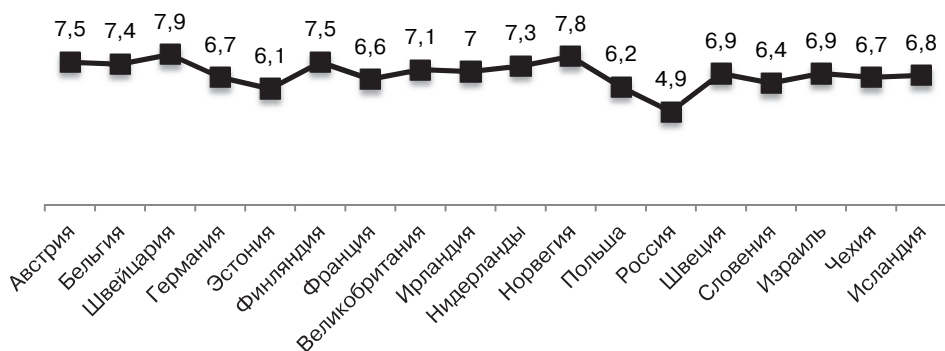

Рис. 1. Общий индекс уровня жизни (в баллах)

Аналогично подсчитывался общий индекс качества социальной среды: оказалось, что в бывших социалистических странах он ниже по сравнению со странами старой демократии по причине низкого доверия институтам общества и недовольством демократией. Россия, Польша, Словения и Чехия демонстрируют самые низкие показатели по этим позициям среди 18 европейских стран (рис. 2). Несколько выше уровень межличностного доверия, но и по этому показателю страны старой демократии значительно их опережают. Так, Россия отстает от Норвегии на 2 балла, опережает Польшу на 0,6 балла, но по остальным показателям, к сожалению, на последних местах.

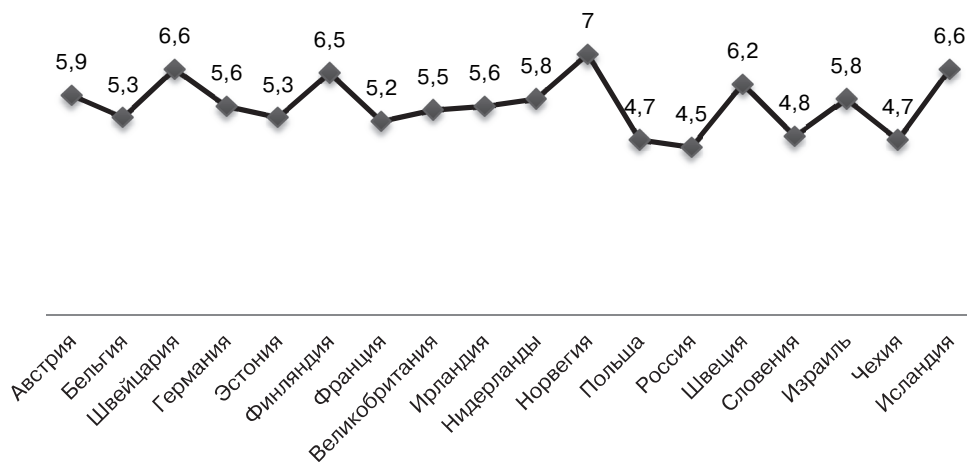

Рис. 2. Общий индекс качества социальной среды (в баллах)

По общему индексу социального самочувствия и безопасности жизни Россия занимает предпоследнее место, находясь выше Франции (рис. 3). Наибольшее отрицательное влияние на общий индекс оказала низкая удовлетворенность жизнью, по другим показателям Россия располагает не в конце списка, а в оценке безопасности даже в его верхней половине.

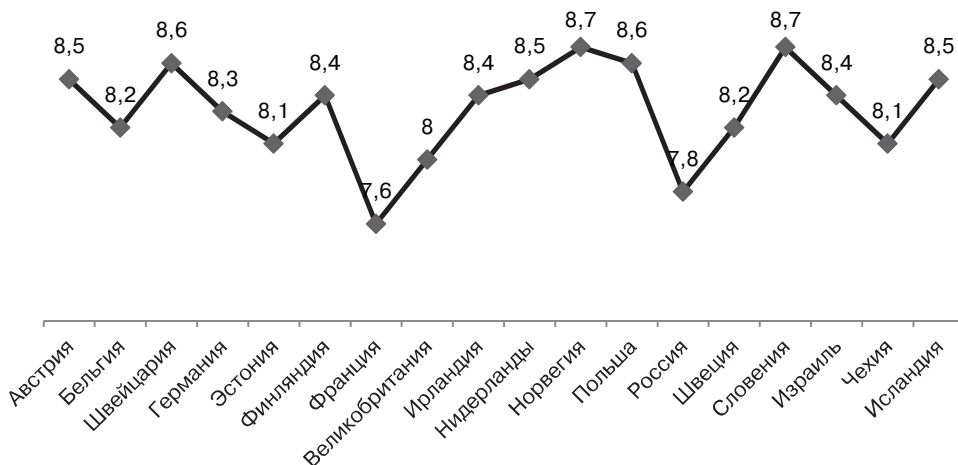

Рис. 3. Общий индекс социального самочувствия и безопасности (в баллах)

При построении четвертого общего индекса, демонстрирующего возможности для экзистенциального выбора и самореализации индивида, оценивалось, насколько интенсивно общаются респонденты не по работе, а в частной жизни, есть ли у них близкие друзья, которые их ценят, с которыми можно поговорить по душам. Эта оценка психологической комфортности существования является важным компонентом качества жизни. Следующая пара показателей характеризует участие респондента в регулировании своей трудовой деятельности и его влияние на принятие решений в организации. Включены в общий индекс и показатели оптимизма, уверенности в будущем, знание своей жизненной перспективы. И, наконец, экзистенциальные характеристики качества жизни позволяют оценить самоидентификацию респондента по степени нужности обществу, наличие интереса к преуспеванию в разных областях (рис. 4). Очевиден пониженный показатель экзистенциального наполнения качества жизни в России по сравнению с другими странами Европы (5,2 балла), только Чехия близка по этому показателю к России (5,4). Польша, Словения и Эстония имеют соответствующий индекс на 0,9—1,2 балла выше, самый большой отрыв демонстрируют Норвегия, Швеция и Исландия (около 7 баллов). К сожалению, почти по всем компонентам российские респонденты оценили свои возможности и реальное положение хуже, чем респонденты других стран. Особенно настораживает, что даже таким традиционно российским качествам жизни, как личное общение и наличие друга, с кем можно поговорить по душам, респонденты дали более низкие оценки, чем почти все страны Европы, кроме Польши, Эстонии и Чехии. Тот факт, что россияне работают по времени не больше, чем в других странах, заставляет предполагать здесь причины, связанные с изменением отечественного менталитета и снижением значения коллективистских ценностей.

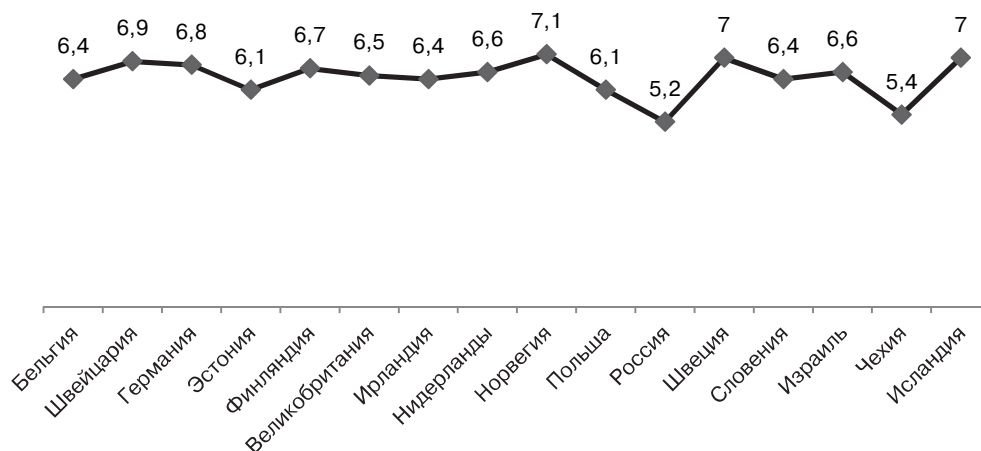

Рис. 4. Общий индекс возможностей для свободы выбора и самореализации (в баллах)

Для россиян характерна низкая оценка собственного значения в жизни и своих умений: только 40% отметили, что есть много областей деятельности, в которых они сильны, против 70—90% респондентов в других странах, в том числе в быв-

ших социалистических. Впрочем, россияне довольно оптимистично представляют свое будущее и с интересом относятся к своей деятельности — здесь отставание от населения европейских стран не столь значительно. Можно предположить, что низкие по сравнению с европейским населением экзистенциальные оценки качества жизни в России связаны с изменением социального характера населения. Как писал Э. Фромм, «тот факт, что большинство членов некоего социального класса или культуры обладают сходством значимых элементов характера и что можно говорить о „социальном характере“, репрезентирующем суть склада характера, общую большинству членов данной культуры, указывает на степень участия в формировании характера социальных и культурных моделей». Социальный характер зависит от общих социально-экономических обстоятельств жизни, они формируют «ту совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [8. С. 64]. Д. Рисмен, также разрабатывавший эту проблему и выпустивший книгу «Одинокая толпа», писал: «„Социальный характер“ — часть „характера“, разделяемая значимыми социальными группами, и, по определению многих современных социальных ученых, является продуктом жизненного опыта этих групп. Такое понимание социального характера позволяет говорить ...о характере классов, групп, стран и наций» [7. С. 122]. Социальный характер — это своего рода внутреннее побуждение, человеческая энергия, которая канализируется в черты характера и заставляет членов общества действовать так, как это объективно необходимо, т.е. внешняя сила заменяется внутренним побуждением.

Прохождение через длительный период преобразования социальной системы, не приведший к положительным результатам для значительной части населения, ослабление социальных гарантий государства, продолжительный период неопределенности в социальных трансформациях, значительное психологическое напряжение и усталость от реформ и нестабильности снизили социальный оптимизм в обществе, который был отличительной чертой социального характера советского народа. Это, безусловно, снижает качество жизни населения и делает население пассивным в производственной и инновационной активности. В меньшей мере это касается молодого поколения, не отягощенного грузом прошлых лет, но и эта группа зачастую реагирует на социально-экономическую ситуацию поведенческой девиацией.

На рисунке 5 представлен интегральный индекс субъективного качества жизни населения России в сравнении с другими странами. Он значительно ниже, чем в европейских странах, и отражает общий настрой населения в период растянувшихся преобразований с неопределенным результатом. Очевидно, что население России довольно низко оценивает условия своей жизни, социальный климат и институты общества, свое социальное самочувствие и возможности для развития и самостоятельного регулирования своего поведения в настоящее время и в будущем.

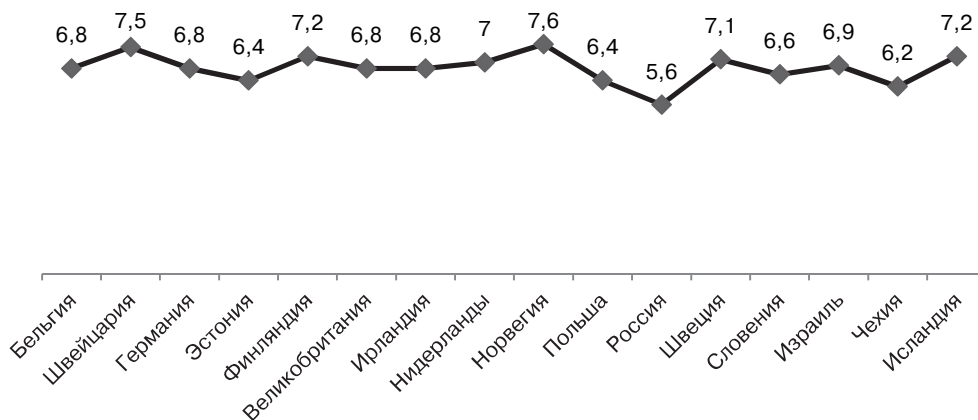

Рис. 5. Интегральный индекс качества жизни в оценках населения (в баллах)

Австрия и Франция не принимали участие в опросе 2012 года, поэтому сформировать полноценный интегральный индекс для этих стран не представляется возможным

Субъективные оценки качества жизни зависят от целостного переживания человеком своего существования и его внутреннего мира. Воздействие внешних и внутренних факторов определяет оценки субъективного качества жизни, того, насколько человек удовлетворен жизнью. Эта удовлетворенность определяется реакцией не только на сегодняшнее состояние условий жизнедеятельности и возможностей их совершенствования (в материальном, социальном и личностном аспектах), но и исторической памятью. Несколько поколений жителей России были свидетелями травматических социальных изменений в конце XX — начале XXI веков, которые, во-первых, произошли в очень короткое время, во-вторых, охватывали одновременно разные области жизни, в-третьих, затронули главные ценности и убеждения, в-четвертых, реальная ломка общественного уклада не соответствовала ожиданиям большинства населения, была для многих социальных групп неожиданной.

Эти выделенные П. Штомпкой основные признаки травматических социальных изменений в полной мере проявились в России, оставив серьезные последствия в сфере идентичности, связей, лояльности, навыков мышления и поступков.

Субъективное качество жизни формируется в процессе повседневной жизнедеятельности в контексте сравнения с образцами внутри страны и за ее пределами. Внутрироссийские сравнения приобрели остро негативный характер вследствие несправедливого распределения собственности, беспрецедентной материальной дифференциации, глубокой бедности массовых слоев населения, с одной стороны, и богатства и роскоши избранных слоев — с другой. Формирование системы «власть—собственность» породило отчуждение большинства от системы власти, противоречивое проявление в поведении патернализма и самостоятельности, недоверие к институтам и людям, противопоставление интересов власти, индивида и общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Более 50% населения большинства стран, участвовавших в опросе в рамках Европейского социального исследования—2016, считают справедливым общество, где различия между людьми в уровне жизни невелики (от 74% в Исландии до 53% в России). Исключение — Чехия, где такого мнения придерживается 38%.
- (2) Эти показатели взаимосвязаны с психологической интерпретацией качества жизни и благополучия. Психологическое благополучие измеряется через следующие аспекты психической жизни: самооценка, позитивные отношения с окружающими, автономия, управление окружением, цель в жизни, личностный рост [10].
- (3) В его основе было первоначально три индекса: 1) продолжительность предстоящей жизни при рождении; 2) грамотность населения; 3) реальный ВВП на душу населения (в долларах США). Второй показатель формировался из двух индексов: совокупной доли учащихся и грамотности взрослого населения. В этом индексе отражались возможности для развития «среднего» человека, обусловленные уровнем развития здравоохранения и образования, а также среднее для страны материальное обеспечение жизни. В 2016 году Россия занимала 50-е место с индексом 0,798 среди 138 стран. Сейчас также подсчитывается индекс человеческого развития, скорректированный с учетом неравенства. Основу индекса составляют данные официальной статистики, поэтому он считается относительно объективным.
- (4) Индекс базируется на комбинации данных из опросов общественного мнения (12%), оценок экспертов в области развития (25%) и статистической информации международных организаций (61%). Содержащийся в докладе межстрановой анализ факторов социального развития дает информацию для сравнений и содержит подробные профили каждого государства, включая детализацию итогового положения в рейтинге, а также руководство по их ключевым преимуществам и недостаткам. Россия занимает в этом рейтинге 67-е место из 128 стран.
- (5) Индекс основан на 104 переменных, сгруппированных в 9 подиндексов, которые усредняются с использованием равных весов: экономическое развитие, бизнес-среда, управление, образование, здоровье, безопасность и защита, личная свобода, социальный капитал, окружающая среда. Россия занимает 101-е место среди 118 стран.
- (6) ESS — многолетнее сравнительное исследование изменения установок, взглядов, ценностей и поведения населения в странах Европы. Проводится раз в два года методом опроса населения с 15 лет и старше по случайной репрезентативной выборке с помощью личных интервью на дому. Первая волна опроса была проведена в 2002 году, Россия участвует с 2006 года. Выборка — 1500—3000 интервью в каждой стране. Применяются единые методы построения выборки, сбора информации, организации и обработки данных. Осуществляется свободный доступ к данным и всей документации сразу после этапа сбора данных и объединения их в общую базу на сайте www.europeansocialsurvey.org. В России исследование проводит ЦЕССИ, руководитель — А.В. Андреевкова, выборка — около 2,5 тысяч респондентов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
- [2] *Баева Л.В.* Качество жизни и ценности человека // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. 2015. № 3.
- [3] *Беляева Л.А.* Уровень и качество жизни. Проблемы измерения и интерпретации // Социологические исследования. 2009. № 1.
- [4] *Күзьмина Т.А.* Экзистенциальная философия. М.: Канон+, 2014.

- [5] Ланин Н.И. Спонтанность модернизации в регионах России и конституционные принципы ее регулирования // *Власть*. 2017. № 3.
- [6] Рисмен Д. Некоторые типы характера и общество // *Социологические исследования*. 1993. № 3.
- [7] Франкл В. Психотерапия на практике / Пер. с нем. СПб.: Речь, 2001.
- [8] Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики. Минск: Коллегиум, 1992.
- [9] Щеткин А.В. Качество жизни в контексте социально-философского знания // *Вестник Омского государственного университета*. 2007. № 7.
- [10] Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. Vol. 57.
- [11] Tencer D. Canadians' quality of life not keeping up with economic growth: Study // http://www.huffingtonpost.ca/2016/11/23/quality-of-life-canada-index-wellbeing_n_13171090.html?ncid=fbklnkcahpmg00000011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-680-694

QUALITY OF LIFE IN THE SUBJECTIVE ESTIMATES OF THE POPULATION: RUSSIA IN THE EUROPEAN CONTEXT*

L.A. Belyaeva

Institute of Philosophy of RAS
Goncharnaya St., 12/1, Moscow, Russia, 109240
(e-mail: bela46@mail.ru)

Abstract. Despite the popularity of interdisciplinary assessments of social well-being and quality of life of people in different countries, neither national nor international comparative projects provide a unified approach to assessing the quality of life. There are many approaches that differ in the amount of information used, methods of its analysis, details of the problems studied, approaches to their measurement. In sociological studies of the quality of life, we still search for an optimal combination of objective indicators of the social-economic development of countries and subjective estimates of life by the population. Moreover, quite often, when comparing objective and subjective indicators, the rankings of countries do not coincide even if the dynamics of indicators looks similar. The article presents a new approach to the analysis and measurement of the quality of life that takes into account not only physical existence, social environment, well-being and safety but also opportunities for personal growth, creativity, freedom to choose one's life trajectory and style. Based on the data of the 2016 and 2012 European Social Studies (ESS), the author conducted a comparative analysis of the subjective life quality in Russia and other European countries. The article presents a method for calculating a composite index of 24 indicators including 11 indicators representing the existential aspect of the quality of life. The comparison of Russia with European countries shows that the subjective quality of life in Russia is lower than in other countries of Europe due to the long-term social transformation, unjust distribution of property and incomes, and strong social-economic differentiation. The social trauma had serious consequences for the identification, social connections, loyalty, patterns of thinking and behavior, and is still accompanied by a significant social-psychological tension and low estimates of most life quality parameters.

Key words: subjective quality of life; welfare; social environment; well-being; safety, self-realization; existential choice

* © L.A. Belyaeva, 2018.

The article was submitted on 22.05.2018.

REFERENCES

- [1] Argyle M. *Psikhologiya schastya* [The Psychology of Happiness]. Saint Petersburg: Piter; 2003 (In Russ.).
- [2] Baeva L.V. Kachestvo zhizni i tsennosti cheloveka [Quality of life and human values]. *Vestnik Volgogradskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 7: Filosofiya. Sotsiologiya i Sotsialnye Tekhnologii*. 2015; 3 (In Russ.).
- [3] Belyaeva L.A. Uroven i kachestvo zhizni. Problemy izmereniya i interpretatsii [Level and quality of life. Problems of measurement and interpretation]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2009; 1 (In Russ.).
- [4] Kuzmina T.A. *Ekzistentsialnaya filosofiya* [Existential Philosophy]. Moscow: Kanon+; 2014 (In Russ.).
- [5] Lapin N.I. Spontannost modernizatsii v regionah Rossii i konstitutsionnye printsipy ee regulirovaniya [Spontaneous modernization in the regions of Russia and constitutional principles of its regulation]. *Vlast*. 2017; 3 (In Russ.).
- [6] Riesman D. Nekotorye tipy kharaktera i obschestvo [Some types of character and society]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 1993; 3 (In Russ.).
- [7] Frankl V. *Psikhoterapiya na praktike* [Psychotherapy in Practice]. Per. s nem. Saint Petersburg: Rech; 2001 (In Russ.).
- [8] Fromm E. *Chelovek dlya sebya. Issledovanie psikhologicheskikh problem etiki* [Man for Himself. An Inquiry into the Psychology of Ethics]. Minsk: Kollegium; 1992 (In Russ.).
- [9] Shchetkin A.V. Kachestvo zhizni v kontekste sotsialno-filosofskogo znaniya [Quality of life in the context of social-philosophical knowledge]. *Vestnik Omskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2007; 7 (In Russ.).
- [10] Ryff C. Happiness is everything, or is it? Explorations on the meaning of psychological well-being. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989; 57.
- [11] Tencer D. Canadians' quality of life not keeping up with economic growth: Study. http://www.huffingtonpost.ca/2016/11/23/quality-of-life-canada-index-wellbeing_n_13171090.html?ncid=fbklnkcahpmg00000011.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707

ЗОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

С.В. Мареева

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 20, Москва, 101000, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Сложные экономические условия, характеризовавшие в последние несколько лет жизнь страны, актуализируют проблему оценки благополучия населения — как объективного, так и субъективного. Статья посвящена определению границ и характеристик субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе. На данных общероссийского опроса, проведенного в 2018 году Институтом социологии ФНИСЦ РАН, с помощью кластерного анализа выделены зоны субъективного благополучия и неблагополучия, а также промежуточная зона. Автор показывает, что зона субъективного благополучия сегодня меньше, чем неблагополучия: ее представители характеризуются высокими оценками всех аспектов жизни, в том числе не относящихся к доходам и потреблению, в то время как субъективное неблагополучие выражается в неудовлетворенности своим материальным положением и возможностями отдыха и отпуска на фоне удовлетворительных оценок остальных аспектов жизни. Зона субъективного неблагополучия формируется не столько за счет низких доходов, сколько в результате проблем, с которыми люди сталкиваются в повседневности и не в состоянии решить самостоятельно. Различия в положении россиян из двух полярных зон обуславливают различия их запросов к социальной политике, причем речь идет не столько о расхождении приоритетов, сколько об интенсивности запросов. Ключевые сферы, в которых все население ждет сегодня помощи от государства, — это обеспечение справедливой оплаты труда и налаживание работы системы здравоохранения. Специфика положения выделенных групп свидетельствует, что без решения этих проблем зона субъективного неблагополучия вряд ли будет сокращаться даже в условиях роста доходов. Что касается их локализации, то зона неблагополучия смещена в сельскую местность, старшие возраста и сферу занятости физическим трудом, в то время как зона благополучия локализуется сегодня в молодом городском «среднем классе».

Ключевые слова: субъективное благополучие; субъективное неблагополучие; удовлетворенность жизнью; запрос к социальной политике; социальное неравенство; общественное мнение; массовые опросы

В последние годы проблемы субъективного благополучия и анализ субъективных оценок социально-экономических процессов все чаще оказываются в центре внимания ученых [см., напр.: 7; 8; 15; 18] и при принятии управленческих решений. В первом случае предметом изучения обычно выступает соотношение субъективных показателей благополучия с традиционными экономическими показателями благосостояния — уровнем дохода, ВВП на душу населения и т.п. Множе-

* © Мареева С.В., 2018.

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда. Проект № 14-28-00218.

Статья поступила в редакцию 12.07.2018 г.

ство экономических работ посвящено подтверждению, опровержению или попыткам модификации «парадокса Истерлина» [8], согласно которому в долгосрочном периоде экономический рост не повышает уровень счастья в обществе, хотя в отдельных странах более высокий уровень дохода связан с более высоким уровнем счастья, т.е. субъективного благополучия [16]. Для социологов же субъективное благополучие — предмет изучения в связке с ценностями общества, социальным контекстом, формирующими поведенческие стратегии, и социальной напряженностью.

О необходимости учета субъективных показателей при принятии управленческих решений говорится не только в периоды социально-экономических потрясений, когда мониторинг субъективного благополучия и неблагополучия необходим для своевременного обнаружения точек социальной напряженности: субъективное благосостояние — важный элемент интегральной оценки благосостояния общества. Яркий пример — доклад Комиссии по основным показателям экономической деятельности и социального прогресса (доклад Стиглица—Сена—Фитусси) в 2009 году, в котором подчеркивается, что экономическое измерение благосостояния недостаточно, его динамика может противоречить восприятию реалий жизни населением и подрывать доверие к государству и его политике [11].

Авторы доклада рекомендуют включить измерение субъективного благосостояния в статистические исследования для оценки интегрального качества жизни и отслеживания его изменений. В этой логике уже действуют разные международные организации: оценки удовлетворенности жизнью в целом или повседневностью, субъективное финансовое и физическое благополучие и др. включены в ряд международных индексов качества жизни (например, в Индекс лучшей жизни ОЭСР).

Впрочем, исследователи, работающие с социальными индикаторами, отмечают, что эта идея не нова — во многих странах индикаторы субъективного благополучия используются для оценки и мониторинга качества жизни с 1970-х годов, но вне официальной статистики [17].

В России субъективное благополучие населения претерпело ряд трансформаций в ходе социально-экономических изменений последних 25 лет. Начало реформ отразилось в снижении уровня объективного благополучия россиян, индикатором которого стало массовое обеднение, и субъективного благополучия. Данные эмпирических исследований показывают, что в 1990-х годах большинство россиян отмечали ухудшение своего социального положения и утрату статуса; до середины 2000-х годов происходили разнонаправленные перемещения россиян «социальной лестнице» на фоне общей тенденции роста наполняемости «нижних» ступеней социальной структуры [3; 12].

Однако по мере адаптации экономики и населения страны к новым реалиям объективное и субъективное благополучие стали улучшаться, но этот вектор не всегда был устойчив — свои корректировки вносил каждый последующий кризис, снижая самооценки россиянами разных сторон своей жизни. Сила этого влияния и период восстановления субъективного благополучия россиян в каждый период также отличались [1; 3; 9].

На фоне нынешнего длительного падения реальных доходов населения в условиях сохраняющегося небольшого «запаса прочности», характерного, однако,

только для некоторых групп [5], встают вопросы о том, как население оценивает разные аспекты своей жизни, каковы контуры зон субъективного благополучия и неблагополучия и какие вызовы ставит эта ситуация перед государством.

В российской научной литературе неоднократно исследовался общий уровень удовлетворенности россиян своей жизнью, его динамика [4], а также причины удовлетворенности или неудовлетворенности жизнью. Так, для общей удовлетворенности жизнью россиянам необходимы возможности нормального удовлетворения базовых физиологических и социальных потребностей, а неудовлетворенность жизнью обычно обусловлена невозможностью удовлетворения базовых потребностей или реализации желаемой жизненной модели [13]. Ниже будут рассмотрены особенности групп, характеризующихся высокой и низкой степенью субъективного благополучия, на основе тех оценок, что они дают различным аспектам своей жизни. Эмпирической базой статьи выступили данные нескольких волн мониторинга, реализуемого в 2014—2018 годы Институтом социологии ФНИСЦ РАН, а также данные исследования «Двадцать лет реформ глазами россиян», проведенного в 2011 году.

ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ СВОЕЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Неоднократно отмечалось, что россияне склонны давать в целом удовлетворительные оценки, а среди выбирающих один из полюсов преобладают позитивные оценки, что подтвердилось данными 2018 года (табл. 1; здесь и далее не представлен ответ «удовлетворительно»). Негативные оценки преобладали над позитивными применительно к материальному положению, возможностям отдыхать в период отпуска и получать качественную медицинскую помощь — это самые болезненные точки в повседневной жизни населения.

Таблица 1

Оценка россиянами различных аспектов своей жизни, 2011—2018, %

Аспекты жизни	2011		2014 (весна)		2018 (весна)	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Материальная обеспеченность	14	24	22	17	15	23
Питание	36	7	44	5	34	6
Возможности одеваться	23	10	33	9	26	10
Состояние здоровья	24	13	33	13	28	14
Жилищные условия	—	—	37	10	33	14
Отношения в семье	55	4	61	3	58	4
Возможности досуга	27	16	35	13	28	20
Ситуация на работе	25	11	30	8	24	12
Возможность отдыха в период отпуска	20	29	27	18	19	27
Возможность общения с друзьями	—	—	55	4	51	4
Возможность реализовать себя в профессии	24	20	28	14	25	17
Возможность получения необходимых знаний и образования	22	19	27	15	27	16
Положение, статус в обществе	25	10	32	7	26	9
Уровень личной безопасности	15	16	27	10	28	8
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	—	—	—	—	13	34
Жизнь в целом складывается	28	7	37	4	27	7

По сравнению с 2011 годом качественных изменений в оценках россиянами разных аспектов своей жизни не произошло, за исключением улучшения уровня личной безопасности. Однако в ходе последнего кризиса в этих оценках заметны колебания, затрагивающие, прежде всего, возможности удовлетворения базовых потребностей: по сравнению с весной 2014 года, точки замера до кризиса, к 2018 году у россиян снизились оценки материального положения, питания, одежды, досуга, отпуска, положения в обществе. Поскольку возможности удовлетворения базовых потребностей напрямую влияют на общую удовлетворенность жизнью, неудивительно, что снизилась и она — доля оценок своей жизни как «хорошей» упала с 37% до 27%. Снижение субъективного благополучия затронуло и нематериальные аспекты жизни — ухудшились оценки состояния здоровья и ситуации на работе. Таким образом, динамика оценок россиянами своей жизни в 2011—2014 годы была позитивной, но кризис привел к обратной тенденции, и сегодня ситуация вновь близка к 2011 году.

ЗОНЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

В связи с особенностями оценок субъективного благополучия «механически» выделять группы россиян по преобладанию позитивных или негативных оценок нельзя — необходимо учитывать общие закономерности распределения оценок по разным аспектам жизни. Для определения субъективно благополучных и неблагополучных россиян был использован кластерный анализ: для классификации были отобраны показатели, связанные с потребительскими аспектами жизни — субъективные оценки материальной обеспеченности, питания, возможностей одеваться, жилищных условий, возможностей проведения досуга и отпуска, доступ к качественной медицине и оценка жизни в целом.

Двухэтапный кластерный анализ позволил выделить три кластера россиян, отличающихся оценками своей жизни. У россиян в зоне субъективного благополучия положительные оценки, в отличие от «среднего россиянина» и представителей субъективно неблагополучной группы, доминируют над отрицательными и удовлетворительными. Наиболее позитивно они оценивают удовлетворение своих базовых потребностей — питание и одежду, но и остальные аспекты не сильно от них отстают, включая интегральную оценку жизни в целом (хорошая у 73% этой группы). Наиболее низкие оценки представителей зоны субъективного благополучия получили две сферы их жизни — медицина и возможности отдыха (табл. 2), проблемные для населения в целом. Зона субъективного благополучия объединила 24% россиян.

Иная ситуация у представителей второго кластера — зоны субъективного неблагополучия. По ряду аспектов у них доминируют негативные оценки, что не свойственно «среднему россиянину»: материальное положение (53% оценок «плохо»), возможности отдыха в период отпуска (60%) и получения медицинской помощи (66%). При этом у них доминирует нейтральная, а не негативная интегральная оценка жизни — 83% считают, что жизнь складывается удовлетворительно, хотя еще 15% оценили ее как плохую (при 6% россиян в целом и 0% субъективно благополучных россиян). Зона субъективного неблагополучия охватила 41% населения.

**Удовлетворенность потреблением и уровнем жизни
в группах с разным уровнем субъективного благополучия, 2018, %**

Аспекты жизни	Зона субъективного благополучия		Зона субъективного неблагополучия	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Материально обеспечены	60	1	0	53
Питаетесь	98	0	5	14
Одеваетесь	98	0	2	24
Жилищные условия	74	2	14	26
Возможности проведения досуга	68	3	4	44
Возможность отдыха в период отпуска	54	6	2	60
Возможность получать качественную медицинскую помощь, в том числе платную	36	11	2	66
Жизнь в целом складывается	73	0	2	15

Третий кластер — промежуточный — характеризуется доминированием удовлетворительных оценок (не менее $\frac{2}{3}$ по каждому аспекту). В кластер входит 35% россиян.

В отношении аспектов, которые связаны с потреблением, субъективное благополучие отражается в высоких оценках всех аспектов жизни, а субъективное неблагополучие — в ярко выраженной неудовлетворенности материальным положением и возможностями отдыха и отпуска, а также удовлетворительными, средними оценками остальных аспектов. Доступ к качественной медицине, в том числе платной, представляет сегодня общую «болеву точку», хотя представители зоны субъективного благополучия реже страдают от его отсутствия.

Поскольку при выделении зон использовались оценки тех сторон жизни, которые в основном относятся к потребительским возможностям, интересным представляется вопрос, различаются ли представители выделенных кластеров в оценках других сфер — социальных отношений, возможностей инвестиций в человеческий капитал, ситуации на работе и со здоровьем.

Выделенные группы действительно представляют собой зоны субъективного благополучия и неблагополучия в широком смысле, выходящем за границы потребительских возможностей (табл. 3). Среди представителей зоны субъективного благополучия доминируют положительные оценки, а у представителей зоны субъективного неблагополучия доля негативных оценок превышает долю позитивных (при доминировании средних) по всем аспектам, кроме сферы социальной жизни, хотя и в ней очевидны различия благополучных и неблагополучных россиян.

Нельзя не отметить, что принадлежность к той или иной группе тесно связана с интенсивностью и специфичностью проблем, с которыми россияне сталкиваются в повседневной жизни. Причем дифференциация этих групп вновь оказывается связана не только с проблемами материального характера, но и с ситуацией на работе, здоровьем и медициной, опасениями по поводу отсутствия социальных гарантий и др. (табл. 4). Показательно, что единственная проблема, которая чаще встречается у представителей зоны благополучия — отсутствие времени на все необходимые дела, что лишь подчеркивает качественно разные жизненные ситуации двух полярных групп.

Таблица 3

Удовлетворенность разными аспектами жизни, не связанными с потреблением, в группах с различным уровнем субъективного благополучия, 2018, %

Аспекты жизни	Зона субъективного благополучия		Зона субъективного неблагополучия	
	Хорошо	Плохо	Хорошо	Плохо
Состояние здоровья	63	2	10	27
Отношения в семье	87	1	44	8
Ситуация на работе	58	3	5	24
Возможность общения с друзьями	81	1	35	8
Возможность реализовать себя в профессии	60	5	7	33
Возможность получения образования и знаний, которые Вам необходимы	63	2	8	33
Ваше положение, статус в обществе	64	2	8	18
Уровень Вашей личной безопасности	57	2	12	15
Возможность выражать свои политические взгляды	57	7	15	26

Таблица 4

Проблемы, с которыми за последний год сталкивались представители групп с разным уровнем субъективного благополучия, %
(не более трех ответов; представлены варианты, набравшие более 10%)

Проблемы	Зона субъективного благополучия	Зона субъективного неблагополучия
Плохое материальное положение	13	62
Проблемы, связанные со здоровьем	18	37
Проблемы, связанные с работой	12	25
Проблемы с получением необходимой медицинской помощи	8	22
Семейные проблемы	14	17
Проблемы с жильем	7	15
Отсутствие социальных гарантий на случай старости, безработицы, инвалидности	4	12
Отсутствие времени, чтобы успеть сделать все необходимые повседневные дела	16	11
Не сталкивались за последний год с серьезными проблемами	41	4

Таким образом, зоны объективного и субъективного благополучия определяются не просто нехваткой или достаточностью доходов, но и жизненными обстоятельствами, с которыми их представители вынуждены считаться, а также их возможностями самостоятельно справиться с проблемами. Представители зоны субъективного неблагополучия не только чаще сталкиваются с теми или иными проблемами, но и в большинстве своем ощущают неспособность справиться с ними самостоятельно.

Показательно, что к «самодостаточным» россиянам [2], которые считают, что смогут обеспечить себя и не нуждаются в поддержке государства, относятся 76% благополучной и 28% неблагополучной зоны; остальные отмечают, что без поддержки государства им и их семье не выжить (50% неблагополучных россиян называют основными источниками дохода пенсии и пособия).

Ощущение беспомощности перед жизненной ситуацией отражается и в особенностях мировосприятия неблагополучной группы: только 35% считают, что человек — сам кузнец своего счастья, успех и неудачи находятся в его руках, в то время как 65% согласны с тем, что жизнь человека определяется внешними обстоятельствами, а не собственными усилиями. В благополучной группе это соотношение обратное — 77% и 23%.

ЗАПРОСЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЗОН БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ К ГОСУДАРСТВУ

В качественно отличающихся жизненных ситуациях с учетом разных возможностей представителей двух зон самостоятельно справиться с проблемами неудивительно, что их взаимоотношения с государством также различаются. Запрос на помощь со стороны государства гораздо ярче выражен среди неблагополучных россиян. Причем этот запрос относится отнюдь не только к материальной поддержке, которая заняла лишь третье место в рейтинге проблем, в которых население ждет помощи государства (рис. 1).

Рис. 1. Проблемы, в решении которых россиянам требуется государственная поддержка и содействие, 2018, %
(доля отметивших справедливую оплату труда рассчитана от числа работающих)

Лидирующий запрос всего населения — на обеспечение государством справедливой оплаты труда [6]. Только 13% работающих россиян считают, что получают не меньше, чем заслуживают, 44% с этим не согласны (остальные выбирают промежуточную позицию). Но за средними значениями скрывается высокая дифференциация: если в зоне субъективного благополучия эти доли составляют 20% и 26%, то в зоне неблагополучия — 11% и 57%, поэтому среди них настолько выражен запрос на обеспечение справедливой оплаты труда. На втором месте — еще одна уже отмечавшаяся «болевая точка» российского общества — доступ к медицинской помощи, особенно учитывая, что представители зоны неблагополучия чаще сталкиваются с проблемами со здоровьем и ниже оценивают свой

доступ к медицинским услугам. На вопрос, удастся ли им контролировать состояние своего здоровья (профилактические осмотры, сдача анализов и пр.), три четверти из них отвечают отрицательно, а еще 9% говорят, что не имеют такого желания (среди благополучных — 39% и 9%).

Какие вызовы ставит сложившаяся ситуация перед государством? Субъективное неблагополучие связано не только с уровнем доходов, но и с отсутствием возможностей решить те проблемы, с которыми сталкивается попадающее в эту зону население, а потому решение его проблем не может носить только монетарный характер. Преодоление кризиса и восстановление тренда на повышение доходов россиян может сузить зону субъективного благополучия, но не искоренит проблему — необходимы меры социальной и экономической политики, связанные с ключевыми болевыми точками — рынком труда и системой здравоохранения. Сложной задачей представляется и идентификация тех, кто мог бы стать объектом социальной поддержки и мер социальной политики, поскольку монетарный критерий неэффективен, что ставит вопрос о локализации зон благополучия и неблагополучия в российском обществе.

ЛОКАЛИЗАЦИЯ ЗОН БЛАГОПОЛУЧИЯ И НЕБЛАГОПОЛУЧИЯ

Выделенные зоны не так сильно связаны с уровнем дохода, как можно было бы предположить. Хотя душевой доход среди субъективно благополучного населения заметно выше (медиана — 20 000 против 12 500 рублей), но более значительна его дисперсия. Кроме того, в зоне субъективного благополучия оказываются как высокодоходные россияне, так и представители низко- и среднедоходных групп, хотя их распределение отличается от характерного для зоны субъективного неблагополучия (табл. 5).

Таблица 5

Доходная стратификация [согласно 14], 2018, %

Доходные группы	Зона субъективного благополучия	Промежуточная зона	Зона субъективного неблагополучия
Низкодоходные (менее 0,75 медианы)	13	24	40
Медианная группа (0,75—1,25 медианы)	31	34	38
Среднедоходные (1,25—2 медианы)	37	34	18
Высокодоходные (более 2 медиан)	19	8	4

Несмотря на разные соотношения полярных доходных групп в их составе, все три зоны характеризуются преобладанием срединных слоев — медианной и среднедоходной групп. Это означает, что одинаковый уровень доходов может характеризовать разное пространство возможностей и рисков, связанных со спецификой жизненной ситуации, что приводит к различиям и в уровне субъективного благополучия. При этом самооценка материального положения гораздо сильнее связана с зонами субъективного благополучия, чем с принадлежностью к той или иной доходной группе (коэффициенты корреляции — 0,7 и 0,3), т.е. важную роль в формировании ощущения благополучия или неблагополучия играет

не уровень дохода как таковой, а его субъективное восприятие, которое может значительно отличаться в зависимости от референтных уровней доходов социального окружения, специфики трат (например, наличия крупных неэластичных расходов, нивелирующих относительно высокие доходы в абсолютном выражении), соотношения реального и желаемого или «справедливого» уровня доходов и пр.

Что касается пространственной локализации зон субъективного благополучия и неблагополучия, то здесь выделяются мегаполисы — в них ниже доля субъективно неблагополучного населения (25% при 42% по стране в целом) и выше доля субъективно благополучного (29% при 24%). В другую сторону выделяются поселки городского типа: в них наиболее высока удельная доля представителей субъективно неблагополучного кластера (53%) при минимальной, на фоне других поселений, доле благополучного (18%). В целом неблагополучная зона характеризуется четким смещением в сторону небольших поселений и сельской местности, а благополучная распределена более равномерно.

Различаются кластеры и возрастным составом: в субъективно благополучном кластере медианный возраст составляет 39 лет, в субъективно неблагополучном — 45, а доля населения в возрасте 60 лет составляет в них 11% и 24% соответственно. Если посмотреть на это распределение иначе, то среди населения старше 60 лет более половины относятся к зоне субъективного неблагополучия (55%), что подчеркивает роль возраста в субъективном благополучии в России.

Если выделить только работающих россиян, то шансы оказаться в зоне субъективного благополучия наиболее высоки у руководителей высшего звена (более 60% в этой зоне при среднероссийском показателе среди работающих в 26%), а также руководителей среднего или низшего звена (43%). Высоки, по сравнению со среднероссийскими, шансы на субъективное благополучие и у других представителей «среднего класса» — специалистов с высшим образованием (32%) и предпринимателей (42%).

На другом полюсе оказались рабочие со средней и низкой квалификацией (их шансы оказаться в зоне субъективного благополучия — 17% и 9%, в зоне неблагополучия — 46% и 59%). К ним оказались близки и рядовые работники торговли и сферы бытовых услуг, которые также на фоне остальных россиян имеют более высокие шансы оказаться в зоне субъективного неблагополучия и более низкие — в зоне субъективного благополучия.

Таким образом, субъективное благополучие локализуется среди относительно молодых представителей среднего класса, проживающих в крупных городах, в то время как пожилые россияне, зависящие от государственной поддержки, и рабочий класс (в том числе условный «новый» рабочий класс, объединяющий работников нефизического, но рутинного и не требующего высокой квалификации труда), особенно при сопутствующем сельском образе жизни, попадают в зоны субъективного неблагополучия.

Россияне в последние годы были склонны давать удовлетворительные оценки разным аспектам своей жизни, а среди тех, кто все же выбирал тот или иной полюс, обычно преобладали позитивные оценки. До 2014 года практически

по всем позициям, отражающим как материальные, так и нематериальные аспекты качества жизни, наблюдались улучшения, выражающиеся в росте доли позитивных оценок. Однако кризис, начавшийся в 2014 году, развернул обратную тенденцию, и сегодня ситуация близка к 2011 году, а наблюдавшийся до кризиса позитивный рост, отражающий улучшение субъективного благополучия россиян, нивелирован.

Выделенная на основании оценок разных аспектов жизни зона субъективного благополучия в современной России не велика — она объединяет около четверти россиян (24%), в то время как зона субъективного неблагополучия охватывает 41% населения, а остальные 35% занимают промежуточное положение. Субъективное благополучие отражается сегодня в высоких оценках всех аспектов жизни, в том числе тех, которые не относятся напрямую к потреблению, а субъективное неблагополучие — в неудовлетворенности материальным положением и возможностями отдыха и отпуска, а также в нейтральных оценках остальных аспектов жизни. При этом зона субъективного неблагополучия формируется на основе объективных проблем, и это не только низкий уровень дохода, но и проблемы, связанные с положением на рынке труда, здоровьем и пр., которые сами россияне не в состоянии решить. Поэтому неудивительно, что большую роль в формировании ощущения субъективного благополучия или неблагополучия играет не уровень дохода как таковой, а его восприятие, обусловленное конкретной жизненной ситуацией (специфика расходов, проблемы, которые затрудняют жизнь, и т.п.). Зона благополучия локализуется в молодом городском «среднем классе», а зона неблагополучия смещена в сельскую местность, старшие возраста и сферу занятости физическим трудом.

Представители выделенных зон дифференцируются и по своим запросам к социальной политике, хотя речь идет скорее об интенсивности этого запроса, чем о его содержании. Ключевые сферы, в которых все население ждет сегодня помощи от государства — обеспечение справедливой оплаты труда и налаживание работы системы здравоохранения. Без решения этих проблем зона субъективного неблагополучия вряд ли будет сокращаться даже в условиях роста доходов населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] 10 лет российских реформ глазами россиян. Аналитический доклад ИКСИ РАН и РНИСиНП. М., 2002.
- [2] Горшков М.К., Седова Н.Н. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 4—16.
- [3] Гудков Л.Д. Парадоксы изучения социальной структуры в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 2. С. 207—224.
- [4] Латова Н.В. Удовлетворенность жизнью: динамика и факторы // Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. С. 76—96.
- [5] Мареева С.В. Монетарные и немонетарные неравенства в жизни россиян // Социологические исследования. 2016. № 10. С. 65—74.
- [6] Мареева С.В. Справедливое общество в представлениях россиян // Общественные науки и современность. 2013. № 5. С. 16—26.

- [7] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 1. С. 131—155.
- [8] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ страхов, надежд и опасений (часть 2) // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 2. С. 284—302.
- [9] *Российская повседневность в условиях кризиса* / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009.
- [10] *Сальникова Д.В.* Источники несогласованности результатов исследований взаимосвязи объективного и субъективного благополучия // *Экономическая социология*. 2017. Т. 18. № 4. С. 157—174.
- [11] *Стиглиц Д., Сен А., Фитусси Ж.П.* Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла. Доклад Комиссии по измерению эффективности экономического и социального прогресса. М.: Издательство Института Гайдара, 2016.
- [12] *Тихонова Н.Е.* Социальная структура России: теории и реальность. М.: Новый хронограф, 2014.
- [13] *Тихонова Н.Е.* Удовлетворенность россиян жизнью: динамика и факторы // *Общественные науки и современность*. 2015. № 3. С. 19—33.
- [14] *Anikin V., Lezhnina Yu., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N.* Income stratification: Key approaches and application to Russia. WP BRP Series: Public and Social Policy, 2016.
- [15] *Cummins R.A.* Personal income and subjective well-being: A review // *Journal of Happiness Studies*. 2000. № 1. P. 133—158.
- [16] *Easterlin R.* Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence // *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz* / Ed. by P. David, M. Reder. N.Y.—London: Academic Press, 1974. P. 89—125.
- [17] *Noll H.-H.* The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective // *Social Indicators Research*. 2011. Vol. 102. № 1. P. 111—116.
- [18] *Van Praag B., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A.* The anatomy of subjective well-being // *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2003. Vol. 51. № 1. P. 29—49.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-695-707

SUBJECTIVE WELL-BEING AND ILL-BEING ZONES IN THE RUSSIAN SOCIETY*

S.V. Mareeva

National Research University “Higher School of Economics”

Myasnitskaya St., 20, Moscow, 101000, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS

Krzhizhanovskogo St, 24/35-5, Moscow, 117218, Russia

(e-mail: s.mareeva@gmail.com)

Abstract. In recent years, difficult economic conditions in the Russian society have determined the urgency of assessing both objective and subjective well-being of the population. The article aims at identifying boundaries and characteristics of subjective well-being and ill-being in the contemporary Russian society. Based on the all-Russian survey conducted in 2018 by the Institute of Sociology of

* © S.V. Mareeva, 2018.

The research was supported by the Russian Science Foundation. Project No. 14-28-00218.

The article was submitted on 12.07.2018.

the FCTAS RAS and cluster analysis, the author identifies the zones of subjective well-being, ill-being, and an intermediate zone. The zone of subjective well-being is smaller than the zone of subjective ill-being; representatives of the former in general appreciate all aspects of their lives including those not related to income and consumption, while subjective ill-being can be defined by dissatisfaction with one's material situation and leisure and holiday opportunities although together with satisfaction with other aspects of life. The zone of subjective ill-being is determined not so much by low incomes as by the problems its representatives face every day and are not able to solve on their own. Differences in the situation of the representatives of two polar zones lead to their different requests for social policy, which is mostly reflected not in different priorities but in the intensity of the request. The key areas in which the entire population expects assistance from the state are the guarantees of fair wages and functioning health care system. The situation of two groups indicates that without solving these problems the zone of subjective ill-being is unlikely to decline even under the rising incomes. As for localization, the zone of ill-being is typical for rural areas, elders and manual labor, while the zone of well-being is typical for the young urban 'middle class'.

Key words: subjective well-being; subjective ill-being; satisfaction with life; request for social policy; social inequality; public opinion; mass surveys

REFERENCES

- [1] *10 let rossiyskikh reform glazami rossiyan. Analiticheskij doklad IKSI RAN i RNISiNP* [10 Years of Reforms through the Eyes of the Russians]. Moscow; 2002 (In Russ.).
- [2] Gorshkov M.K., Sedova N.N. "Samodostatochnye" rossiyanе i ih zhiznennye prioritety ["Self-sufficient" Russians and their life priorities]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2015; 12: 4—16 (In Russ.).
- [3] Gudkov L.D. Paradoksy izucheniya sotsialnoy struktury v Rossii [Paradoxes of the Russian social structure studies]. *Istoricheskaja i Socialno-Obrazovatel'naja Mysl*. 2016; 8 (2): 207—224 (In Russ.).
- [4] Latova N.V. Udovletvorennost zhizniyu: dinamika i factory [Satisfaction with life: Dynamics and factors]. Gorshkov M.K., Petukhov V.V. (Eds.) *Rossijskoe obshchestvo i vyzovy vremeni*. Moscow: Ves Mir; 2017, 76—96 (In Russ.).
- [5] Mareeva S.V. Monetarnye i nemonetarnye neravenstva v zhizni rossiyan [Monetary and non-monetary inequalities in the Russians live]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 10: 65—74 (In Russ.).
- [6] Mareeva S.V. Spravedlivoe obshchestvo v predstavleniyah rossiyan [The Russians' definition of the just society]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*. 2013; 5: 16—26 (In Russ.).
- [7] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnyh oriyentatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1): 131—155 (In Russ.).
- [8] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz strakhov, nadezhd i opaseni (Chast 2) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of fears and hopes (Part 2)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2): 284—302 (In Russ.).
- [9] *Rossijskaja povsednevnost v uslovijah krizisa* [Russian Everyday Life under the Crisis]. Gorshkov M.K., Krumm R., Tikhonova N.E. (Eds.). Moscow: Alfa-M; 2009 (In Russ.).
- [10] Salkova D.V. Istochniki nesoglasovannosti rezultatov issledovaniy vzaimosvyazi ob'ektivnogo i sub'ektivnogo blagopoluchiya [The reasons for inconsistent data on the relationship of objective and subjective well-being]. *Economicheskaya Sotsiologiya*. 2017; 18 (4): 157—174 (In Russ.).

- [11] Stiglitz D., Sen A., Fitoussi JP. *Neverno otsenivaja nashu zhizn: Pochemu VVP ne imeet smysla. Doklad Komissii po izmereniju effektivnosti ekonomicheskogo i socialnogo progressa* [Mismeasuring Our Lives: Why GDP Doesn't Add Up. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress]. Moscow: Izdatelstvo Instituta Gajdara; 2016 (In Russ.).
- [12] Tikhonova N.E. *Sotsialnaja struktura Rossii: teorii i realnost* [Social Structure of Russia: Theory and Reality]. Moscow: Novy Khronograf; 2014 (In Russ.).
- [13] Tikhonova N.E. Udovletvorennost rossiyan zhiznyu: Dinamika i factory [Satisfaction of the Russians with life: dynamics and factors]. *Obshchestvennie Nauki i Sovremennost*. 2015; 3: 19—33 (In Russ.).
- [14] Anikin V., Lezhnina Yu., Mareeva S., Slobodenyuk E., Tikhonova N. *Income Stratification: Key Approaches and Application to Russia*. WP BRP Series: Public and Social Policy; 2016.
- [15] Cummins RA. Personal income and subjective well-being: A review. *Journal of Happiness Studies*. 2000; 1 (2): 133—158.
- [16] Easterlin R. Does economic growth improve the human lot? Some empirical evidence. David P., Reder M. (Eds.) *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramowitz*. New York-London: Academic Press; 1974, p. 89—125.
- [17] Noll H.-H. The Stiglitz-Sen-Fitoussi-report: Old wine in new skins? Views from a social indicators perspective. *Social Indicators Research*. 2011; 102 (1): 111—116.
- [18] Van Praag B., Frijters P., Ferrer-i-Carbonell A. The anatomy of subjective well-being. *Journal of Economic Behavior & Organization*. 2003; 51 (1): 29—49.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718

СОЦИАЛЬНАЯ СФЕРА: ВЕКТОР ИЗМЕНЕНИЙ, РИСКИ И АДАПТАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ (по материалам общероссийских мониторинговых исследований)*

А.В. Мозговая

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 25/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: mozgovai@yandex.ru)

Содержание понятия социальных рисков становится особой научной проблемой для всех областей знания и социальной практики, имеющих отношение к исследованию феномена неопределенности и нежелательных последствий. Автор придерживается подхода, согласно которому социальные риски целесообразно интерпретировать как те, что складываются и проявляются в социальной сфере жизнедеятельности общества. В статье анализируются данные мониторинговых опросов населения России, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН с 2014 года при финансовой поддержке РФФИ по проекту «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах». В статье рассмотрена динамика ряда показателей изменений в социальной сфере за заданный период: кроме стандартных социально-демографических показателей рассматриваются и индивидуально-личностные: эмоционально-психологическое состояние, оценка обстановки в стране, уровень доверия, уверенность в будущем, социальные ориентации и предпочтения, удовлетворенность разными сторонами жизни. По итогам анализа в статье сделаны выводы содержательного и методического характера. В частности, подтвердилась продуктивность целевого анализа как метода, расширяющего границы и возможности интерпретации данных мониторинговых «контекстных» опросов населения. Выделение подгрупп респондентов согласно исследовательскому интересу позволяет выявить особенности на фоне общих тенденций. В статье показано, что представители той совокупности, которая сформирована по критерию негативной оценки положения дел в социальной сфере, оказались наименее ресурсообеспеченными в противостоянии социальным рискам и угрозам в других сферах жизнедеятельности общества. Решающее влияние на оценку положения дел в социальной сфере оказывают не столько социально-демографические характеристики или показатели уровня и качества жизни, сколько индивидуально-личностные и мировоззренческие особенности, в частности установка на помощь государства как основной адаптационный ресурс.

Ключевые слова: социальная сфера; оценки; риски; ресурсы адаптации; динамика; анализ целевых групп

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ И ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА

В социальной философии и социологии теоретические и прикладные исследования рисков неизменно вызывают интерес исследователей [см., напр.: 5; 6]. Сегодня актуальность изучения этого феномена обусловлена возрастанием темпов структурных изменений во всех сферах жизнедеятельности общества, которые

* © Мозговая А.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 21.05.2018 г.

требуют от индивида адаптации к рискам повседневности. В начале века ученые и практики обосновали концепцию стратегических рисков в системе государственного управления: междисциплинарный проект по изучению стратегических рисков России на основе разработанного специалистами методического аппарата с привлечением известных экспертов позволил выделить риски устойчивого развития страны в разных сферах — экономической, политической, социальной, научно-технической, природно-техногенной [10; 11]. Проведенное экспертами ранжирование значимости рисков на первые три места вывело риски экономической сферы, затем политической и социальной.

Так сложилось, что суждения и оценки по поводу значимости тех или иных угроз для страны, региона, населения и отдельного человека выносят эксперты, решения принимают управленческие структуры, а непосредственными «потребителями» учтенных (явных) и не просчитанных (скрытых) рисков являются люди и окружающая их природная и социальная среда.

Проблема соотношения экспертных оценок и оценок населения поставлена давно, и исследования зафиксировали здесь серьезные расхождения. Такие выводы в зарубежной управленческой практике послужили обоснованием разработки методологии и методики учета интересов населения в разработке и принятии управленческих решений в ситуациях риска — оформилась специфическая культура «рисковой коммуникации». В отечественной практике ее примеры единичны и в научных публикациях не анализируются.

Развитие культуры рисковой коммуникации зависит от мониторинговых социологических исследований. Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук с 2014 года провел шесть «волн» общероссийских опросов, данные которых доступны для анализа, в том числе с учетом проблематики социологии риска, т.е. определения тех сфер жизнедеятельности общества, которые в представлениях населения содержат самый большой объем рисков.

В инструментарии мониторинга содержался вопрос, в котором респондентам предлагалось высказаться по поводу того, каким образом менялось положение дел в ряде сфер жизни общества — улучшалось, не менялось, ухудшалось. Перечень интересующих исследователей сфер менялся, но во всех шести волнах замерялись позиции респондентов по девяти сферам: состояние экономики страны в целом; уровень жизни населения; моральное состояние общества; межнациональные отношения; международное положение страны; ситуация в области прав и свобод, развитие демократии; борьба с коррупцией, законность и правопорядок; ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура); борьба с терроризмом.

В статье за основу взяты данные первой волны, в которой респондентам предлагалось оценить изменения последних 10 лет (2005—2014), данные третьей волны — оценки за прошедший год (2015) и пятой волны — оценки за 3 года (2013—2015). Таблица с данными мониторинга трех волн содержит 81 ячейку, и для визуализации данных такой формат неприемлем, поэтому были просчитали рейтинги девяти сфер социальной жизнедеятельности только по позиции «положение ухудшилось» за период 2005—2014 и 2013—2015 годов (табл. 1).

Рейтинги сфер по позиции «положение дел ухудшилось»

Сферы	Период / Рейтинг	
	2005—2014	2013—2015
Состояние экономики страны	3	2
Уровень жизни населения	3	1
Моральное состояние общества	2	3
Межнациональные отношения	1	4
Международное положение страны	1	3
Ситуация в области прав и свобод, развитие демократии	4	5
Борьба с коррупцией, законность и правопорядок	3	4
Ситуация в социальной сфере (здравоохранение, образование, культура)	2	3
Борьба с терроризмом	5	5

Анализировать позиции респондентов по всем сферам трудоемко и в рамках одной статьи нецелесообразно, поэтому была выявлена та сфера, относительно которой доля негативных оценок возрастала постоянно, — это социальная сфера. Так, в 2014 году по отношению к предыдущим десяти годам респонденты оценили положение дел в этой сфере следующим образом: улучшилось — 25%, не изменилось — 41%, ухудшилось — 34%; в 2016 году зафиксированы оценки по отношению к периоду с 2013 по 2015 годы — 10%, 37%, 44% соответственно, при этом в инструментарии появилась позиция «затрудняюсь ответить» (9%), т.е. две позиции («улучшилось» и «не изменилось») потеряли 19%. Рискнем предположить, что затруднившиеся оценить направленность изменений просто ушли от отрицательного ответа.

Дальнейший анализ затрагивает только социальную сферу, которая содержит в себе фундаментальные социальные риски, в том числе стратегические.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ: ПОНЯТИЕ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

На макроуровне объектами социальных рисков выступают нации, государства и основные сферы жизнедеятельности общества; на социоструктурном уровне — социальные институты и группы; на уровне индивидов риски макроуровня и социоструктурные риски проявляются в особенностях качества жизни, социального самочувствия и защищенности. Обновляющаяся социальная среда характеризуется множеством разновекторных изменений, происходящих в российском обществе на социетальном уровне: наряду с несомненным модернизационным продвижением формируются области неопределенности с высокой вероятностью появления новых и усиления существовавших социальных рисков. В рамках принятой в системе управления чрезвычайными ситуациями концепции социальный риск трактуется как «парная» по отношению к индивидуальному риску категория: «индивидуальный риск представляет собой частоту, с которой индивид может понести определенный ущерб», а «социальный риск — отношение между частотой возникновения ущерба определенной величины и размером ущерба» [11. С. 234].

В наиболее полной и системной классификации рисков по источникам, факторам (среде возникновения) или причинам (природе) опасности/ущерба А.А. Быков и Б.Н. Порфирьев выделяют природные и антропогенные риски: вторые включают в себя социогенные риски, к одной из разновидностей которых относятся социальные риски (межличностные, внутригрупповые, межгрупповые) [1. С. 330]. С.М. Мягков выделяет социальные риски по источнику или адресату: «социальный по источнику риск, имеющий социальный же адресат, делится дополнительно на внешний и внутренний по отношению к группе людей, рассматриваемой как объект защиты». Внешний социальный риск для группы создается другими группами, внутренний — в самой группе [4. С. 8—9]. В литературе встречается и утверждение, что «групповой риск — риск, которому подвергается группа людей, социальный риск — риск ущерба для социальных систем» [6. С. 261]. «Понятие „социальный риск“ указывает, прежде всего, на сферу, в которой складывается и, возможно, осуществляется неблагоприятное для людей событие» [3. С. 15].

Социальные риски целесообразно интерпретировать как те, источник и адресат которых находится в социальной сфере — пространстве, где сходятся субъекты социального действия для предъявления своих потребностей и интересов и выработки механизмов управления процессами их удовлетворения. Социальная сфера включает в себя «ансамбль специфических социальных связей и отношений, а также совокупность социальных институтов, элементов инфраструктуры, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность человека и его развитие» [7. С. 71].

Специалисты фиксируют существенное ослабление самых фундаментальных функций социальной сферы — воспроизводства жизни (социальной повседневности) населения, его материального благополучия, физического, духовно-нравственного и психологического здоровья; опасный характер депопуляционных процессов, обнищание части населения, разрушение трудового потенциала, ухудшение социально-экологической ситуации, обострение угроз технологических аварий и катастроф [2].

Специфика социальных рисков состоит в том, что они раскалывают общество по критерию наличия ресурсов противостояния и адаптации к неопределенности и угрозам, углубляя социально-структурную дифференциацию. Мониторинговые исследования позволяют выявить и оценить ресурсы адаптации к рискам, в том числе в социальной сфере, которыми располагают различные категории населения, спрогнозировать динамику рисков и обосновать управленческие решения по снижению неравенства в обладании ресурсами адаптации к рискам и угрозам [9. С. 8].

Используя данные мониторинговых опросов населения России, проанализируем динамику ряда показателей — позиции респондентов относительно изменений в социальной сфере. Негативная динамика — предпосылка формирования областей неопределенности, обуславливающей вероятность рисков, а показатели — элементы ресурсов адаптации к рискам. Исследуются показатели, которые можно сконструировать на базе вопросов анкеты — они необходимы, но не достаточны, хотя и информативны. Кроме стандартных социально-демографических

показателей рассмотрим и несколько индивидуально-личностных: эмоционально-психологическое состояние, оценку обстановки в стране, уровень институционального доверия, уверенность в будущем, социальные ориентации и предпочтения, удовлетворенность разными сторонами жизни. Рассмотрим по этим показателям позиции трех совокупностей респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Распределение респондентов по оценкам изменений в социальной сфере

Положение дел в социальной сфере						
улучшилось		не изменилось		ухудшилось		затруднились ответить
2014 <i>n</i> = 989 25%	2016 <i>n</i> = 418 11%	2014 <i>n</i> = 1641 41%	2016 <i>n</i> = 1474 37%	2014 <i>n</i> = 1354 34%	2016 <i>n</i> = 1759 44%	2016 <i>n</i> = 349 8%

Для описания и интерпретации результатов необходимо присвоить условные обозначения совокупностям респондентов: тех, кто считает, что положение дел в социальной сфере улучшается, назовем «позитивными», ухудшается — «негативными», а тех, кто никаких изменений не замечает, — «сдержанными».

РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Респонденты, в 2014 году оценившие десятилетние изменения определенным образом, в 2016 году трехлетние изменения оценили практически так же. Возникает вопрос: на основе какой информации, кроме собственного повседневного опыта, респонденты оценивают ситуацию в стране. Основным источником информации служит центральное телевидение (более 80%); доля пользующихся Интернетом как информационным ресурсом выше в совокупности «позитивных» — 52% против 40% в других группах. При фактически одних и тех же источниках информации разница оценок ожидаема: очевидно, что оценивающие положение дел в социальной сфере как ухудшение, и ситуацию в стране характеризуют преимущественно как напряженную, кризисную (табл. 3). Анализ оценок перспектив развития страны на ближайшее будущее показал, что с 2014 по 2016 годы доли позитивных оценок не изменились: успешное движение вперед прогнозируют порядка 40% «позитивных», 25% «сдержанных» и 13% «негативных»; снизилась доля ожидающих трудных времен и увеличилась доля считающих, что ничего не изменится, что можно интерпретировать как определенное снижение «рискованности» социальной среды.

Таблица 3

Характеристика ситуации в России разными группами респондентов, в %

Ситуация в России	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Спокойная	48	47	38	36	23	22
Напряженная, кризисная	47	49	57	57	67	66
Катастрофическая	5	4	5	7	10	12

Однако доля испытывающих эмоциональный подъем невысока во всех трех группах. Доля характеризующих свое состояние как спокойное высока в двух первых группах и ожидаемо ниже в группе оценивающих изменения в социальной сфере как негативные: 60—50% против 37—40%. Доля «тревожных» снизилась, а доля «апатичных» увеличилась: с 5% до 14% среди «позитивных», с 9% до 19% среди «сдержанных», с 12% до 31% среди «негативных». Есть также раздраженные и озлобленные: в первых двух совокупностях их порядка 10%, а среди «негативных» — 15—18%. Данные показывают, что увеличение доли считающих, что ничего не изменится, связано не со снижением «рискованности» восприятия среды у части населения, а с изменением социального настроения — с тревожного на апатичный, а апатия — непродуктивный адаптационный ресурс.

Уровень институционального доверия имеет явную тенденцию к снижению, за исключением доверия президенту. При общей отрицательной динамике группа «негативных» характеризуется самыми низкими оценками. Слабая положительная динамика наблюдается по отношению к таким институтам, как органы внутренних дел и армия. Не изменился уровень доверия церкви (в границах 60/50/40% соответственно), судебной системе (38/29/15%), общественным организациям, телевидению и прессе. Соответственно, возникает вопрос о том, на кого респонденты полагаются в повседневной жизни (табл. 4).

Таблица 4

Опора в повседневной жизни респондентов, по-разному оценивающих положение дел в социальной сфере (в % по каждой группе)

Опора в повседневной жизни	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Смогут обеспечить себя и свою семью без помощи государства	47	53	46	48	40	38
Не выживут без помощи государства	53	47	54	52	60	62

Доля тех, кто может сам себя обеспечить, остается практически одинаковой, при том что в совокупности «негативных» доля ниже, чем в двух других. Та же тенденция наблюдается и по всем группам среди тех, кто утверждает, что не выживет без помощи государства. Для «расшифровки» позиций респондентов рассмотрим показатель их удовлетворенности разными сторонами повседневной жизни (табл. 5).

Во всех совокупностях самая высокая удовлетворенность фиксируется по позициям «отношения в семье» и «общение с друзьями», т.е. отношения в ближайшем окружении для респондентов — своеобразная область комфорта и защищенности. Удовлетворенность жизненными условиями выше по всем позициям в группе «позитивных», и это значимый адаптационный ресурс, чем бы удовлетворенность ни была обусловлена.

Таблица 5

Условия повседневной жизни респондентов, по-разному оценивающих положение дел в социальной сфере (доля положительных оценок по группам)

Условия повседневной жизни, оцениваемые на «хорошо» (удовлетворенность)	Характеристика изменений в социальной сфере					
	Положение дел					
	улучшилось		не изменилось		ухудшилось	
	2014	2016	2014	2016	2014	2016
Материальная обеспеченность	30	27	22	19	12	14
Питание	53	49	43	42	29	36
Одежда	40	39	31	31	21	25
Состояние здоровья	41	42	32	37	25	28
Жилищные условия	39	47	34	41	29	38
Отношения в семье	71	68	61	63	54	60
Возможности для досуга	41	38	33	31	21	27
Ситуация на работе	39	35	28	27	19	23
Проведение отпуска	33	30	23	20	14	18
Общение с друзьями	64	63	53	52	50	47
Реализация в профессии	43	36	29	28	19	23
Получение образования	39	38	27	30	18	21
Место, регион проживания	47	50	38	37	34	34
Положение, статус в обществе	45	46	36	35	26	30
Личная безопасность	42	47	29	37	24	27
Жизнь в целом	51	48	36	35	26	31
Экологическая ситуация в месте проживания	*	38	*	25	*	23
Выражение политических взглядов	*	39	*	30	*	21

* соответствующая позиция в анкете отсутствовала.

Различия между двумя совокупностями («позитивных» и «негативных») существенны и с годами усугубляются. Внутригрупповая динамика почти отсутствует, за исключением того, что среди «позитивных» уровень удовлетворенности жилищными условиями повысился, а реализации в профессии — снизился; среди «сдержанных» вырос уровень удовлетворенности и жилищными условиями, и личной безопасностью; среди «негативных» — удовлетворенность питанием и жилищными условиями. Представители совокупности, которая сформирована по критерию негативной оценки положения дел в социальной сфере, оказались наименее ресурсообеспеченными в противостоянии как социальным рискам, так и угрозам в других сферах.

В этой связи интересно рассмотреть сходства и различия сформированных совокупностей по базовым социологическим показателям. По признакам гендерной принадлежности, образования, занятости, типу места проживания, доходу группы существенно не отличаются. Почти половина опрошенных в каждой из них получает доход до 15 тысяч рублей в месяц, порядка 30% — от 16 до 25 тысяч, 11% — 26—35 тысяч, 5% — 36—45 тысяч, 3% — 46—55 тысяч. В совокупности «негативных» несколько выше доля респондентов в возрасте 56—75 лет по сравнению с «позитивными» (30% против 15%).

Дальнейшее углубление анализа возможно лишь отдельно по данным первой (2014) и пятой (2016) волн, так как интересующие нас показатели в инструментарии двух волн не совпадают. Рассмотрим ряд показателей мониторинга 2016 года (оценки за 2013—2015 годы) — интерес представляют переменные, по которым сформированные совокупности существенно различаются, поскольку они могут

дополнить интерпретацию оценок изменений в социальной сфере. Так, доля считающих, что напряженность в обществе за три предшествовавшие опросу года (2013—2015) снизилась, значительно выше в совокупности «позитивных» — 40% против 13% среди «негативных», считающих, что напряженность возрастает — 36% против 64%. Ухудшения материального положения ожидают 28% «позитивных» и 59% «негативных». Доля уверенных в своем будущем — 73% против 31%.

Оценивая динамику своих ощущений за последние 10 лет, респонденты отметили следующее: уверенность повысилась, страхи и тревоги ослабли у 39% «позитивных» и 9% «негативных»; стали менее уверенными, страхи усилились у 10% и 26%, соответственно; одни страхи ушли, другие возникли — 28% и 40%.

Перемены своего мировосприятия с личной и семейной жизнью связывают 14% «позитивных» и 8% «негативных», с переменами в обществе, стране — 27% и 41%, с возрастными изменениями — 38% и 29%. Желают существенных перемен, реформирования в экономической и политической сферах — 34% «позитивных» и 43% «негативных».

Данные опроса 2014 года позволяют выявить некоторые мировоззренческие особенности интересующих нас совокупностей. Так, среди «позитивных» доминируют сторонники сочетания сильного государства и рыночной экономики и возрождения страны на основе исторических и духовных традиций (более 50%); среди «сдержанных» на первом месте по частоте выборов позиция «никаким силам не симпатизирую» (около 25%) при значительной доле «ушедших» от ответа (порядка 18%); среди «негативных» также высока доля тех, кто никаким политическим силам не симпатизирует (около четверти). Пожалуй, можно утверждать, что для «позитивных» характерно более четкое общественно-политическое самоопределение.

Еще один вопрос мониторинга 2014 года позволяет судить о позициях представителей интересующих нас совокупностей относительно взаимоотношений общества и личности, где обнаруживаются существенные различия между «позитивными» и «негативными» (табл. 6).

Таблица 6

Суждения о взаимоотношениях личности и общества (доли по группам)

Суждения / позиции	Положение дел в социальной сфере	
	улучшилось	ухудшилось
Поддерживают перемены, жизнь в меняющемся обществе	60	44
Жизненный успех и неудачи зависят от самого человека, а не от внешних обстоятельств	63	47
Главное инициатива и предприимчивость, даже если окажешься в меньшинстве	59	52
Свобода человека в политических правах	38	45
Ради общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием	46	28
Людям следует ограничить личные интересы во имя интересов страны	53	38
Для жизненного успеха приходится переступать через моральные нормы	30	28
Человек должен жить в той стране, где ему нравится	44	45

Представители обеих групп склонны придерживаться моральных норм и принципов в процессе достижения жизненных целей, успеха, готовы оказаться в меньшинстве и нарушить традиции ради реализации своей инициативы, сходны их позиции относительно свободы выбора страны проживания. Однако существенны и различия: так, среди «позитивных» выше доля поддерживающих изменения, считающих, что успех зависит от самого человека, свободу связывающих с возможностью быть самим собой; в то же время «позитивные» утверждают, что личным надо жертвовать ради общественного (позиция для «других», не для себя).

Таким образом, выше были продемонстрированы возможности сравнительного анализа совокупностей респондентов, выделенных из общего массива данных по определенному (целевому) критерию — оценке вектора изменений в социальной сфере (положение дел улучшилось/не изменилось/ухудшилось).

Подобный целевой метод расширяет границы и возможности интерпретации данных мониторинговых «контекстных» опросов населения, позволяя выявить особенности на фоне общих тенденций. Так, сравнительный анализ установок двух противоположных по оценкам изменений в социальной сфере целевых групп («позитивных» и «негативных») показал, что восприятие условий среды у групп различается: низкие оценки напряженности в обществе в сочетании с высокими оценками уверенности в будущем являются мощным адаптационным ресурсом для представителей той группы, которую мы условно назвали «позитивными», поэтому они не хотят существенных перемен и реформ. Почти половина представителей той группы, которую мы условно назвали «негативными», напротив, настроена на радикальные перемены. Подчеркнем, что доля респондентов этой группы в общем массиве опрошенных составляла в 2016 году 44%, и среди них около четверти тех, кто никаким политическим силам не симпатизирует, и более 60% тех, кто не сможет выжить без помощи государства. Эта группа наименее ресурсообеспечена в противостоянии как социальным рискам, так и тем угрозам, которые формируются в других сферах жизнедеятельности общества. Факторами влияния на оценки всех групп являются не столько социально-демографические характеристики и не показатели уровня и качества жизни, сколько личностные и мировоззренческие показатели, особенно установка на помощь государства как основной адаптационный ресурс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Быков А.А., Порфирьев Б.Н.* Об анализе риска, концепциях и классификации рисков // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 3. № 4.
- [2] *Ковалев В.Н.* Социология управления социальной сферой. М., 2003.
- [3] *Кравченко С.А., Красиков С.А.* Социология риска: полипарадигмальный подход. М., 2004.
- [4] *Мягков С.М.* География природного риска. М., 1995.
- [5] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Репертуар страхов российского студента: по материалам эмпирического проекта // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2013. № 4.
- [6] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Страхи и опасения российского студенчества: возможности эмпирической фиксации // Теория и практика общественного развития. 2014. № 2.

- [7] *Осадчая Г.И.* Социология социальной сферы. М., 2003.
- [8] *Проценко А.Н.* Об основных принципах и механизмах управления региональной безопасностью // Проблемы анализа риска. 2006. Т. 3. № 3.
- [9] Российское общество и вызовы времени / Под ред. М.К Горшкова, В.В. Петухова. М., 2017.
- [10] Стратегические риски развития России: идентификация и оценка / Отв. ред. Б.Н. Порфирьев. М., 2010.
- [11] Стратегические риски России: оценка и прогноз / Под общ. ред. Ю.Л. Воробьева. М., 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-708-718

SOCIAL SPHERE: VECTORS OF CHANGE, RISKS, AND ADAPTATION RESOURCES (the results of all-Russian monitoring surveys)*

A.V. Mozgovaya

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24/35-5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: mozgovai@yandex.ru)

Abstract. The content of the concept ‘social risks’ has become a scientific problem for all areas of knowledge and social practices related to the study of uncertainty and its undesirable consequences. The author relies on the approach, according to which social risks should be interpreted as developing and manifesting themselves in the social sphere. The article analyzes the data of monitoring surveys of the Russian population conducted by the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences with the financial support of the Russian Science Foundation for the project “The dynamics of social transformation in contemporary Russia in the social-economic, political, social-cultural and ethno-religious contexts”. The article shows the dynamics of some indicators of the changes in the social sphere: in addition to standard social-demographic indicators, the author considers individual-personal ones such as emotional-psychological condition, assessment of the situation in the country, level of trust, confidence in the future, social orientations and preferences, satisfaction with different aspects of life. Based on the results of the analysis, the author makes conclusions of the theoretical and methodological character. For instance, the target-group analysis proved to be a method that expands boundaries and possibilities of interpreting data of the monitoring “contextual” opinion polls. Selection of subgroups of respondents according to the researcher interest allows to identify specific features within the general trends. The article shows that the group with negative assessments of social situation possesses the smallest resources to confront social risks and threats in all spheres of society. The estimates of the situation in the social sphere are determined not so much by social-demographic characteristics or the level and quality of life as by individual and world-view peculiarities, especially by the perception of the state as the main adaptation resource.

Key words: social sphere; estimates; risks; adaptation resources; dynamics; analysis of target groups

* © A.V. Mozgovaya, 2018.
The article was submitted on 21.05.2018.

REFERENCES

- [1] Bykov A.A., Porfiriev B.N. Ob analize riska, kontseptsiyah i klassifikatsii riskov [On risk analysis, concepts and classification of risks]. *Problemy Analiza Riska*. 2006; 3 (4) (In Russ.).
- [2] Kovalev V.N. *Sotsiologiya upravleniya sotsialnoi sferoi* [Sociology of Social Sphere Management]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [3] Kravchenko S.A., Krasikov S.A. *Sotsiologiya riska: poliparadigmalny podkhod* [Sociology of Risk: A Polyparadigmatic Approach]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [4] Myagkov S.M. *Geografiya prirodnogo riska* [Geography of Environmental Risk]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [5] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Repertuar strakhov rossiyskogo studenta: po materialam empiricheskogo proekta [The Russian students' fears repertoire: The results of an empirical project]. *RUDN Journal of Sociology*. 2013; 4 (In Russ.).
- [6] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Strakhi i opaseniya rossiyskogo studenchestva: vozmozhnosti empiricheskoy fiksatsii [Fears of the Russian students: An empirical study]. *RUDN Journal of Sociology*. 2014; 2 (In Russ.).
- [7] Osadchaya G.I. *Sotsiologiya sotsialnoi sfery* [Sociology of Social Sphere]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [8] Protsenko A.N. Ob osnovnykh printsipah i mekhanizmah upravleniya regionalnoi bezopasnostyu [Main principles and mechanisms of regional security management]. *Problemy Analiza Riska*. 2006; 3 (3) (In Russ.).
- [9] *Rossiiskoe obschestvo i vyzovy vremeni* [Russian Society and Challenges of the Time]. Pod red. M.K. Gorshkova, V.V. Petukhova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [10] *Strategicheskie riski razvitiya Rossii: identifikatsia i otsenka* [Strategic Risks for the Development of Russia: Identification and Assessment]. Otv. red. B.N. Porfiriev. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [11] *Strategicheskie riski Rossii: otsenka i prognoz* [Strategic Risks for Russia: Assessment and Forecast]. Pod obsch. red. Yu.L. Vorobieva. Moscow; 2005 (In Russ.).

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730

СОСТОЯНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР АНОМИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ*

Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова, А.О. Панфилова

Дальневосточный федеральный университет
ул. Суханова, 8, Владивосток, 690091, Россия
(e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru, orlova.na@dvfu.ru,
panfilova.ao@dvfu.ru)

В статье рассматриваются основные подходы к понятию «аномия» и черты ее проявления в современном обществе, анализируется система ценностей разных поколений россиян и их влияние на состояние аномии. Взросление ряда поколений россиян пришлось на смену социально-экономического и политического устройства страны, что вынудило их приспосабливаться и принимать иные ценности, чем сформированные в процессе социализации. Сегодня можно говорить о поколении, чьи ценностные координаты полностью сформировались в новых экономических и политических условиях. Кроме того, российское общество, еще не до конца преодолев трансформационные потрясения постсоветского периода, продолжает служить хорошей эмпирической базой для изучения аномии и сопутствующих ей явлений (отказа от социально одобряемых целей и/или способов их достижения). Эмпирическая основа статьи — данные авторского исследования 2017 года и Всемирного исследования ценностей по России. Эмпирические данные показывают, что влияние аномии проявляется во все возрастающем приоритете материальных и прагматичных ценностей, нарастающей индивидуализации социальных практик, социально детерминированных переживаниях одиночества и тревожности, устойчивых сомнениях в ценностном значении и необходимости честности, верности, скромности, совестливости, неопределенности или неоформленности стратегических ориентаций, а также в принятии разных форматов мертоновского ретритизма как способа преодоления негативных социально-психологических последствий аномического состояния общества. Эмпирические данные позволили подтвердить гипотезу о социально-типическом характере аномии, указать на некоторые сопутствующие ей явления и взаимосвязи, обозначить инструментальные возможности эмпирического изучения аномических тенденций. Также отмечена релевантность имеющейся эмпирической информации теоретическим принципам исследования аномии.

Ключевые слова: аномия; социальные ценности; ценностные ориентации; нормы; современное российское общество; одиночество; доверие

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ АНОМИИ

Социальная система общества регулируется при помощи норм, которые задают ее границы и устойчивость, направляют индивидов к принятию определенных ценностей и их практической реализации. В случае отсутствия системы ценностей и норм человек оказывается в ситуации безнормия или «ценностно-нормативного вакуума», т.е. аномии. Э. Дюркгейм обнаруживал ее на стыке двух систем ценно-

* © Костина Е.Ю., Орлова Н.А., Панфилова А.О., 2018.

Статья поступила в редакцию 26.07.2018 г.

стей и норм, когда старая уже изжила себя и не работает, а новая еще не сформировалась и не задает ценностные ориентиры действия [8]. Аномической является социальная система, в которой отсутствуют или крайне неустойчивы императивы и правила, регулирующие отношения индивида и общества [1. С. 145], а индивид следует социальным «нормам не потому, что это выгодно, а потому, что это следование становится самоцелью благодаря ярко выраженному эмоциональному отклику» [20. С. 252].

Р. Мертон усматривал причину аномии в рассогласовании декларируемых обществом целей (рост материального благосостояния, повышение социального статуса и т.д.) и предлагаемых институциональных средств их достижения [16]. Индивид сталкивается с тем, что имеющимися в его распоряжении средствами цель невозможно достичь, и это порождает у него состояние аномии. В такой ситуации человек прибегает к одному из видов поведения: конформизм (стереотипные реакции под давлением общества); ритуализм (бездумное сохранение институциональных норм); изоляция (выход из системы социальных связей); мятеж (внедрение новых целей и средств их достижения); инновация (использование неодобряемых, но эффективных средств).

Представители институциональной теории аномии С. Месснер и Р. Розенфельд видят причину аномии во все возрастающем влиянии экономики на социальные институты и в нарушении институционального баланса сил. Доминирование экономических институтов ослабляет остальные неэкономические институты и ведет к снижению социального контроля. «Господство экономики, присущее американскому рыночному обществу, проявляется ...в трех взаимосвязях» [28. С. 76]: во-первых, неэкономические институты «девальвированы» и их социальные функции подчинены экономическим интересам (например, образование имеет ценность только для трудоустройства и получения зарплаты); во-вторых, социальные институты приспособляются к требованиям и изменениям экономики; в-третьих, меняется «американская мечта» — нормативные ограничения теряют силу и определяющим становится достижение цели любыми средствами. Таким образом, аномия — это одержимость экономическим успехом.

Казалось бы, аномия имеет ряд преимуществ — нет социальных норм, делай, что хочешь, а победителей, как известно, не судят. Однако безнормность стирает границы дозволенного и лишает прав и возможностей, что порождает чувство беспомощности и незащищенности: «Отсутствие или простая неясность норм — аномия — это худшая участь, которая может выпасть людям, когда они стараются решить свои жизненные задачи. Нормы дают возможность, поскольку они лишают возможности; аномия предвещает лишение прав, полнейшее и простое» [1. С. 27]. Характерное для современного общества состояние текучести становится нормой, следовательно, аномия стала обыденностью, а размытость ценностей и норм — важнейшей характеристикой современного социума. Так, появились «объективные факторы глобального порядка, способствующие превращению безнормия, по существу, в норму современной жизни» [12. С. 18]. Этот процесс затрагивает все общества и характеризуется появлением не-мест, не-людей, не-вещей, не-еды,

не-услуг, не-знаний и не-событий, которые порождают «нормальную» аномию. Ряд исследователей считает, что общество, которое мы знаем, обречено, и ближайшие 25—50 лет существующая социальная система распадается и сменится пока еще неясной альтернативой [2].

С.А. Кравченко указывает, что аномия как постоянное «нормальное» социальное явление «ведет к расширяющейся совокупности уязвимостей для социума в виде побочных эффектов инновационной, рационально-прагматической деятельности человека» [13. С. 3]. Если в индустриальном обществе тяга человека к риску, выбор деятельности или активностей, сопряженных с повышенным риском, считались девиацией, то сейчас можно говорить о добровольном принятии людьми риска как нормы. С другой стороны, не стоит забывать, что «онтологической безопасностью» для человека является ощущение стабильности и упорядоченности окружающего мира, уверенность в завтрашнем дне [4]. Но в современном мире процессы глобализации и модернизации снижают уровень социального доверия и порождают социальную изоляцию и аномию: «существует широкая и растущая брешь между общественным положением людей де-юре и их возможностью стать индивидами де-факто, т.е. управлять своей судьбой и выбирать варианты, которые они действительно желают» [1. С. 47]. Аномия — это «двойная жизнь как норма» [11. С. 9].

В целом относительно понятия аномия сложилось две традиции. Первая берет начало от Э. Дюркгейма и рассматривает аномию как социальное явление, состояние общества, когда распадается существовавшая система ценностей и норм, что приводит к отсутствию социального порядка и дезинтеграции. Вторая традиция [см., напр.: 28] описывает аномию как явление индивидуальное, психологическое, как чувство потери ориентации в жизни, часто вызванное необходимостью следовать противоречащим друг другу социальным нормам. Р.М. Макайвер [27] характеризует данное состояние как чувство социального разъединения и опустошения в результате утраты ощущения принадлежности к обществу, следовательно, если оно принимает массовый характер, то большие группы людей как бы выпадают из общества.

Состояние социальной аномии неизбежно усиливается, когда происходят серьезные изменения, затрагивающие социальную структуру и нормы, причем характер трансформаций не так важен: революция или реформы, регресс или прогресс — все они создают благоприятные условия для ослабления интегрирующих сил и усиления дезинтегрирующих. Например, в истории современного российского общества такими изменениями следует признать события перестройки и переход к рыночным отношениям, которые привели к столь серьезным сдвигам в макросоциальных и микросоциальных процессах, что многие россияне ощущали себя иммигрантами в собственной стране [19. С. 82]. Отчасти российское общество заплатило за радикальные экономические реформы «пренебрежением нравственно-психологическим миром человека» [16. С. 63], поскольку принцип «победителей не судят» стал на долгое время главенствующим. Обществу была навязана идея о необходимости создания класса собственников любой ценой, что

снимало с «выигравших» любые моральные ограничения при «создании» первоначального капитала. Во многом именно несправедливым переделом собственности многие авторы объясняют непринятие населением рыночных реформ: большая часть населения, воспитанная в других ценностях, «психологически не воспринимает и не принимает тот социально-экономический уклад, который возник в стране после реформ 1990-х годов» [17. С. 61].

Общество в состоянии аномии характеризуется дезинтеграцией и дерегулированием — отсутствием доверия и разрушением моральных стандартов [30]. Ф. Фукуяма подчеркивает, что формируется своеобразный замкнутый круг, вызванный деградацией социальных ценностей, ранее скреплявших общество, что приводит к утрате семейных ценностей и чувства защищенности из-за роста преступности, а, как следствие, снижается уровень доверия и сотрудничества [20; 21]. Социальные ценности — фундамент доверия в обществе, определяющий характер социальных отношений, способствующий установлению горизонтальных и вертикальных связей, поддержанию устойчивости и интегрированности общества [22. С. 8]. Доверие — основа солидарности и сотрудничества, поддержания единой системы ценностей и противодействия нарушению социальных норм. Уровень доверия во многих странах сегодня снижается, поскольку глобализационные процессы порождают социальную изоляцию и аномию. Так, в международном рейтинге институционального доверия Россия занимает последние позиции: 36—37% в 2013—2014 годы, 45% — в 2015, 42% — в 2016 [31], т.е. общество не готово к интеграции и поддержанию коллективных целей.

Волна потребительства захлестнула Россию после перехода к капиталистическому укладу, что породило меркантильный индивидуализм и утрату социальной солидарности: «материально-вещное окружение современного человека стало необычайно разнообразным, а типы отношений между людьми, наоборот, более однообразными, функциональными, а не эмоционально-духовными, возвышающими, укрепляющими жизненные силы» [5. С. 75]. «Потребительское общество из-за деконсолидированности представляет собой совокупность индивидов как целое, которое меньше суммы своих частей» [10. С. 113]. Кроме того, изменились не только масштабы, но и суть потребления: люди приобретают вещи не столько для удовлетворения базовых витальных потребностей или повышения качества жизни, сколько для демонстрации социального статуса, который ассоциируется с престижностью вещи. Такое потребление «в принципе не может быть удовлетворено так, как это происходит в классическом понимании процесса потребления, где главным выступает не использование вещи, а сам акт покупки, который и является актом строительства и воспроизводства собственной идентичности» [18. С. 61]. Это приводит к дроблению, фрагментации идентичностей и их неустойчивости, а на уровне общества — к «эпохе меньшинств» [18. С. 64].

Фетиш денег, лежащий в основе «американской мечты» и порождающий все нарастающее потребление, стал единственным показателем личного успеха, перебрался через океан и доминирует во многих капиталистических обществах. А индивидуализм как ценность американского общества вместе с ориентацией

на достижения усугубляет состояние аномии, так как сталкивает людей — каждый стремится максимизировать денежную прибыль и самооценку [28. С. 69]. Следует помнить, что западное общество позиционирует себя как общество равных возможностей, а такой принцип универсализма подчеркивает личную ответственность за достижение цели, соответственно, недоступность одобряемых средств сегодня не является оправданием для неуспешности индивида.

ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Э. Дюркгейм считал, что ценность «проистекает из связи вещей с различными аспектами идеала» [9. С. 301]. Соответственно, вещи имеют ценность, если отображают какой-либо аспект идеального, и чем больше вещь воплощает в себе идеал, тем большую ценность она представляет. Социальные идеалы могут формулироваться «только в языке и через язык, представляющий собой вещь в высшей степени коллективную» [9. С. 295], «осознавать самих себя только при условии, что они фиксируются в вещах, которые можно всем увидеть, всем понять, всем представить» [9. С. 300].

Реформы 1990-х годов коренным образом изменили российское общество — социальную структуру, мобильность, институты, отношения и, конечно, ценности. С.Г. Кара-Мурза выделяет здесь четыре раскола [11], которые породили аномию: раскол между бедными и богатыми, между поколениями, мировоззренческий и этнокультурный. На наш взгляд, их нельзя разделять, так как они имеют единые корни — кардинальные изменения социально-экономической и политической системы государства, глубина и масштабность которых обусловили «феноменально низкий уровень субъективного благополучия» в странах бывшего Советского Союза [26. С. 218].

Достигнув зрелости, человек не склонен менять свои ценности, а стремится сохранить усвоенные, но социально-экономические перемены не могут не оказывать влияние на жизненный опыт и ценности индивида. Согласно Р. Инглхарту фундаментальная смена ценностей происходит постепенно — по мере того, как на смену прежним поколениям приходит молодое [25. С. 132]. Различия в ценностях поколений характерны не только для западноевропейского общества, поскольку во всех социальных системах опыт младших возрастных когорт существенно отличается от того, что сформировал старшие поколения [25. С. 145].

О постоянном изменении «господствующих» ценностей можно судить по результатам Всемирного исследования ценностей, которое проводится на всех континентах с 1981 года. Изменения ценностей в результате социально-экономических реформ затрагивают в первую очередь тех, чье формирование приходится на данный период, и новые ценности начинают доминировать лишь спустя 15—18 лет после начала преобразований [15. С. 146].

Считается, что базовая структура ценностей человека кристаллизуется к совершеннолетию и после достижения зрелости почти не меняется [25. С. 132]. Люди склонны принимать те ценности, что воспринимали в ходе социализации,

поэтому люди, чье взросление происходило в разных условиях, будут демонстрировать разный набор базовых ценностей, а при смене поколений будет происходить и смена базовых ценностей общества.

В российском обществе можно выделить три когорты, чьи ценности сформировались в разных условиях. Первая группа — поколение, чьи базовые ценности сложились еще в Советском Союзе (к моменту перестройки они были старше 15 лет), в советской системе воспитания (октябрята, пионерия, комсомол). Вторая когорта — своеобразное «переходное» поколение, чье рождение пришлось на 1970—1985 годы: оно лишь частично ощутило на себе влияние советской системы воспитания, столкнулось с необходимостью пересмотра еще не до конца сформировавшихся ценностей и адаптации к новым социально-экономическим и политическим условиям. Формирование базовых ценностей и образцов поведения данного поколения происходило в ситуации аномии. Третья социально-демографическая группа — те, чье рождение и взросление пришлось на период после начала перестройки, на новые политические и экономические условия, к которым им не нужно было адаптироваться [см., напр: 19].

Данная модель возрастной дифференциации легла в основу исследовательской гипотезы о неоднородности изменений в ценностной структуре у разных поколений приморцев: 18—30 лет, 31—45 лет, 46—75 лет. Генеральная совокупность — 1923,1 тысяч человек, выборочная совокупность — 918 человек. Опрос проводился по авторской методике и методике измерения ценностных ориентаций Ш. Шварца на базе Дальневосточного федерального университета (Владивосток) в сентябре 2017 года.

Наиболее неожиданным результатом стало затруднение значительной доли респондентов в ранжировании ценностей как руководящих жизненных принципов (табл. 1): 28%, 22% и 14%, соответственно, в молодой (1 группа), средней (2 группа) и старшей (3 группа) подвыборках. Часть респондентов отметили, что не вполне понимают или отрицают для себя конструкт «руководящие жизненные принципы», часть затруднилась их обозначить, часть указала на отсутствие таковых в данный период.

Ранжирование респондентами предложенных ценностей представлено в таблице 2.

Таблица 1

**Отношение респондентов к конструкту
«ценности как руководящие жизненные принципы», %**

Варианты ответов	18—35 (молодежная подгруппа)	36—45 (подгруппа среднего возраста)	46—75 (подгруппа старшего возраста)
Затруднились ранжировать ценности как руководящие жизненные принципы	28	22	14
Отрицают актуальность / существование в данный момент таких принципов	22	14	3
Не понимают сути конструкта	8	11	2

Таблица 2

Ранжирование ценностей тремя группами респондентов, %

Ценности	Молодежная подгруппа	Подгруппа среднего возраста	Подгруппа старшего возраста
Свобода (как возможность личного выбора)	64	57	38
Смысл жизни как:			
наличие жизненных целей и ориентиров	32	62	50
удовольствие от жизни	36	54	36
богатство / материальная независимость	66	62	58
жизнь, полная впечатлений (новизна ощущений, яркость жизни, «нескучность»)	28	16	13
внутренняя гармония (быть в мире с самим собой)	12	56	74
социальная сила (контроль над другими, доминантность)	18	28	12
равенство как наличие равных возможностей	10	45	59
социальное признание как одобрение и уважение других	16	42	28
личный авторитет (для других)	12	28	24

У респондентов первой группы преобладающими ценностями стали: богатство и материальная независимость; свобода; смысл жизни, понимаемый, в первую очередь, как наличие жизненных целей; удовольствие; жизнь, полная впечатлений, и стремление к новым ощущениям и новизне. Реже отмечались в этой группе ценности равенства как равных возможностей для всех; социального признания как одобрения и уважения других; авторитета. В этой группе выражена ориентация на ценности гедонистического характера, а также тяготение к соответствующим целям. П. Линке отмечает, что с перестроечного времени молодые люди сосредотачивают свое внимание на точечных задачах «здесь и сейчас», их не интересуют грандиозные проекты [14].

Среди качеств, наиболее социально пригодных и важных (табл. 3), молодые респонденты отмечают, прежде всего, здоровье — физическое и душевное; самостоятельность и смелость; успешность — как способность достигать целей и возможность выбирать и ставить собственные цели. Примечательна низкая востребованность таких качеств, как честность, послушность, полезность и скромность, т.е. работа на благо других, особенно на фоне самостоятельности, влиятельности, целеустремленности.

Таблица 3

Качества, наиболее востребованные респондентами, %

Качества в ценностном измерении	Молодежная подгруппа	Подгруппа среднего возраста	Подгруппа старшего возраста
Здоровый (не больной физически или душевно)	85	96	96
Успешный (достигающий цели)	81	72	64
Смелый (ищущий приключений, риск)	66	32	16
Самостоятельный (надеющийся на себя, самодостаточный)	76	56	47
Выбирающий собственные цели (руководствующийся собственными намерениями)	58	46	23
Принимающий жизнь (подчиняющийся жизненным обстоятельствам)	12	56	74
Честный (откровенный, искренний)	8	28	36
Наслаждающийся жизнью (наслаждение едой, развлечениями, близостью и т.д.)	40	25	19
Скромный (простой, не стремящийся привлечь к себе внимание)	8	22	38
Влиятельный (имеющий влияние на людей и события)	42	28	24
Полезный (работающий на благо других)	12	30	57
Послушный (исполнительный, подчиняющийся правилам, предсказуемый)	10	33	42

В средней группе (как и в старшей) бесспорным лидером выступает здоровье, но прочие акценты несколько иные: востребованы успешность, самостоятельность, но выше ценится и способность принимать жизнь и подчиняться ее обстоятельствам. Адаптивность — качество, гораздо более присущее старшим респондентам. В целом с возрастом снижается важность гедонистических мотивов и возрастает значение честности, цельности характера, полезности в ее альтруистическом смысле. Вместе с тем выраженная ориентация на материальные ценности отличает представителей всех групп.

Абсолютное большинство (с незначительными колебаниями) отметили высокую личную значимость базовых ценностей — крепкой семьи и детей, надежных друзей, взаимной поддержки и занятия любимым делом, что выступает безусловной основой социальных и личностных устремлений практически любого человека. Профессионализм и престижность работы увязываются, в первую очередь, с карьерными устремлениями и достойным заработком, а затем — с личностной самореализацией. В таблице 4 представлены личные устремления респондентов на момент опроса. Карьерные устремления и достойный заработок представлены у всех групп: приобрести собственную квартиру (дом) хотя бы после 2—3 (максимум) лет непрерывной работы; покупать то, что действительно хочется и когда хочется (не откладывая покупку и не размышляя над практической надобностью вещи); путешествия в разные страны мира, хотя бы 2—3 раза в год; ощущение стабильности и защищенности.

Таблица 4

Личные устремления респондентов

18—35 лет	36—45 лет	46—75 лет
Закончить обучение / получить специальность / реализовать себя в деле	Поддержка / обеспечение материального благополучия	Поддержка, помощь близким / воспитание детей / внуков
Начать зарабатывать (для тех, кто еще не работает) / зарабатывать больше (для работающих) / строить карьеру	Психологическая стабильность / спокойствие / душевное равновесие	Психологическая стабильность / спокойствие / душевное равновесие
Поиск любви / создание семьи / поддержание дружбы	Достойное воспитание / обучение детей	Личный заработок / любимое занятие

Структура ответов позволила предположить, что в определенной мере сформированность и проявления материалистичности и прагматизма компенсаторны — на фоне приведенных ниже переживаний и состояний, хотя следует отметить и присутствие факторов финансовой независимости и покупательской активности в их взаимосвязи с восприятием свободы и душевного спокойствия. Среди представителей старшей подгруппы более заметна ориентация на душевное равновесие, спокойствие и психологический комфорт, отсутствие напряженности и чувства беспокойства, а склонность к риску, новизне ощущений, повышение покупательской активности, наоборот, выражены в этой группе в меньшей степени. Значительная часть респондентов, особенно среднего и старшего возраста, отметила частые переживания беспокойства, тревожности, личной неспособности повлиять на окружающий мир или ситуации, служащие источниками этих переживаний. Деньги и связанные с ними возможности выступают единственным доступным

способом защиты от внешних вызовов и опасностей. Согласия с суждениями, что «цель оправдывает средства», «я часто чувствую себя одиноким», «все вокруг очень неопределенно, может случиться что угодно», «доверять кому-то сейчас очень сложно и опасно» и т.п. показывают высокую психологическую уязвимость человека, глубину личностного переживания незащищенности и нереализованность ценности доверия.

Важнейшим индикатором социальной аномии выступает уровень одиночества. Около трети респондентов (24%, 33% и 28% по возрастным группам, соответственно) часто испытывают чувство одиночества как «невписанности» в общественные параметры, отчужденности от «истинного» и «полноценного» ритма жизни, невозможности ему следовать. Почти в половине случаев на ощущение неприспособленности к современному ритму жизни, неопределенности ориентиров и идеалов накладывалось непонимание реальной цены и ценности происходящего и, что особенно показательно, нежелание их знать.

Тем не менее, вполне предсказуемо для молодежи характерен большой социальный оптимизм, желание сделать жизнь более насыщенной, яркой и интересной. Несколько больший уровень тревожности продемонстрировали респонденты старшего возраста, наибольшую востребованность карьерных и финансовых достижений — представители средней когорты. Однако в целом влияние аномии фиксируется у всех трех групп в высокой материалистичности и прагматичности ценностной структуры и индивидуализации социальных практик. По сути, такие особенности мотивационных установок и поведенческих практик говорят о выборе в качестве формата адаптации к аномической действительности мертоновского ретритизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] Бауман З. *Текучая современность*. СПб., 2008.
- [2] Валерстайн Э. *Конец знакомого мира: Социология XXI века*. М., 2004.
- [3] Владимирова Т.В. Развитие структур накопления и ускорения девиации как условие безопасности общества // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2012. Т. XV. № 2.
- [4] Гидденс Э. *Устроение общества: Очерк теории структуризации*. М., 2005.
- [5] Глухова Т.И. Потребление как фактор изменений в социальной жизни российского общества // *Журнал социологии социальной антропологии*. 2011. Т. XIV. № 5.
- [6] Громов И.А., Лукьянов В.Г. *Методология научного познания и теория ценностей Э. Дюркгейма* // *Социологические исследования*. 2010. № 8.
- [7] Дюркгейм Э. *О разделении общественного труда. Метод социологии*. М., 1991.
- [8] Дюркгейм Э. *Самоубийство: социологический этюд*. М., 1994.
- [9] Дюркгейм Э. *Социология. Ее предмет, метод, предназначение*. М., 1995.
- [10] Ильин А.Н. Деконсолидация и деполитизация, характерные для общества потребления // *Социологический журнал*. 2014. № 3.
- [11] Кара-Мурза С.Г. *Аномия в России: причины и проявления*. М., 2013.
- [12] Кравченко С.А. «Нормальная аномия»: производство «ничто» // *Вестник Института социологии РАН*. 2015. № 3.
- [13] Кравченко С.А. Сосуществование рискофобии и рискофилии — проявление «нормальной аномии» // *Социологические исследования*. 2017. № 2.
- [14] Линке П. Потерянное поколение в мастерской будущего // *Альтернативы*. 2012. № 1.

- [15] *Мастикова Н.С.* Ценности россиян и жителей европейских стран-лидеров (по данным европейского социального исследования) // *Мониторинг общественного мнения*. 2013. № 5.
- [16] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М., 2006.
- [17] *Симомян Р.Х.* Российские экономические реформы 1990-х годов: психологические аспекты // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 3.
- [18] *Смирнов В.Э.* Потребительство и «борьба» с ним (социально-экономический подход) // *Социология*. 2016. № 4.
- [19] *Федотова Н.Н.* Мультикультурализм и политика развития // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2006. Т. IX. № 3.
- [20] *Фукуяма Ф.* Великий разрыв. М., 2004.
- [21] *Фукуяма Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
- [22] *Шабунова А.А., Гужавина Т.А., Кожина Т.П.* Доверие и общественное развитие в России // *Проблемы развития территории*. 2015. № 2.
- [23] *Chamlin M.B., Cochran J.K.* An evaluation of the assumptions that underlie institutional anomie theory // *Theoretical Criminology*. 2007. No. 11.
- [24] *Hughes L.A., Schaible L.M., Gibbs B.R.* Economic dominance, the “American Dream”, and homicide: A cross-national test of institutional anomie theory // *Sociological Inquiry*. 2015. Vol. 85. No. 1.
- [25] *Inglehart R.F.* Changing values among western publics from 1970 to 2006 // *West European Politics*. 2008. Vol. 31. No. 1—2.
- [26] *Inglehart R.F.* Globalization and postmodern values // *Washington Quarterly*. 2000. Vol. 23. No. 1.
- [27] *MacIver R.M.* *The Ramparts We Guard*. New York, 1950.
- [28] *Messner S.F., Rosenfeld R.* *Crime and the American Dream*. Belmont, 2007.
- [29] *Srole L.* Social integration and certain corollaries: An exploratory study // *American Sociological Review*. 1956. Vol. 21. No. 6.
- [30] *Teymoori A. et al.* Revisiting the measurement of anomie // *PLoS ONE*. 2016. Vol. 11. No. 7.
- [31] *Trust Barometer. Annual Global Study* // <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-719-730

THE STATE OF VALUE SYSTEM AS A FACTOR OF ANOMIE IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY*

E.Yu. Kostina, N.A. Orlova, A.O. Panfilova

Far Eastern Federal University
Sukhanova St., 8, Vladivostok, 690091, Russia
(e-mail: kostina.eyu@dvfu.ru, orlova.na@dvfu.ru,
panfilova.ao@dvfu.ru)

Abstract. The article considers main approaches to the concept ‘anomie’ and its manifestations in the contemporary society, analyzes the system of values of different generations in Russia and their influence on the state of anomie. The maturing of a number of Russian generations was influenced by the radical changes in the country’s social-economic and political structure, which forced generations

* © E.Yu. Kostina, N.A. Orlova, A.O. Panfilova, 2018.

The article was submitted on 26.07.2018.

to adapt and to accept other values than those formed in the process of socialization. Today we can identify a generation whose value orientations were formed in the new economic and political conditions. Moreover, the Russian society has not yet overcome the transformational upheavals of the post-Soviet period, thus, it continues to serve as a good empirical base to study anomie and its concomitant phenomena (rejection of socially approved goals and/or ways to achieve them). The empirical basis of the article is the data of the 2017 authors' survey and the Russian data of the World Values Survey. Empirical data show that anomie manifests itself in the increasing priority of material and pragmatic values, growing individualization of social practices, socially determined experiences of loneliness and anxiety, persistent doubts about the value and necessity of honesty, loyalty, modesty and conscientiousness, uncertainty or lack of strategic orientations, and in accepting different formats of R. Merton's reitritism as a way to overcome negative social-psychological consequences of the anomic state of society. Empirical data allowed the authors to confirm the hypothesis of the social-typical nature of anomie, describe some phenomena and interconnections related to the anomic situation, and identify instrumental possibilities of the empirical study of anomic tendencies. The authors also emphasize relevance of the available empirical data to the theoretical principles of the sociological study of anomie.

Key words: anomie; social values; value orientations; social norms; contemporary Russian society; loneliness; trust

REFERENCES

- [1] Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Liquid Modernity]. Saint Petersburg; 2008 (In Russ.).
- [2] Wallerstein I. *Konets znakomogo mira: Sotsiologiya XXI veka* [The End of the World as We Know It. Social Science for the Twenty-First Century]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [3] Vladimirova T.V. Razvitie struktur nakopleniya i uskoreniya deviatsii kak uslovie bezopasnosti obschestva [Development of the structures of accumulation and acceleration of deviation as a public safety condition]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2012; XV (2) (In Russ.).
- [4] Giddens E. *Ustroyenie obschestva: Ocherk teorii strukturatsii* [The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [5] Glukhova T.I. Potreblenie kak faktor izmeneniy v sotsialnoy zhizni rossiyskogo obschestva [Consumption as a factor of changes in the life of Russian society]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2011; XIV (5) (In Russ.).
- [6] Gromov I.A., Lukyanov V.G. Metodologiya nauchnogo poznaniya i teoriya tsennostey E. Durkheima [Methodology of scientific knowledge and E. Durkheim's theory of values]. *Sosiologicheskie Issledovaniya*. 2010; 8 (In Russ.).
- [7] Durkheim E. *O razdelenii obschestvennogo truda. Metod sotsiologii* [The Division of Labor in Society. The Rules of Sociological Method]. Moscow; 1991 (In Russ.).
- [8] Durkheim E. *Samoubiystvo: sotsiologicheskiy etyud* [Suicide]. Moscow; 1994 (In Russ.).
- [9] Durkheim E. *Sotsiologiya. Ee predmet, metod, prednaznachenie* [Sociology. Its Subject, Method, Purpose]. Moscow; 1995 (In Russ.).
- [10] Ilyin A.N. Dekonsolidatsiya i depolitizatsiya, kharakternye dlya obschestva potrebleniya [Deconsolidation and depoliticization typical for the consumer society]. *Sociologicheskiy Zhurnal*. 2014; 3 (In Russ.).
- [11] Kara-Murza S.G. *Anomia v Rossii: prichiny i proyavleniya* [Anomie in Russia: Causes and Manifestations]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [12] Kravchenko S.A. 'Normalnaya anomia': proizvodstvo 'nichts' ['Normal anomie': The production of 'nothing']. *Vestnik Instituta Sociologii RAN*. 2015; 3 (11) (In Russ.).
- [13] Kravchenko S.A. Sosuschestvovaniye riskofobii i riskofilii — proyavlenie 'normalnoy anomii' [The coexistence of riskophobia and riskophilia is a manifestation of 'normal anomie']. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2017; 2 (In Russ.).
- [14] Linke P. Poteryannoe pokolenie v masterskoy buduschego [The lost generation in the workshop of the future]. *Alternativy*. 2012; 1 (In Russ.).

- [15] Mastikova N.S. Tsennosti rossiyan i zhitel'ev evropeyskikh stran-liderov (po dannym evropeyskogo sotsialnogo issledovaniya) [Values of the Russians and residents of European countries-leaders (according to the European Social Survey)]. *Monitoring Obschestvennogo Mneniya*. 2013; 5 (In Russ.).
- [16] Merton R. *Sotsialnaya teoriya i sotsialnaya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow; 2006 (In Russ.).
- [17] Simonyan R.Kh. Rossiyskie ekonomicheskie reformy 1990-h godov: psikhologicheskie aspekty [Russian economic reforms of the 1990s: Psychological aspects]. *Psikhologicheskyy Zhurnal*. 2013; 34 (3) (In Russ.).
- [18] Smirnov V.E. Potrebitel'stvo i "borba" s nim (sotsialno-ekonomichesky podkhod) [Consumerism and "struggle" with it (a social-economic approach)]. *Sociologiya*. 2016; 4 (In Russ.).
- [19] Fedotova N.N. Multikulturalizm i politika razvitiya [Multiculturalism and development policy]. *Zhurnal Sociologii i Socialnoj Antropologii*. 2006; IX (3) (In Russ.).
- [20] Fukuyama F. *Velikiy razryv* [The Great Gap]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [21] Fukuyama F. *Doverie: sotsialnye dobrodeteli i put k protsvetaniyu* [Trust: Social Virtues and the Path to Prosperity]. Moscow; 2004 (In Russ.).
- [22] Shabunova A.A., Guzhavina T.A., Kozhina T.P. Doverie i obschestvennoe razvitie v Rossii [Trust and social development in Russia]. *Problemy Razvitiya Territorii*. 2015; 2 (In Russ.).
- [23] Chamlin M.B., Cochran J.K. An evaluation of the assumptions that underlie institutional anomie theory. *Theoretical Criminology*. 2007; 11 (1).
- [24] Hughes L.A., Schaible L.M., Gibbs B.R. Economic dominance, the "American Dream," and homicide: A cross-national test of institutional anomie theory. *Sociological Inquiry*. 2015; 85 (1).
- [25] Inglehart R.F. Changing values among western publics from 1970 to 2006. *West European Politics*. 2008; 31 (1—2).
- [26] Inglehart R.F. Globalization and postmodern values. *Washington Quarterly*. 2000; 23 (1).
- [27] MacIver R.M. *The Ramparts We Guard*. New York; 1950.
- [28] Messner S.F., Rosenfeld R. *Crime and the American Dream*. Belmont; 2007.
- [29] Srole L. Social integration and certain corollaries: An exploratory study. *American Sociological Review*. 1956; 21 (6).
- [30] Teymoori A. et al. Revisiting the measurement of anomie. *PLoS ONE*. 2016; 11 (7).
- [31] Trust Barometer. Annual Global Study. <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property>.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКИХ РАЙОНОВ РОССИИ: ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ И ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО КЕЙС-СТАДИ*

О.Б. Божков¹, И.В. Троцук^{2,3}

¹Социологический институт (филиал ФНИСЦ) РАН
ул. 7-я Красноармейская, 25/14, Санкт-Петербург, 190005, Россия

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

³Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119571, Россия
(e-mail: olegbozh@gmail.com; irina.trotsuk@yandex.ru)

В статье представлены первые результаты полевых экспедиций 2018 года в рамках проекта, нацеленного на оценку проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых социальных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия и роли в сохранении и стабилизации положения сельских территорий. Анализ практик согласования интересов местной власти и предпринимательства на локальном уровне важен для отслеживания соотношения формального и неформального в жизни сельских территорий, поскольку реальные механизмы взаимодействия властных институций и ключевых акторов местных сообществ нередко отличаются от нормативно установленных правил, если формальные инструменты не в состоянии решить проблемы сельского социума. Запланированный трехлетний исследовательский цикл призван повторить полевые экспедиции десятилетней давности, т.е. речь идет о повторном кейс-стади, в котором сочетаются количественный и качественный подходы (статистические данные и методы включенного наблюдения и полуформализованных интервью), а в качестве кейса выступают конкретные населенные пункты, репрезентирующие особенности нечерноземных регионов России (зона «черных пятен» российского пространства, где процессы депопуляции приобрели практически необратимый характер). Авторы кратко суммируют выводы первых полевых экспедиций (кардинальное изменение состава властных структур и набора их полномочий, разрушение экономических связей, зависимое положение местного самоуправления в силу его финансовой и правовой несостоятельности и т.д.), чтобы обрисовать контекст сравнительного анализа, и описывают свои первые впечатления о нынешней полевой экспедиции по старым адресам (сопоставлены масштабы и успешность предпринимательской деятельности в разных районах, обозначены факторы, таковые детерминирующие, — героические усилия местных властей, появление новых молодых и активных предпринимателей, переориентация производства на более востребованные и коммерчески успешные ниши и т.д.).

Ключевые слова: социология села; административные реформы; социально-экономические последствия; местное самоуправление; сельскохозяйственное производство; взаимодействие сельского бизнеса и власти

* © Божков О.Б., Троцук И.В., 2018.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00568 «Модели взаимодействия сельскохозяйственного бизнеса и местной власти: механизмы воспроизводства предпринимательского слоя и элементов неформальной экономики в зоне Нечерноземья».

Статья поступила в редакцию 26.08.2018 г.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

В последние годы российские средства массовой информации часто используют «мифологизаторский» дискурс для описания сельской жизни, причем он вариативен и может содержать как позитивные (спокойная деревенская жизнь на лоне природы), так и негативные оценки (депрессивные опустевшие деревни), манипулируя и объективными данными, и жанровыми журналистскими зарисовками по мотивам «включенного наблюдения». Отчасти привлекательность и устойчивость подобных мифологизаций обусловлена «статусом» сельской жизни в нашем урбанизированном мире, где восприятие современным человеком пространства за границами городов нередко представляет собой «набор тщательно поддерживаемых фантазий» [17. С. 24—25]: «сельской местности досталась роль зеленого „второго плана“, и городские власти во все времена стремились эту неурбанизированную часть пространства контролировать, чтобы не допустить перебоев с поставками продовольствия («синдром осажденной крепости»); наши города давно переросли возможности своей сельской округи и зависят от продовольственного импорта из разбросанных по миру «сельских окрестностей», поэтому идеализированный пасторальный образ сельской местности не соответствует реальному индустриализированному ландшафту (необозримые поля, огромные парники, промышленные корпуса и загоны интенсивного животноводства).

Другой причиной мифологизаций является отсутствие однозначных оценок хода и результатов постсоветского аграрного реформирования: одни авторы прямо ставят в упрек когорте постсоветских реформаторов развал (и олигархизацию) сельского хозяйства; другие пытаются максимально беспристрастно исследовать ход и результаты российской аграрной реформы, и решается эта задача в принципиально разных, но взаимодополняющих перспективах — (историко-)экономической [см., напр.: 16; 19] и (междисциплинарно-)социологической [см., напр.: 5; 25]. Второй подход предпочтительнее не в силу отсутствия оценочной тональности (она в нем присутствует, но не является критически-смещенной), а по причине гуманистического пафоса — надежды на сохранение сельских сообществ через поиск «новых точек сборки коллективности.., компромисса между экономической выгодой и социальной стабильностью» [15. С. 57].

Любые социальные трансформации неизменно сопровождаются изменениями социальных, экономических и политических институтов, и эти изменения могут быть стремительными или медленными, глубокими или поверхностными, содержать стимулы для дальнейшего движения или воспроизводить элементы прежней системы, дополняя их новым социально-экономическим содержанием. Фундаментальная задача нашего проекта — оценка проблем и перспектив функционирования двух наиболее значимых общественных институтов российского села — местной власти и предпринимательства — с точки зрения доминирующих сценариев их взаимодействия или противостояния, которые определяют их ключевую роль в сохранении и стабилизации (или же в обратных процессах) положения сельских территорий. Анализ практик согласования интересов местной власти и предпринимательства на локальном (муниципальном) уровне важен для понима-

ния логики развития и функционирования нынешних институциональных структур и прогнозирования их дальнейшего развития. Изучение механизмов институционализации (и легитимации) властно-предпринимательских отношений важно не только само по себе (для понимания и заимствования опыта сохранения и воспроизводства сельских сообществ), но и для отслеживания соотношения формального и неформального в жизни сельских территорий, поскольку реальные механизмы взаимодействия властных институций и ключевых акторов местных сообществ нередко имеют структуру, отличную от нормативно установленных правил и требований к муниципальным властям и предпринимательской деятельности. Более того, неформальные практики нередко превалируют над формальными именно потому, что вторые не в состоянии решить проблемы сельского социума.

Данное утверждение рассогласуется с тенденцией последних лет в научной и публицистической литературе, когда констатируется постепенное исчезновение или сокращение сферы неформальных практик (в качестве примеров-обоснований приводится истончение добрососедских связей и коммодификация все большего спектра услуг, ранее получаемых через сеть неформальных связей, т.е. захват инструментами рационализации сферы повседневных решений [см., напр.: 24]). Однако мы убеждены, что обычные люди, не всегда принимая наилучшие для себя решения, посредством неформальных механизмов и вариативного использования нормативных и правовых инструментов, способны совершать разумные шаги, через ошибки и неформальные договоренности становясь более компетентными и ответственными (рациональными), а потому предпочитают неформальные практики как наиболее удобные для жизни [см., напр.: 3; 21].

Таким образом, несмотря на практико-ориентированный характер проекта, он решает и фундаментальную задачу диагностики логики развития сельских сообществ в постсоветский период через призму взаимодействия социально-экономических агентов и властных институций, формальных (нормативных) механизмов и неформальных (обыденных) практик.

ПОСТАНОВКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ЗАДАЧИ

Изучение взаимодействия институтов местной власти и предпринимательства в постсоветской России позволяет оценить работоспособность тех аналитических подходов и методологических принципов, которые сегодня используются для эмпирического исследования подобного взаимодействия, и предложить иные модели сравнительного анализа, учитывающие условия деятельности социальной группы сельских предпринимателей и факторы воспроизводства сельского предпринимательства в разных социально-экономических условиях (кризисных и стабилизационных). Сравнительный характер проекта (с некоторой натяжкой его можно квалифицировать как панельное исследование, учитывая сохранение выборки кейсов) позволит обобщить массивы данных, сконцентрировав анализ на регионе рискованного земледелия, — Нечерноземье.

Актуальность исследования определяется и другими причинами: во-первых, сегодня очевидны кризисные явления в российской экономике, особенно на фоне

поставленных правительством задач по импортозамещению технологий и продовольствия и модернизации агропромышленного комплекса, что, несомненно, актуализирует, наряду с прикладными разработками, фундаментальные вопросы о причинах сельскохозяйственных кризисов и путях их преодоления, о взаимосвязях аграрной политики и региональных и локальных моделей аграрного развития, которые складываются в разных районах России под влиянием разных природно-климатических и социально-экономических условий, о позитивном и негативном воздействии исторического опыта XX века на современные реалии.

Во-вторых, в последнюю четверть века в России усиливаются разнонаправленные процессы дифференциации в использовании сельскохозяйственных земель. Экономисты и географы выделяют в сельской России так называемые «территории роста» (увеличение или стабилизация плотности населения при относительно небольшом сокращении или расширении обрабатываемых сельхозугодий и при увеличении урожайности), «территории стагнации» (уменьшение плотности населения на фоне сокращения сельхозугодий и стагнации урожайности) и «территории сжатия» (уменьшение плотности населения при значительном сокращении сельхозугодий и стагнации урожайности) [см., напр.: 8; 9; 10; 12].

К сожалению, даже по этим весьма обобщающим социально-пространственным характеристикам мы имеем лишь приблизительные сведения, не позволяющие сформировать целостную типологию вариантов трансформации сельских регионов. Наше исследование призвано реконструировать картину трансформаций сельских сообществ в наиболее проблемном с точки зрения аграрного развития регионе страны — Нечерноземье (выступает как «критический кейс» [см., напр.: 6; 20]), акцентируя потенциал неформальной экономики, поскольку она может выступать в двух ипостасях: и как инструмент противостояния местных сельских сообществ навязываемым «сверху» (государством, рынком или международным бизнесом) моделям социально-экономического развития («оружие слабых» в терминологии Дж. Скотта [4; 24]); и, наоборот, как инструмент максимально безболезненного и успешного встраивания сельских сообществ в новый социально-экономический контекст, в том числе благодаря активности местных предпринимателей.

Наше исследование в полном смысле инициативное: во-первых, по собственной инициативе в конце 1990-х группа коллег начала разработку компьютерной программы для построения генеалогических деревьев — в 1997 году была подана заявка на получение гранта РФФИ по конкурсу инициативных проектов, а в 1999-м, когда был закончен первый проект, была подана заявка на проект по отладке разработанной программы в режиме полевого исследования — экспедиций в деревни бассейна реки Молога.

В ходе «генеалогических» проектов мы были поражены бедственным состоянием обследуемых районов, что заставило нас осознать недостаточность академической повестки и ее оторванность от жизненных реалий, которые были отражены в последующих проектах, поддержанных РГНФ, — «Руководители среднего и низшего уровней государственного и экономического управления в условиях кардинальных экономических и политических реформ» и «Социально-культурные факторы процесса трансформации современной российской деревни

(на материале Северо-западного региона)», в рамках которых для сбора эмпирических данных группа исследователей ежегодно в течение трех летних месяцев 2005—2008 годов выезжала в полевые экспедиции для сплошного опроса глав муниципальных образований (местное самоуправление) и руководителей сельскохозяйственных предприятий. В зону обследования вошли семь районов: Максатихинский и Лесной — в Тверской области, Пестовский — в Новгородской, Устюженский, Кадуйский и Бабаевский — в Вологодской и Бокситогорский — в Ленинградской. Было опрошено 175 человек (100 глав сельских поселений и 75 руководителей сельхозпредприятий разной формы собственности). В первую очередь нас интересовало взаимодействие сельского бизнеса и власти, его влияние на развитие сельских территорий (1).

В 2018 году при поддержке РФФИ мы решили повторить экспедиционную часть проекта, чтобы отследить изменения в моделях взаимодействия институтов местной власти и предпринимательства, в сценариях воспроизводства предпринимательского слоя как механизма сохранения и поддержки сельских сообществ. Свое исследование мы позиционируем, с одной стороны, как повторное кейс-стади (что требует сочетания количественного и качественного подхода, в нашем случае — статистических данных и методов включенного наблюдения и полуструктурированных интервью), с другой стороны — как междисциплинарное в плане теоретико-методологических оснований. В качестве кейса выступают конкретные населенные пункты, репрезентирующие особенности нечерноземных регионов России (такой подход общепризнан в социологии села [см. подробнее в: 18] и применяется для решения разных исследовательских задач, например, для реконструкции способов борьбы сельских сообществ за выживание посредством симбиоза коллективных и семейных хозяйств и двойственных взаимоотношений крупных и фермерских предприятий — одновременно конкурентных и партнерских [5]).

Безусловное преимущество кейс-стади состоит в том, что данная тактика не отрицает важность статистических показателей для формирования представления о значимых региональных и общероссийских тенденциях социально-экономического плана, а отрицает достаточность лишь такой аналитической «оптики», поскольку она создает весьма артефактуальную картину, которая мало что говорит о том, чем и как живет реальный сельский житель. Для понимания сути проблем российского села и типологизации диверсифицированных вариантов индивидуального и группового приспособления и социального ориентирования в новых жизненных условиях нужно дополнить статистическую картину более «мягкой» и «сфокусированной» исследовательской «оптикой» [см., напр.: 22], которая, в частности, показывает, что сельские жители — не пассивные объекты реформаторского воздействия.

Что касается междисциплинарности проекта, то речь идет о комбинации элементов разных концептуальных подходов, в частности:

— теоретико-методологических оснований изучения роли предпринимателя и предпринимательской функции в рыночной экономике, а также экономического разделения предпринимательства на производительное и непроизводительное (последнее основано, в том числе, и на использовании административного ресурса);

— положений институционального подхода, согласно которому институциональная среда формирует для предпринимателей «правила игры», определяет наиболее эффективные средства и стратегии предпринимательской деятельности в конкретных условиях, однако без учета характера соотношения формальных и неформальных составляющих институтов, в том числе предпринимательства, нельзя понять механизмы их развития; соответственно, неформальные отношения сопровождают деятельность формальных институтов, компенсируя неизбежные сбои в их функционировании, становятся неотъемлемым компонентом деятельности рыночных акторов и часто оказываются наиболее значимыми и эффективными, а потому в большей степени определяют характер взаимодействия между ветвями власти и бизнесом, чем формальные нормативы, официально действующие в административном поле;

— принципов изучения административного пространства в теории организационных полей и институционального изоморфизма, а также сетевых отношений и силы межличностных связей; в российской традиции прослеживается дифференцированное отношение представителей органов власти к предпринимателям, основанное на персонифицированном взаимодействии (социальные сети взаимной поддержки и услуг разной степени коррумпированности и легальности), т.е. можно говорить о конфигурации институтов, определяющей формы и способы взаимодействия экономических и властных акторов — это патрон-клиентские отношения, основанные на административном капитале и являющиеся неформальной стороной формального порядка, они асимметричны, однако взаимовыгодны и потому устойчивы;

— аргументов теории власти-собственности о статусной обусловленности доступа к экономическим ресурсам, т.е. фактически о добровольной принудительности официального партнерства малого и среднего бизнеса и нижних этажей власти;

— акцента неинституционального подхода на степени реализации прав собственности и роли государства в обеспечении собственности и развитии рынков, т.е. если право собственности не уважается и не признается другими (в частности, чиновниками), легальное владение правом не превращается в институт, а в России не до конца решен вопрос о правах землепользования и в целом неочевидно, что государство вообще гарантирует права собственности — отсюда вопросы о возможности воспроизводства той социальной группы, существование которой напрямую связано с гарантией таких прав (прежде всего предпринимательского слоя);

— элементов теории принципал-агентских отношений (ресурсный обмен между разными уровнями власти) в оценке роли местной власти в структуре российской властной вертикали, для которой характерна концентрация ресурсов на вышестоящих уровнях, существенное различие между объемом муниципальных агентских контрактов и наличных ресурсов для их реализации; динамичное развитие бизнеса на местном уровне оказывается одной из составляющих успешной деятельности муниципальных властей, однако у них нет достаточных средств

и реальных рычагов управления для развития бизнеса на своей территории, поскольку реформы муниципального самоуправления пошли по пути огосударствления местной власти.

Помимо включенного наблюдения и экспертных интервью в ходе экспедиций 2005—2008 годов велась постоянная работа в районных архивах и статистических управлениях — для сбора и анализа информации, начиная с 1958 года. Этот год в качестве стартовой позиции был избран не случайно — именно в этом году партия и правительство, пожалуй, впервые за много лет обратили серьезное внимание на сельское хозяйство и издали постановление «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций» от 18 апреля 1958 года № 425. При всех недостатках тогдашней (да и современной) статистики «сухие цифры» позволили получить правдоподобную картину развития сельских территорий: во всех обследованных районах численность населения систематически сокращалась, особенно интенсивно — начиная с 1970-х годов (рождаемость падала, а смертность росла).

Так, в рамках проекта «Руководители среднего и низшего уровней управления в условиях кардинальных экономических и социально-политических реформ» были проанализированы статистические данные более чем за сорок лет по двум районам Тверской области (Максатихинский и Лесной) и одному району Новгородской области (Пестовский). Официальные данные о движении населения, а также архивные статистические материалы показали быстрые темпы естественной убыли, характерные для регионов Нечерноземья на фоне отсутствия миграционного притока переселенцев из республик бывшего СССР и депрессивных территорий России и наличия скрытой трудовой миграции (приезжают «нелегалы» из Средней Азии, что на короткое время решает проблему нехватки трудовых ресурсов, но не помогает умирающему сельскому хозяйству).

Чтобы понять траекторию и механизмы депопуляционных процессов, мы обратились к показателям развития основных элементов инфраструктуры (учреждений образования, культуры, здравоохранения и т.п.): управленческая политика на селе в 1990—2000-е годы сводилась к волюнтаристскому укрупнению/разукрупнению сельхозпроизводств, порождая «перекосы» в размещении объектов инфраструктуры и практически неизбежно ведя к деградации небольших сельских поселений. В определенные моменты темпы свертывания объектов инфраструктуры, обусловленные социально-плановыми нормативами, становились важным фактором снижения привлекательности села, способствуя, с одной стороны, прямому оттоку населения из сел, а с другой — заметному снижению качества сельского человеческого капитала.

Заметный «вклад» в обезлюдение села внесла и политика «стирания различий между городом и деревней», в частности, строительство городских многоэтажек, которое кардинально ломало привычный уклад сельской жизни. Справедливости ради следует отметить, что в обследованных нами районах многоэтажки не строили, однако жилищная и строительная политика в немалой степени способствовала размыванию целого ряда традиций сельского совместного общежития и неформальной соседской взаимопомощи.

Обследованные нами районы попали в зону «черных пятен» российского пространства, где процессы депопуляции приобрели практически необратимый характер, о чем свидетельствовала и противоречивая (отчасти обреченная) мотивация сельских жителей, связанная с построением жизненных планов детей и внуков.

Можно выделить несколько причин убыли сельского населения: во-первых, «жесткая привязка» к сельским территориям (официально до 1974 года не имели паспортов) приводила к тому, что наибольшие шансы уехать из села имели мальчики, достигшие призывного возраста (при призыве председатель колхоза/сельсовета был обязан передать их паспорта военкомам) — после демобилизации они отказывались сдавать паспорт и получали возможность уехать из села, которой, как правило, пользовались, поскольку развивающейся в крупных городах промышленности и строительству (при экстенсивном режиме развития) не хватало рабочих кадров — промышленность, как мощный насос, «откачивала» население не только из ближайших сельских пригородов, но и из отдаленных районов, причем в последние предперестроечные годы возможности сельских территорий были практически исчерпаны.

Во-вторых, уже в 1950-е годы появилось понятие «неперспективные деревни» и началось укрупнение колхозов, а в укрупненных сельских поселениях под девизом «сближения города и деревни» начали строить городские пятиэтажки со всеми городскими удобствами — в результате был разрушен традиционный уклад сельской жизни: жилье оказалось оторванным от огородов и хозяйственных построек, где можно было содержать крупную и мелкую скотину. Кроме того, вместе с укрупнением колхозов вся социальная инфраструктура (школы, больницы, дома культуры, библиотеки и т.п.) стягивались в центральные усадьбы, обрекая другие населенные пункты на тихое умирание даже несмотря на то, что в 1970-е годы в сельское хозяйство вливались большие средства на обновление парка сельхозтехники, механизацию и автоматизацию сельскохозяйственного производства, мелиорацию и удобрения. В целом перевод сельского хозяйства на промышленные рельсы не удался, в том числе и потому, что село рассматривалось исключительно как поставщик дешевых ресурсов и сырья, а окончательная переработка продукции сельского хозяйства по-прежнему концентрировалась в городах (преимущественно крупных).

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ ПЕРВЫХ ПОЛЕВЫХ ЭКСПЕДИЦИЙ

Прошлые экспедиции позволили зафиксировать кардинальное изменение состава властных структур после перестройки: место прежде всевластных райкомов и обкомов партии заняли советы народных депутатов — как власть законодательная — и муниципалитеты — как власть исполнительная, но они лишились права что-либо диктовать промышленным и сельскохозяйственным предприятиям.

Многие респонденты винили в бедственном положении села именно перестройку, и она действительно стимулировала и ускорила процесс развала сельского хозяйства, прежде всего стремительным и непродуманным переходом от социализма к капитализму и рынку. Например, в 2006 году глава поселения

в Пестовском районе Новгородской области рассказала, что ее муж был директором одного из крупнейших в районе свиноводческих совхозов (около 3 тысяч голов), и, когда началась гайдаровская «шоковая терапия», оказалось, что традиционные поставщики кормов их не поставили, а цены на корма резко подскочили (были «отпущены»): директор объехал пол-России, нашел корма, но когда вернулся, кормить было уже почти некого — закончилось все для директора инфарктом, а для поселения — развалом прежде преуспевающего хозяйства. Предположения реформаторов, что «рынок сам все расставит по местам», а свободная инициатива фермеров будет эффективнее коллективных хозяйств, оказались слишком наивными для постсоветских реалий. Изучая в районных архивах документы, мы пытались проследить историю отдельных хозяйств, но в чехарде укрупнений и разукрупнений разобраться не удалось.

Параллельно с разрушением экономических связей между хозяйствующими субъектами прошла, по сути, стихийная приватизация. На городских промышленных предприятиях она была почти виртуальной и ничем реально не обеспеченной — люди получили ваучеры, которые стоили копейки, не понимая, что с ними дальше делать. Однако на селе приватизация была отчасти реальной — многие бывшие колхозники получили за ваучеры сельскохозяйственный инвентарь и приватизировали почти всю технику, что была «на ходу». На балансе колхозов и совхозов остались откровенный металлолом и никому в личном хозяйстве не нужные коровники, гаражи, мастерские и прочие здания, поддерживать которые было дорого и хлопотно. Тем временем поголовье скота и площади пашни резко сокращались, а налоги начислялись из «плановых» показателей, поэтому долги колхозов и совхозов перед государством неизбежно росли. В конце 1990-х — начале 2000-х годов, чтобы «законным» путем избавиться от долгов, хозяйства начали менять свой статус, переименовывались и преоформлялись из колхозов в СПК, потом в ООО, ЗАО, а то и просто в КФХ, причем часто под давлением районного начальства. В первую очередь, в ходе этих преобразований списывались с баланса «новых» хозяйствующих субъектов фермы, гаражи и прочие здания (еще раньше с балансов колхозов были выведены объекты сельской социальной инфраструктуры).

Усугубил и без того плачевное положение сельских территорий Федеральный закон № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» от 6 октября 2003 года, в который постоянно вносятся уточнения и изменения (последнее — от 3 августа 2018 года). Органы местного самоуправления, особенно на селе, оказались крайне депривированы — с урезанными полномочиями и практически без финансирования. К тому же они не входят в «вертикаль власти» и не относятся к системе государственного управления, а потому сегодня местное самоуправление зависимо буквально от всех — и «сверху», и «снизу».

Бесконечные уточнения и новые редакции 131 закона привели к следующим результатам: территориальное укрупнение сельских муниципальных образований сократило возможности связи органов местного самоуправления с населением;

передача многих их функций на уровень районов лишило их возможности оперативно решать актуальные для населения вопросы; нищенское финансирование лишило местное самоуправление независимости. Там, где власть (районного и областного уровней) хотя бы пыталась выстраивать политику взаимодействия с местными предпринимателями (например, в Пестовском районе Новгородской области, Устюженском и Бабаевском районах Вологодской области), успешные хозяйства преобладали среди реально действующих, однако в целом руководители муниципальных образований (поселений) в силу своей финансовой и правовой несостоятельности практически никак не могли влиять на успешность действовавших на их территории сельскохозяйственных предприятий.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ПОВТОРНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПРОЕКТА

Благодаря поддержке РФФИ мы получили возможность проехать по старым адресам и посмотреть, что реально изменилось за прошедшие десять лет и каковы векторы изменений. Если в 2006 году мы начинали экспедиции с Максатихинского района Тверской области, то в 2018-м поехали сначала в Бокситогорский район Ленинградской области и в Бабаевский район Вологодской области, а далее в Кадуйский и Устюженский районы. По плану продолжения проекта в 2019—2020 годы мы посетим Пестовский район Новгородской области, а затем Лесной и Максатихинский районы Тверской области.

Бокситогорский район еще помнит вмешательство В.В. Путина в дела Бокситогорского и Пикалевского комбинатов, которое в 2009 году на время приостановило их банкротство, однако сейчас оба предприятия снова находятся в критическом состоянии. Районные власти предприняли поистине героические усилия, чтобы изыскать возможности организовать другое эффективное производство на территории района, и обратили внимание на сельское хозяйство: в районе, как и десять лет назад, работает четыре сельхозпредприятия в статусе сельскохозяйственных производственных кооперативов (СПК), но теперь мы обнаружили еще около двадцати крестьянско-фермерских хозяйств (КФХ), которые занимаются мясным и молочным животноводством, а также овцеводством, кролиководством, рыбоводством и разведением индюков. Таким образом, расширился ассортимент сельскохозяйственной продукции, хотя не все из направлений одинаково успешны.

Одна из основных проблем новых фермеров — сбыт продукции, которая плохо востребована, потому что фермерам не удается пробиться в торговые сети, в основном ориентированные на большие объемы (конечно, у фермеров много проблем, но сбыт беспокоит их больше всего). Некоторый оптимизм вселяет то обстоятельство, что среди новых фермеров преобладают молодые люди в возрасте 28—42 лет — они полны энтузиазма, хотя отдают себе отчет в стоящих перед ними трудностях.

В соседнем Бабаевском районе Вологодской области картина иная: из одиннадцати действовавших здесь в 2008 году хозяйств сохранились лишь семь: в двух хозяйствах сменились руководители — один новый, в другом на смену отцу при-

шел сын; одно хозяйство второй год находится в процессе банкротства; два хозяйства в течение последних лет сменили профиль деятельности и теперь не занимаются сельхозпроизводством; одно хозяйство прекратило существование по причине смерти руководителя. Относительно недавно здесь появились четыре новых крестьянско-фермерских хозяйства, три из которых возглавили молодые люди: вроде бы «баланс сошелся» — было одиннадцать хозяйств, и теперь одиннадцать, однако нам еще предстоит оценить качество произошедших изменений и их последствия.

В Кадуйском районе Вологодской области изменилось почти все — начиная с руководства района и руководителей управления сельского хозяйства: если в Бабаевском районе с пятью руководителями сельхозпредприятий мы были уже знакомы, то здесь никого из тех, с кем мы беседовали около десяти лет назад, уже не встретили. Так, ООО «Нива» было продано в Череповецкий район, КФХ Н.В. Пудовой, созданное в 2015 году, в 2017-м было обанкрочено, на месте бывшего ООО «Надежда» теперь создано КФХ Г.С. Спириной, которая категорически отказалась разговаривать с нами, а в СПК «Колхоз Андога» сменилось руководство, и у нового председателя мы взяли интервью. Руководитель отделения «Андроново» ООО «Русь» была больна, но мы смогли побеседовать с механиком этого отделения и с бухгалтером, получив подробную информацию о хозяйстве. Из трех недавно созданных КФХ мы смогли побеседовать только с двумя руководителями — один категорически отказался от встречи.

В целом и в этом районе складывается впечатление, что произошедшие изменения имеют нулевой баланс — существенного развития сельского хозяйства не наблюдается. Кроме того, ввиду предстоящего закрытия в 2021 году Кадуйской ГРЭС как убыточного предприятия перспективы района весьма проблематичны, скорее всего его руководству предстоит либо озаботиться созданием новых градообразующих предприятий, либо кардинальной переориентацией на развитие сельскохозяйственного производства.

Устюженский район в 2007 году на общем печальном фоне вселял надежду, что село имеет шансы не только на выживание, но и на развитие: здесь только в одном селе было зарегистрировано 46 фермерских хозяйств. Из двенадцати крупных хозяйств, обследованных нами прежде, в 2018-м году мы обнаружили восемь хозяйств и одно новое, но его руководителем оказалась Фаина Вениаминовна Крестьянинова из Кадуйского района, которая родилась в Устюженском районе и вернулась сюда в 2008 году, объяснив свое решение так: *«Вот я в шесть утра уезжала каждый день, сама за рулем... И мне как-то вот стало не по себе, думаю, уезжаю — темно, приезжаю — темно... все брошено. И вот как-то я задумалась... и потом поняла, что хозяева-то которые были вот этого предприятия, они как-то относились не очень, не хотели дальше что-то развивать, а здесь меня в Устюжне глава все время звал: „Возвращайся в район, возвращайся в район“»*. Но глава районного руководства теперь сменился — прежнего фермеры и председатели СПК вспоминают с уважением, о новом главе района и новых руководителях управления сельского развития отзываются скорее сдержанно.

Три хозяйства сегодня уже не осуществляют сельскохозяйственную деятельность, одно закрылось, а 46 фермерских хозяйств картофелеводческого направления сохранились, но по причине небольших объемов производства не попали в поле нашего внимания. За прошедшие одиннадцать лет наши прежние герои несколько сменили профиль деятельности и теперь занимаются производством не товарного (для потребления) картофеля, а элитных семян, проводя серьезные исследования в области защиты картофеля от бактерий и вредителей и оптимальных режимов удобрения почвы. Картофель — доминирующая в районе культура, но здесь занимаются также животноводством (мясным и молочным), зерноводством и выращиваем льна (традиционной для Вологодчины культуры).

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Выше описаны самые первые впечатления о нынешнем экспедиционном лете, поскольку пока расшифровано (транскрибировано) чуть больше половины интервью и приступить к полноценному анализу мы сможем не раньше ноября. Тем не менее, рискнем сформулировать первые предварительные выводы: несмотря на пессимистические прогнозы наших информантов десятилетней давности (а они отпускали деревне срок жизни еще лет на 7—8), деревня еще жива и напрашивается на осторожные оптимистические прогнозы благодаря приходу молодых фермеров. Оптимизм наш осторожен потому, что почти все проблемы, на которые сельские предприниматели (включая руководителей колхозов, СПК и ООО) сетовали десять лет назад, сегодня не решены — законодательство о земле, сбыт продукции, кадровые вопросы (нехватка рабочих рук и отсутствие квалифицированных специалистов), слабость местной власти. С другой стороны, если десять лет назад государственные и региональные программы поддержки сельского хозяйства в основном лишь декларировались, то теперь они получили реальное воплощение, например, в виде грантов (прежде всего для фермеров), которыми воспользовались предприимчивые сельские жители.

Наиболее острыми проблемами российского села остаются отсутствие государственной поддержки и качество человеческого капитала. Например, один из учредителей кооператива «Устюженский картофель» пытался взять в аренду землю сельскохозяйственного назначения (по кадастру). Участок выделили на территории «взрослого» леса без дорог, и два с половиной года он строил дорогу — прорубил, отсыпал, чтобы можно проехать и приступить к очистке. Но тут Россельхознадзор выписал ему штраф в полмиллиона рублей за то, что в течение трех лет он не сумел использовать землю по прямому назначению. Штраф он заплатил, но от земли пришлось отказаться, потому что для запуска ее в сельскохозяйственный оборот нужно еще как минимум три года, а, значит, еще один немалый штраф, на который у него просто нет денег. Также у этого предпринимателя проблема с кадрами, прежде всего квалифицированными: работают у него все местные, но только разнорабочими (и есть бухгалтер), потому что нет в селе ни агронома дипломированного, ни механика, ни строителя, ни экономиста. К сожалению, на государственном уровне поддержка сельского хозяйства в основном остается декларативной, потому что федеральные законы, как правило, рас-

считаны на «среднюю температуру по больнице», хотя условия ведения сельского хозяйства сильно дифференцированы по климатическим и временным поясам, и региональное законодательство чрезмерно завязано на федеральное и во многом «сковано» им.

ПРИМЕЧАНИЕ

- (1) См.: *Божков О., Игнатова С.* Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // *Петербургская социология сегодня*. СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Особенности российской модели модернизации сельских территорий // Седьмые Санкт-Петербургские социологические чтения «Социальные проблемы русского села и аграрных отношений». Пушкин, 2015; *Божков О., Игнатова С.* Осмыслить непредсказуемое прошлое // «Право на имя. Биографика 20 века». СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1; *Игнатова С.Н., Божков О.Б.* Факторы успешности сельхозпредприятий в экстремальных экономических условиях // *Пути России. Новый старый порядок — вечное возвращение?* Т. XXI. М., 2016; *Игнатова С.Н.* Трудовая биография как объект исследования // *Социологический журнал*. 2016. Т. 22. № 4; *Игнатова С.Н., Божков О.Б.* Взаимодействие институтов местной власти и предпринимательства на селе // *Петербургская социология сегодня*. Вып. 6. СПб., 2015; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Российский сельскохозяйственный предприниматель: формирование и воспроизводство социальной группы // *Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ученые записки*. 2015. Вып. 10. М., 2015.; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Региональные практики взаимодействия бизнеса и власти (на примере Северо-Запада РФ) // *Крестьяноведение*. 2017. Т. 2. № 1; *Божков О.Б., Игнатова С.Н.* Профессиональные компетенции руководителей муниципальных органов самоуправления // *Петербургская социология сегодня* — 2017. Вып. 8. СПб., 2017.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Барсукова С.* Неформальная экономика. М., 2009.
[2] *Барсукова С. Ю.* Эссе о неформальной экономике, или 16 оттенков серого. М., 2015.
[3] *Боулз С.* Моральная экономика. Почему хорошие стимулы не заменят хороших граждан / Пер. с англ. Д. Шестакова. М., 2017.
[4] *Виноградский В.Г.* «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов, 2009.
[5] *Калугина З.И., Фадеева О.П.* Российская деревня в лабиринте реформ: социологические зарисовки. Новосибирск, 2009.
[6] *Козина И.М., Серезкина Е.В.* Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых отношений // *Социологические исследования*. 2015. № 1.
[7] *Между домом... и домом.* Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М., 2016.
[8] *Многоукладность России: исторические корни, состояние и перспективы* / Отв. ред. Т.Е. Кузнецова. М., 2009
[9] *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России: Ответы географа. М., 2013.
[10] *Нефедова Т.Г.* Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М., 2003.
[11] *Неформальная экономика. Россия и мир* / Под ред. Т. Шанина. М., 1999.
[12] *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М., 2009.
[13] *Пространственный потенциал в стратегии социально-экономического развития России*. М., 2011.

- [14] Радаев В. Экономическая социология. М., 2005.
- [15] Смыслы сельской жизни (Опыт социологического анализа) / Под ред. Ж.Т. Тощенко. М., 2016.
- [16] Стародубровская И., Миронова Н. Проблемы сельского развития в условиях муниципальной реформы. М., 2010
- [17] Стил К. Голодный город: Как еда определяет нашу жизнь / Пер. с англ. М., 2016.
- [18] Троцук И.В. Возможности метода кейс-стади в изучении социальных проблем села // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2007. № 4.
- [19] Узун В.Я., Шагайда Н.И. Аграрная реформа в постсоветской России: механизмы и результаты. М., 2015.
- [20] Флишберг Б. Кейс-стади в контексте качественно-количественной проблематики // Социологические исследования. 2004. № 9.
- [21] Элликсон Р. Порядок без права: как соседи улаживают споры / Пер. с англ. М. Марков, А. Лашев; науч. ред. Д. Кадочников. М., 2017.
- [22] Ястребинская Г.А. Таежная деревня Кобелево. История советской деревни в голосах крестьян: 1992—2002. М., 2005.
- [23] Scott J.C. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance. Yale University Press, 1985.
- [24] Thaler R.H., Sunstein C.R. Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness. Yale University Press, 2008.
- [25] The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia / Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag, 2003.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-731-746

TENDENCIES OF THE RUSSIAN RURAL AREAS DEVELOPMENT: THE RESEARCH TASK AND FIRST RESULTS OF THE COMPARATIVE CASE-STUDY*

O.B. Bozhkov¹, I.V. Trotsuk^{2,3}

¹Sociological Institute (branch of FCTAS) RAS
7th Krasnoarmeiskaya St., 25/14, Saint Petersburg, 190005, Russia

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

³Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Vernadskogo Prosp., 84, Moscow, 119571, Russia
(e-mail: olegbozh@gmail.com; irina.trotsuk@yandex.ru)

Abstract. The article presents the first results of field expeditions of 2018 as a part of the project that aims to assess problems and prospects of two most important social institutions of the Russian countryside — local authorities and entrepreneurship — in terms of the dominant scenarios of their

* © O.B. Bozhkov, I.V. Trotsuk, 2018.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 18-011-00568 “Models of interaction of agricultural business and local authorities: Mechanisms of reproduction of the entrepreneurs’ stratum and informal economy in the Non-Black Earth Region”.

The article was submitted on 26.08.2018.

interaction and their role in maintaining and stabilizing the situation in rural areas. Such an analysis of the practices of coordinating the interests of local authorities and entrepreneurship at the local level is important for understanding the balance of formal and informal elements in rural life for the real mechanisms of interaction of government institutions and key actors of local communities often differ from the regulatory rules if the latter fail to solve the problems of rural society. The planned three-year research will repeat the field expeditions of a decade ago, i.e. this is a comparative case study that combines quantitative and qualitative approaches (statistical data, participant observation and semi-formalized interviews), and the cases represent the features of the non-black-earth regions of Russia (where depopulation has become practically irreversible). The authors briefly summarize the findings of the first expeditions (a fundamental change in the composition of power structures, destruction of economic ties, dependent position of local government due to its financial and legal weakness, etc.) to set the context for comparative analysis, and describe their first impressions of the new field expedition to the old addresses (the scale and success of business activities in different areas are compared, factors that determine such activities are the heroic efforts of local authorities, new young and active entrepreneurs, reorientation of production to more popular and commercially successful niches, etc.).

Key words: rural sociology; administrative reforms; social-economic consequences; local government; agricultural production; interaction of rural business and government

REFERENCES

- [1] Barsukova S. *Neformalnaya ekonomika* [Informal Economy]. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [2] Barsukova S.Yu. *Esse o neformalnoy ekonomike, ili 16 ottenkov serogo* [Essay on the Informal Economy, or 16 Shades of Gray]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [3] Bowles S. *Moralnaya ekonomika. Pochemu khoroshiye stimuly ne zamenyat khoroshih grazhdan* [Moral Economy. Why Good Incentives Are No Substitute for Good Citizens]. Per. s angl. D. Shestakova. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [4] Vinogradsky V.G. *“Orudiya slabyyh”: tekhnologiya i sotsialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo suschestvovaniya* [Weapons of the Weak: Technology and Social Logic of Everyday Peasant Life]. Saratov; 2009 (In Russ.).
- [5] Kalugina Z.I., Fadeeva O.P. *Rossiyskaya derevnya v labirinte reform: sotsiologicheskiye zarisovki* [Russian Village in the Maze of Reforms: Sociological Sketches.]. Novosibirsk; 2009 (In Russ.).
- [6] Kozina I.M., Serezhkina E.V. Kontseptsiya keys-stadi v sotsialnyh naukah i frantsuzskaya traditsiya monograficheskikh issledovaniy trudovykh otnosheniy [The concept of case-study in social sciences and the French tradition of monographic studies of labor relations]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2015; 1 (In Russ.).
- [7] *Mezhdu domom... i domom. Vozvratnaya prostranstvennaya mobilnost naseleniya Rossii* [Between House... and House. Return Spatial Mobility of the Russian Population]. Pod red. T.G. Nefedovoy, K.V. Averkievoy, A.G. Makhrovoy. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [8] *Mnogoukladnost Rossii: istoricheskie korni, sostoyanie i perspektivy* [Multi-forms of the Russian Ways of Life: Historical Roots, State, and Prospects]. Otv. red. T.E. Kuznetsova. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [9] Nefedova T.G. *Desyat aktualnykh voprosov o selskoy Rossii: Otveti geografa* [Ten Actual Questions about Rural Russia: Answers of a Geographer]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [10] Nefedova T.G. *Selskaya Rossiya na pereputie: Geograficheskie ocherki* [Rural Russia at the Crossroads: Geographical Essays]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [11] *Neformalnaya ekonomika. Rossiya i mir* [Informal Economy. Russia and the World]. Pod red. T. Shanina. Moscow; 1999 (In Russ.).
- [12] Pilyasov A.N. *I posledniye stanut pervymi: Severnaya periferiya na puti k ekonomike znaniya* [And the Last Will be the First: The Northern Periphery on the Way to Knowledge Economy]. Moscow; 2009 (In Russ.).

- [13] *Prostranstvenny potentsial v strategii sotsialno-ekonomicheskogo razvitiya Rossii* [Spatial Potential in the Strategy of Social-Economic Development of Russia.]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [14] Radaev V. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Economic Sociology]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [15] *Smysly selskoy zhizni (Opyt sotsiologicheskogo analiza)* [Meanings of Rural Life (A Sociological Analysis)]. Pod red. Zh.T. Toshchenko. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [16] Starodubrovskaya I., Mironova N. *Problemy selskogo razvitiya v usloviyah munitsipalnoy reform* [Problems of Rural Development Under the Municipal Reform]. Moscow; 2010 (In Russ.).
- [17] Steel C. *Golodny gorod: Kak eda opredelyaet nashu zhizn* [Hungry City: How Food Shapes Our Lives]. Per. s angl. Moscow; 2016 (In Russ.).
- [18] Trotsuk I.V. *Vozmozhnosti metoda keys-stadi v izuchenii sotsialnyh problem sela* [Case-study's potential in the study of social problems of the village]. *RUDN Journal of Sociology*. 2007; 4 (In Russ.).
- [19] Uzun V.Ya, Shagaida N.I. *Agrarnaya reforma v postsovetskoy Rossii: mekhanizmy i rezultaty* [Agrarian Reform in Post-Soviet Russia: Mechanisms and Results]. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [20] Flyvbjerg B. *Keys-stadi v kontekste kachestvenno-kolichestvennoy problematiki* [Case study in the qualitative-quantitative perspective]. *Sotsiologicheskiye Issledovaniya*. 2004; 9 (In Russ.).
- [21] Ellickson R. *Poryadok bez prava: kak sosedi ulazhivayut spory* [Order without Law: How Neighbors Settle Disputes]. Per. s angl. M. Markov, A. Lashchev; nauch. red. D. Kadochnikov. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [22] Yastrebinskaya G.A. *Taizhnaya derevnya Kobelevo. Istoriya sovetskoy derevni v golosah krestyan: 1992—2002* [Taiga Village Kobelevo. History of the Soviet Countryside in Peasant Voices: 1992—2002]. Moscow; 2005 (In Russ.).
- [23] Scott J.C. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. Yale University Press; 1985.
- [24] Thaler R.H., Sunstein C.R. *Nudge: Improving Decisions about Health, Wealth and Happiness*. Yale University Press; 2008.
- [25] *The Postsocialist Agrarian Question. Property Relations and the Rural Condition // Halle Studies in the Anthropology of Eurasia*. Hann C., Rottenburg R., Schnepel B., Shimada S. (Eds.) Vol. 1. Lit Verlag; 2003.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ЛЕКТОРИЙ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-747-764

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА КАК ОБЪЕКТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ: МЕЖДУ СОЦИОЛОГИЕЙ МОРАЛИ И СОЦИОЛОГИЕЙ ПРОФЕССИЙ*

Р.Н. Абрамов, А.В. Быков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
ул. Мясницкая, 11, Москва, 101000, Россия

Институт социологии ФНИСЦ РАН
ул. Кржижановского, 24/35-5, Москва, 117218, Россия
(e-mail: rabramov@hse.ru; a.bykov@hse.ru)

Статья посвящена анализу классических и современных теорий и подходов к изучению профессиональной этики. В первой части статьи на основе идей Г. Спенсера, Э. Дюркгейма и Т. Парсонса проблематизируется общесоциологический взгляд на природу профессиональной этики, в основном в функционалистской перспективе. Согласно Спенсеру профессии выполняют важную моральную роль в общественном развитии, связанную с повышением качества жизни. Дюркгейм считал, что профессиональная этика должна способствовать солидаризации и предотвращению конфликтов в трудовой и коммерческой деятельности, чему может содействовать восстановление гильдий в обновленной форме — как институционализированных моральных регуляторов. Парсонс проводил теоретический анализ элементов медицинской этики, чтобы подчеркнуть наличие в капиталистических обществах престижных профессиональных позиций, основанных на альтруистических ценностях. Во второй части статьи показано, как профессиональная этика исследовалась в советской и российской социологии, где в целом представлена довольно слабо, за исключением работ А.В. Ядова, Ю.В. Согомонова, Э.А. Гришина и В.И. Бакштановского, которые подчеркивали практические аспекты этического действия профессионалов. Сегодня диспозиционная теория личности, разработанная группой исследователей под руководством Ядова, нуждается в реинтерпретации с учетом эмоциональной и этической составляющих профессионального труда. Тем не менее, российские авторы разработали оригинальную концепцию профессиональной этики как особого типа прикладной этики, показав ее предназначение и осуществив рефлексивную критику ее социально-философских моделей. В статье представлен обзор современных российских публикаций по социологии профессий, который позволяет констатировать низкий интерес к вопросам профессиональной этики, хотя в большинстве работ упоминаются «коды профессиональной этики» как обязательный атрибут профессионализма. Несмотря на развитую традицию исследований в этой области, западная социология профессий находится в плену функционалистской и критической интерпретаций профессиональной этики и редко выходит за рамки практических аспектов оценки роли этики в действиях профессионалов.

Ключевые слова: профессии; этика; профессиональная этика; социология морали; социология профессий; социологическая теория; мораль; нормы

* © Абрамов Р.Н., Быков А.В., 2018.

Исследование выполнено при поддержке РФФИ. Проект № 18-011-00257.

Статья поступила в редакцию 28.07.2018 г.

После продолжительного кризиса современная социология морали пытается определиться с собственным проблемным полем и концептуальным аппаратом, отмежевавшись от когнитивных и поведенческих дисциплин и найдя специфическую социологическую перспективу изучения многообразных проявлений морали и этики в разных группах и сообществах [33; 36; 44]. Однако в качестве подобной перспективы (парадоксальным образом) не рассматривается реконцептуализации профессиональной этики, которая является одним из наиболее «социологических» проблемных полей в исследованиях морали, что, помимо прочего, подтверждается работами классиков. Вместе с тем в социологии профессий исторически сложилось собственное понимание профессиональной этики, опиравшееся на функционалистские идеи: этика определялась как структурный элемент самоорганизации и самоконтроля профессиональных сообществ, выраженный в виде кодексов и правил, а также как часть профессиональной идеологии (этика служения, забота о конфиденциальности), закреплявшей особый статус профессионалов в социальной структуре и разделении труда [31]. До настоящего времени, однако, практически отсутствуют пересечения между данными социологии морали и тем, как профессиональная этика понимается в социологии профессий. Мы полагаем, что реконцептуализация профессиональной этики в качестве области теоретизирования и эмпирических исследований придаст новый импульс развитию обеих дисциплин и будет способствовать концептуальному обогащению социологической теории. Соответственно, цель статьи — проанализировать классические работы, посвященные профессиональной этике, современные концепции профессионализма и профессионализации и обозначить перспективы и контуры комплексного социологического подхода к изучению профессиональной этики.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В КЛАССИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Исторически социологическое осмысление соотношения профессий и морали происходило прежде всего в рамках функционализма — традиции, подчеркивающей связь институтов с теми позитивными последствиями, которые они имеют для поддержания стабильности и благополучия социальных систем. Так, Спенсер рассматривал профессии в экологическом ключе, подчеркивая важность развития профессиональных институтов в процессе дифференциации и адаптации общества к внешней среде.

Связывая происхождение современных профессий с религиозными институтами (в этом смысле священничество можно назвать первой профессиональной группой), Спенсер вполне в духе эволюционизма понимал разные формы специализации как результат усложнения организации социального организма от «военного» к «промышленному» типу. Основная функция профессиональных институтов, по Спенсеру, состоит в том, чтобы способствовать улучшению жизни людей в инструментальном и экспрессивном смысле: в первом случае подчеркивается неразрывная связь профессий со специфическим знанием (врачи, юристы), во втором — с непосредственным удовольствием, которое доставляют людям, например, профессиональные артисты [39]. Профессии, таким образом, выполняют

важную для общественного развития моральную роль «приумножения» жизни, и профессиональные институты постепенно заменяют государственные в том, что касается выполнения регуляторной функции в обществах современного типа.

Продолжая функционалистскую традицию, Дюркгейм, в отличие от Спенсера, эксплицировал этические составляющие профессий и профессионализма: для него отличительная особенность профессиональной этики в том, что санкционирует за нарушение морального правила только профессиональное сообщество, в то время как в социальной среде такое нарушение нередко считается простительным и не вызывает сильную реакцию [40]. Профессиональную этику отличает (или должна отличать) гораздо большая детализация правил поведения по сравнению с абстрактной моралью, что, по мысли Дюркгейма, свидетельствует об истинной «децентрализации моральной жизни» [40. Р. 7]: в предельном случае каждой профессиональной группе соответствует специфический этический код, и у некоторых профессий, например, военных и ученых, он противоположен (от первых требуется беспрекословное подчинение вышестоящим, а основу этоса вторых составляет критическое отношение к авторитетам).

Профессиональная этика интересовала Дюркгейма в контексте кризиса профессионализма и утраты силы профессиональными ассоциациями, что он считал серьезной проблемой. Важность этических ограничений в профессиональной деятельности он иллюстрировал примерами из истории античных ремесленных союзов и средневековых европейских гильдий, которые были основаны в том числе на принципах взаимопомощи и моральных обязательствах их членов по отношению друг к другу.

Рассуждая о функции профессиональной этики как специфического ограничителя индивидуализма, Дюркгейм подчеркивал важность моральной регуляции в промышленности и торговле, где, на взгляд многих экономистов, преобладает логика максимизации индивидуальной наживы, — напротив, профессиональная этика должна способствовать солидаризации и предотвращению конфликтов в трудовой и коммерческой деятельности, чему может способствовать восстановление гильдий в обновленной форме — как своего рода институционализированных моральных регуляторов.

Данную линию анализа профессиональной этики в XX столетии продолжили представители американского функционализма, в первую очередь Парсонс, видевший в ней иллюстрацию своей концепции типовых переменных действия. Хорошо известны его работы, посвященные медицинской этике [50], регулирующей взаимоотношения врача и пациента как представителей специфических социальных ролей [54].

Для Парсонса роль врача в современных обществах обладает свойствами функциональной специфичности (узкоспециализированное техническое знание), ориентации на достижение (что в целом типично для американского общества, находившегося в центре внимания Парсонса), универсализма (равное отношение ко всем пациентам), аффективной нейтральности (отсутствие эмоциональных связей, объективное отношение к болезни) и ориентации на коллектив (действия

из интересов пациента) [50. Р. 292]. Таким образом, профессиональные этические стандарты врачей соответствуют общим инструментальным профессиональным стандартам, характерным для социальной системы в целом, с той лишь разницей, что нетипичны с точки зрения ориентации на коллектив, а не на собственные интересы, как, скажем, в деловой сфере. Парсонс уделял много внимания теоретическому анализу элементов медицинской этики и потому, что ему важно было подчеркнуть наличие в капиталистических обществах престижных профессиональных позиций, основанных, в отличие от частного бизнеса (традиционного идеала американской культуры), на альтруистических ценностях.

Другой известный пример функционального анализа профессиональной этики, также связанный с некоторой институционализированной незаинтересованностью, представлен в социологии науки Мертона [48]. С его точки зрения базовые профессиональные нормативные ориентации ученых могут быть сведены к формуле CUDOS (коммунализм, универсализм, незаинтересованность и организованный скептицизм), которая в целом соотносится с этическим идеалом науки как профессиональной деятельности, основанной на ценностях объективного познания и институционально организованной в соответствии с ними. Мертон был также склонен рассматривать общие институциональные формы профессионального альтруизма, продолжая парсоновскую логику анализа нормативных ожиданий ценностно-ориентированного поведения, связанного с исполнением профессиональных ролей в рамках таких отраслей, как социальная работа, медицина и юриспруденция [22].

В рамках структурно-функционального анализа основное внимание уделялось попыткам концептуализации этики специфического круга профессий: так, Парсонс различал профессиональные роли с идеалом общественного служения от более общего класса ролей, связанных с разными «занятиями» (occupations) [50]. Профессии, понимаемые подобным образом (врачи, ученые или юристы), находились в центре теоретического анализа западной академической традиции в XX веке, однако морально-этическим компонентам «занятий» уделялось мало внимания, что было результатом имплицитного допущения, что этика играет более важную роль в деятельности «профессий», поэтому интерес к морально-этическим представлениям рабочих возник относительно недавно (во многом благодаря исследованиям М. Ламонт [46]). Само аналитическое различие «профессий» и «занятий», характерное для структурного функционализма, сегодня все чаще признается искусственным [41], поскольку глобальные инновационные технологии и экономические изменения стирают эти различия.

В целом рассуждения о профессиональной этике в социологической теории носили достаточно общий и абстрактный характер и, за редким исключением, дело ограничивалось декларациями о важности ее изучения, в то время как исследовательская программа не была предложена. Кроме того, для функционализма характерно невнимание к соотношению декларируемых этических норм и стандартов и фактических действий профессионалов.

Несмотря на признаваемую важность изучения профессиональной этики, во второй половине XX века ни в общей социологической теории, ни в «отрас-

левых» социологии профессий и социологии морали (последняя в этот период пребывала в кризисе [44]) систематических усилий по осмыслению профессиональной этики не прилагалось. Тем не менее, некоторые разрозненные, но потенциально важные исследования и идеи в указанный период, безусловно, обнаруживаются, в том числе в отечественной социологической традиции.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СОВЕТСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

В советской социологии, в этом смысле мало отличавшейся от западной, профессиональная этика практически не исследовалась: предполагалось, что рабочие, специалисты, инженерно-техническая интеллигенция придерживаются норм социалистической морали, а девиации являются редкими частными случаями и могут быть объяснены сбоями в мотивации. Некоторые отсылки к этическим аспектам труда рабочих и инженеров можно найти в исследованиях В.А. Ядова и его коллег, которые обращались к социально-психологическим аспектам трудовой деятельности и создавали личностные профили промышленных работников, включая нормативные элементы профессионального поведения [9; 26]. Результатом этих исследований стала модель диспозиционной системы личности, объясняющая адаптацию индивида к социальным ситуациям [23]. По итогам обследования советских инженеров группа Ядова разработала классификацию ценностных ориентаций личности («таксонов») — от подгрупп, «чья жизненная позиция отличается высокой гражданственностью, сбалансированностью общей направленности интересов в отношении работы и семьи» до подгрупп с «гедонистической направленностью» в труде и низким уровнем «профессиональной вовлеченности».

Если перевести эти категории на современный язык социологии профессий, то можно сказать, что есть группы специалистов, для которых работа является исключительно средством заработка и материального благополучия, а есть те, кто имеет «призвание», т.е. принимает этические установки и нормативные принципы профессии. В таком случае «инженеры поневоле» составляют группу риска с точки зрения их исполнительности и технической компетентности, а также как моральные агенты, чьи решения должны быть увязаны с этическими нормами. «Инженеры по призванию» не только демонстрируют высокую техническую компетентность, но и в сложных ситуациях, требующих подключения «этического стержня», скорее всего будут следовать принципам профессиональной этики.

Конечно, в ядовском проекте использовались другие понятия, но диспозиционная теория личности, видимо, нуждается в реинтерпретации с позиций анализа эмоционального и этического компонентов профессионального труда.

В 1982 году по инициативе Э.А. Гришина и Ю.В. Согомонова состоялась конференция «по производственным и внепроизводственным аспектам профессиональной этики», по результатам которой вышел сборник, где главной стала вводная статья «Трудовая мораль и профессиональная этика», написанная организаторами конференции. Авторы критикуют «буржуазную профессиональную мораль» за ее противоречивость и служение узкокорпоративным интересам

отдельных сообществ и релевантно описывают роль и место профессиональной этики в социальной организации труда профессионалов.

Чтение материалов конференции оставляет неоднозначное впечатление: заметны усилия Согомонова и Гришина по продвижению концепции профессиональной морали и этики в советский социально-философский дискурс с пониманием и международного контекста, однако эти усилия нивелировались необходимостью следовать доминирующему дискурсу социалистической морали — обобщенной нормативно-нравственной системы поведения советского человека. Так, задача профессиональной этики сводилась к выработке «способности к самостоятельной моральной ориентации, к действиям на основе профессионально-нравственного идеала» [8. С. 17].

В конце 1990-х годов работу по социально-философской проблематизации этики среднего класса провели В.И. Бакштановский и А.Ю. Согомонов: они пытались разработать свою концепцию профессиональной этики как особого типа прикладной этики, показывая ее предназначение и критикуя ее прежние социально-философские модели. Вместе с тем проблемой многочисленных публикаций Бакштановского и Согомонова стала излишняя полемичность и размытость предлагаемых идей, что помешало их интеграции в социологический контекст изучения профессиональной морали [5; 6; 7].

В первое десятилетие 2000-х годов многие отечественные исследователи применяли англо-американские теоретические модели профессионализма для анализа российской ситуации [см., напр.: 2]. Анализ публикаций того периода позволяет констатировать отсутствие содержательного интереса к профессиональной этике, хотя в большинстве работ упоминаются «коды профессиональной этики» как обязательный атрибут профессионализма (видимо, эта позиция перекочевала из зарубежных исследований профессий). Например, сборник «Профессиональные группы интеллигенции» [20] в основном состоит из текстов по итогам проекта, реализованного в сотрудничестве с британскими социологами медицины и профессии Дж. Олсоп и М. Сакса. Однако авторы публикаций, хотя иногда и констатировали наличие профессиональной этики в определениях профессионализма [15], сосредоточились на экономических и статусных аспектах трансформации занятий врача и школьного учителя в России [16]. Столь же малое внимание профессиональной этике уделяется и в статьях тематических сборников по социологии профессий, опубликованных в Институте социологии РАН [25].

С конца 1990-х годов в отечественной социологии был проведен ряд важных исследований, посвященных разным аспектам профессионализма. Так, Е.Р. Ярская-Смирнова и П.В. Романов [21] изучали профессии социального государства, в первую очередь социальных работников, и подготовили ряд сборников: первая книга «Антропология профессий» вышла в 2005 году [3] и объединяла статьи о самых разных занятиях — от секс-работниц и детей — мойщиков машин до топ-менеджеров избирательных кампаний и врачей. Прямое и четкое обращение к теме этики в контексте профессионального труда присутствует только в двух текстах — о формах капитала в профессиональной деятельности адвокатов [11]

и в эссе о практической генеалогии [28]. В статье о профессии адвоката подчеркивается значимость формальных норм профессиональной этики у представителей этого профессионального сообщества, однако автор полагает, что адвокаты нередко отказываются от следования этическим принципам, поскольку им важнее интересы клиентов [11. С. 181].

Проблема в том, что автор не раскрывает содержание профессиональной этики адвокатов и не дает обоснованных интерпретаций отчуждения российских адвокатов от следования нормам этических кодексов.

В эссе о труде специалистов по восстановлению семейной и личной генеалогии их деятельность сравнивается с работой врача или психолога, для которых этические аспекты доверия и эмоционального контакта с клиентом играют существенную роль, поэтому генеалоги придерживаются «профессиональной этики, подобной врачебной» [28. С. 425], стараясь, например, подготовить клиента к обескураживающему открытию из прошлого его семьи, как врач готовит пациента к неприятному диагнозу.

Следующий сборник «Профессии.doc» вышел в 2007 году, включал больше материалов по теории профессионализма и расширил набор кейсов, описывающих повседневность разных занятий — целителя, врача-физиотерапевта, промышленного рабочего, фарцовщика, ученого, «таинственного покупателя» и др.

Несмотря на разнообразие занятий и профессий, практически ни в одной статье не возникает повестка профессиональной этики в явном или косвенном виде: присутствуют описания трудового процесса, фольклора, экономических отношений, взаимодействия с клиентами и техникой, но этика остается за пределами внимания исследователей, исключая ремарки о должном или не должном во взаимодействии с клиентами. Пожалуй, единственным кейсом, где более-менее развернуто возникает тема этичного поведения и девиаций, стало исследование полевой работы опросных агентств, где описаны неформальные тактики фальсификации данных интервьюерами, и автор задался вопросом о правомерности фиксации неформальных практик наблюдаемого сообщества [24. С. 348].

В 2013 году в той же серии вышел сборник «Профессии социального государства» — о занятиях, связанных с реализацией социальной политики и заботы (врачи, медицинские сестры, учителя). В некоторых текстах встречаются отсылки к проблемам профессиональной этики, которые позволяют развить и ряд теоретических сюжетов. В частности, в исследовании эволюции взглядов пациенток и врачей на контрацепцию можно увидеть историчность профессиональной этики, т.е. ее изменение в связи с развитием новых технологий, стилей жизни, правовых норм и обыденных представлений.

Так, вопрос контрацепции в СССР был тесно связан с пронаталистской политикой государства и отсутствием системы сексуального образования [27], которое фактически было оставлено на усмотрение семьи и дружеского и дворового окружения, поэтому и в медицине вопросы контрацепции специальным образом не оговаривались с пациентами.

В 1990-е годы произошел прорыв в сексуальном образовании, за которым, впрочем, последовал консервативный реванш — некоторые врачи восприняли

моральные установки религиозного и традиционного типа, а контрацепция стала рассматриваться как элемент усиления демографического кризиса. Иными словами, медикализация и профессиональный контроль за контрацепцией находятся в пространстве моральных суждений, и этические представления врачей по этому вопросу изменяются под влиянием разных факторов политического и социокультурного характера.

Несмотря на важность этих и целого ряда других исследований профессий, а также попытки эмпирического изучения профессиональной этики [14; 17], в российских публикациях последних лет крайне редко затрагиваются морально-этические аспекты профессионализма. В редких работах констатируется наличие формальных норм этики у разных занятий и профессий как обязательный атрибут профессионализма, еще реже авторы изучают содержание этических норм и практики их исполнения, в основном описываются случаи отклонений от декларируемых этических стандартов, например, плагиат в академической сфере [10]. Порой тема профессиональной этики исключается из анализа: так, в монографии «Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее будущее» [12], где показана эволюция отношений врачей и пациента в том числе и в нормативном ключе, отсутствует социологический анализ профессиональной этики в медицине. Конечно, имеется длительная традиция изучения «прикладной профессиональной этики» Бакштановским и Согомоновым, но, как показывает анализ библиографических списков публикаций, остается за пределами внимания большинства исследователей, вероятно, в силу эпистемической эндемичности их понятийного аппарата и сложности переноса социально-философских идей в контекст эмпирических исследований профессий и занятий.

Интересным опытом эмпирического измерения профессиональной этики профессий с помощью анкетного опроса стала работа И.В. Мерсияновой и ее коллег, к методической части которой, впрочем, возникает много вопросов в связи с проблемой прямого сопоставления отношения к этическим нормам у представителей разных социально-профессиональных групп [17].

В целом можно уверенно констатировать дефицит эмпирических и теоретических работ российских авторов по проблемам профессиональной этики.

Эта ситуация стала следствием как специфики профессионализма в российском контексте, так и общих проблем изучения профессиональной этики. В советское время профессионализм базировался на идеологии служения своему делу и интересам государства, поскольку все занятия и профессии были вписаны в матрицу советского режима [1]. Это не исключало наличия особых норм профессиональной этики (например, медицинской, которая нашла отражение в многочисленных фильмах и книгах), но они были вписаны в универсальные категории социалистической морали — служения, героизма, бескорыстия и самопожертвования профессионалов (например, как в фильме «Девять дней одного года»).

В постсоветский период структурная трансформация профессионализма в первую очередь отразилась на экономическом и правовом аспектах работы специалистов, и на этом фоне этические вопросы ушли на второй план, поскольку

для многих профессий («бюджетников» — врачи, учителя школ, преподаватели вузов) в 1990-е годы на первый план вышло выживание в ситуации инфляции и невыплат зарплат, а этические вопросы были отложены до лучших времен. Если сравнивать российские и западные публикации по социологии профессий, то можно увидеть сходство описания роли профессиональной этики: обычно она упоминается как необходимый атрибут профессионализма, но редко становится объектом содержательного анализа. Это объясняется и сложностью изучения поведения профессионалов в этической перспективе: каждая профессия обладает собственным набором этических норм и правил, которые не сводятся к пунктам этических кодексов и нуждаются в дополнительной эмпирической верификации. Тем не менее, у российских социологов есть возможности для развития исследований профессиональной этики в рамках социологии профессий.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРОФЕССИЙ

Британская и англо-американская социология профессий имеет более длинную и развитую историю эмпирических исследований и теоретизирования, нежели советская и российская. Зарубежные исследователи профессий не забывали вопросы профессиональной этики и морали, хотя она и не находилась в центре их внимания, а в последние лет двадцать и вовсе отошла на второй и третий планы, поскольку внедрение менеджериалистских методов в сферы образования, здравоохранения и медицины на фоне возрастания роли организационного контекста для труда профессионалов выдвинули на первый план сюжеты сокращения профессиональной автономии, трансформации профессионального статуса, применения экспертного знания и противоречия между лояльностью организации и включенностью в профессиональное сообщество. Конечно, в ряде работ рассматривается вопрос о соотношении действий профессионалов и общественных интересов, отдельные аспекты практической реализации принципов этических кодов (конфиденциальность и т.п.), ценностное и этическое выгорание в процессе профессионального труда, но специальное внимание вопросам о том, что такое этическое поведение, как профессионалы принимают решения с учетом принципов профессиональной этики, как вырабатываются формальные и неписаные этические нормы и как это влияет на статус и профессиональную власть, не уделяется.

Современный классик социологии профессий Э. Эбботт посвятил профессиональной этике отдельную статью [31], а затем не раз упоминал роль этических норм в установлении контроля сообщества за деятельностью профессионалов, однако и у него трудно обнаружить развернутую и четкую оценку роли профессиональной этики в жизни профессий. В статье Эбботт коротко остановился на функционалистском взгляде на профессиональную этику (солидаризация профессиональных сообществ) и эксплицировал прагматику формализации этических норм на улучшение социального статуса, рост экспертной власти и монополизацию отдельных занятий в США и Великобритании.

Удивительно, что и в фундаментальном труде «Система профессий» [32] профессиональной этике уделено столь мало внимания. Эбботт в числе других

инструментов институционализации экспертной позиции профессионалов (ассоциации, лицензирование) вспоминает о кодах профессиональной этики [32. Р. 18], рассуждает об использовании альтруистической идеологии кодов этики в экономической монополизации рынков услуг, полагая, что формализация этических кодов была отнюдь не первым шагом на пути профессионализации и последовала за лицензированием и приватизацией поля профессиональной деятельности, поскольку служила для исключения аутсайдеров, а не для расширения поля деятельности.

Иными словами, если на первых этапах профессионализации важно занять господствующие высоты в сфере труда и установить экспертную власть, то затем приходит время «размежевания», когда не всякая занятость определенным делом на постоянной основе трактуется как профессиональный труд: именно так, довольно жестко, используя и этические коды поведения, научная медицина в Великобритании маргинализировала представителей альтернативной медицины. К тому же для профессионализации исключительно важно поддерживать респектабельный публичный образ профессии, поэтому многие ранние кодексы этики делали акцент именно на этом, призывая профессионалов не только быть образцами добропорядочности и честности, включая личную жизнь, но и без необходимости «не выносить сор из избы» — не раскрывать публично ошибки, провалы и конфликты, сопровождающие жизнь любого профессионального сообщества.

Столь поверхностный взгляд на профессиональную этику Эбботта свидетельствует о дефиците у социологии профессий собственных объяснительных ресурсов для анализа этого элемента профессионализма.

Т. Бранте в своей программной статье, посвященной обзору теоретических подходов в социологии профессий, касается профессиональной этики в двух аспектах [35]: рассматривая теоретическую перспективу «наивизма», в центре которой находится парсоновское понимание профессий как генераторов и хранителей ценностей, и рассуждая о профессиональных мифах, где альтруизм выступает элементом профессиональной идеологии. Для Бранте профессиональные идеологии включают разные типы символических форм самолегитимации профессионального статуса, к которым относятся «миф о технократии», «миф растущей квалификации», «миф специализированного знания», «миф альтруизма», «миф рациональности», «миф нейтральности», «миф героизма». «Миф альтруизма» подразумевает наличие сильного императива общественного служения в этосе профессионалов, однако это может быть лишь идеологема, поддерживающая образ альтруистически ориентированного профессионала, тогда как на деле многие заслуги, приписываемые профессионалам, являются следствием обычного хода вещей. Таким примером для Бранте является борьба медиков с эпидемиями (холера, туберкулез, чума, дизентерия), успехи которой ставятся в заслугу героическим усилиям медицинской профессии, хотя спад уровня заболеваемости вполне может быть следствием других факторов [49].

К. Макдональд в книге «Социология профессий» [47] критически пересматривает дюргеймианскую традицию трактовки профессий как почти единственного

институционального актора, способного поддерживать культурную и социальную стабильность капиталистического общества благодаря наличию сильной моральной основы. Схожие позиции на протяжении долгого времени высказывали функционалистские теоретики профессионализма [43; 45; 53], приписывавшие профессиям «стабилизирующую» роль в мире капиталистической наживы, считавшие профессии хранителями моральных традиций вместе с церковью, семьей и университетами, верящие в альтруистические мотивы как неотъемлемые составляющие профессий и т.д. Все эти представления были подвергнуты жесткой критике в 1970—1980-е годы.

В первой части книги «Профессии и общественный интерес» М. Сакс анализирует роль альтруистических ценностей, приписываемых профессионалам в качестве их базовой мотивации, в разных типах исследований профессий [51].

Для таксономического и близкого ему функционалистского взгляда профессиональная этика и альтруистические мотивы служат основными элементами профессионализма наряду со специальным знанием. В неовеберинском подходе вопрос этики и альтруистической ориентации профессионального действия до конца не решен, поскольку профессии понимаются как группы, монополизирующие контроль над определенным сегментом рынка услуг, и на первый план выходит тема корпоративного интереса профессиональной группы, который должен как-то примиряться с общественным интересом. Марксистские теоретики критически настроены к профессиям как части доминирующих классов капиталистического общества, поэтому отрицают наличие у профессий альтруистического начала и призывают профессионалов оставить в прошлом автономию и стремление к особому социальному статусу. В целом в фундаментальной работе Сакса профессиональной этики уделено немного внимания — как неотъемлемому, но подчиненному элементу профессиональной идеологии, акцент сделан на профессиональной власти, борьбе за юрисдикцию при соблюдении общественных интересов.

К НОВОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ

Проведенный анализ российских и зарубежных публикаций по социологии профессий позволяет нам констатировать недостаточное внимание социологов к теоретическим и практическим сюжетам, связанным с ролью профессиональной этики в деятельности профессионалов. В основном профессиональная этика понимается как механизм санкций и внутреннего негативного контроля над профессионалами со стороны профессиональных сообществ и ассоциаций. Также нередко профессиональная этика видится исследователями некоей «вещью в себе» — необходимым институциональным элементом профессионализма, роль которого сводится к ограничению свободы действий специалистов в принятии решений. Столь же часто в центре внимания исследователей находится формальная сторона профессиональной этики — принятые ассоциациями и сообществами кодексы этического поведения — как часть профессиональной идеологии, направленной на поддержание корпоративной солидарности и повышение престижа занятия.

На фоне взлета интереса социальных наук к проблемам морали и этики [36; 44] в контексте экспериментальной психологии [42] подходы социологии профессий представляются архаичными и нуждаются в ревизии и развитии. Более того, мы полагаем, что, несмотря на разделяемые некоторыми авторами (пост)модернистские тезисы о «конце работы» [36] и значительном снижении роли профессиональной идентичности в жизни современного человека, тема профессиональной этики отнюдь не изжила себя, и социология способна обогатить междисциплинарную «науку о морали», привнеся в нее морально-этическое измерение профессионализма.

Можно обозначить несколько вызовов для социологии профессий и предложить некоторые пути обновления повестки исследований профессиональной этики. Прежде всего, следует обратить внимание на практическую сторону профессиональной этики в повседневных действиях профессионалов, т.е. на вопрос, в какой мере профессионалы следуют формализованным кодам этики, а не придерживаются выработанного в процессе общения с коллегами, на основе собственного опыта и здравого смысла комплекса представлений и интуиций о том, какое поведение и решение является этически допустимым. Иными словами, в профессиональной практике на первое место выходит фронезис [4], а не сухие строчки письменного кода этического поведения.

В этих условиях простого выяснения знания основных положений этического кода профессионалами недостаточно для понимания социальных механизмов принятия профессионального решения, поэтому социология профессий нуждается в новых методических приемах. Они могут быть заимствованы из области когнитивной науки, включая использование гипотетических сценариев, описывающих нарушения профессионально-этических норм, и измерение реакции профессионалов на подобные нарушения [37].

Важным направлением исследований представляется изучение соотношения профессиональной и моральной идентичности. Очевидно, что для многих людей профессиональные роли обладают высокой субъективной значимостью — им важно быть «хорошим» профессионалом, что часто связано не только с обладанием техническими знаниями и компетенциями, но и с поведением согласно этическим нормам профессионального сообщества. Моральная идентичность [52] — хороший кандидат на роль медиатора, связывающего нормативные суждения с моральным поведением профессионалов. Данный тезис вполне справедлив не только для классических «профессий» (наука, юриспруденция или медицина), где морально-этические аспекты профессионального поведения традиционно обладают высокой значимостью, но и для многих «занятий» (например, промышленных рабочих).

Наконец, важнейшей перспективой обновления тематической повестки изучения профессиональной этики в социологии профессий можно считать ее насыщение концепциями социологии морали. Внимание возрожденной социологии морали к имплицитным моральным убеждениям [29], моральной инфраструктуре норм в группах и сообществах [18], этическому знанию [37; 38], моральной адап-

тации и т.д. создало необходимую концептуальную почву для их интеграции в анализ моральных оснований поведения профессионалов. Это тем более актуально на фоне очевидного ухода сложившихся моделей профессионализма, в которых нормативные элементы служили солидарности сообщества, тогда как в настоящее время инструменталистское техническое знание и лояльность организации и ее поведенческим установкам в большей мере определяют культурную и институциональную организацию современных профессий. Возможно, мы являемся свидетелями коррозии профессиональной этики или же сведения ее к контрольно-репрессивной функции. В любом случае фундаментальные трансформации профессиональной этики в современных обществах должны быть социологически реконцептуализированы, что возможно лишь при условии разработки системного теоретико-методологического подхода.

Со времен Дюркгейма и Парсонса социологии едва ли удалось существенно продвинуться в понимании роли и особенностей функционирования профессиональной этики: многие ученые признают важность изучения этой темы, однако дело редко заходит дальше общих и поверхностных утверждений. Мы призываем сформировать «сильную программу» исследований профессиональной этики, которая смогла бы продвинуться дальше простой констатации наличия этических компонентов в деятельности профессионалов и была бы ориентирована на содержательный анализ эмпирического материала и интеграцию теоретических ресурсов классической и современной социологии профессий и социологии морали в единое исследовательское пространство.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Абрамов Р.Н., Ярская-Смирнова Е.Р.* Ретроспектива российского и советского профессионализма в оптике критической экологии // Мир России: Социология, этнология. 2017. Т. 26. № 2.
- [2] *Абрамов Р.Н.* Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. 2013. № 1.
- [3] *Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой.* Саратов, 2005.
- [4] *Аристотель.* Никомахова этика // Сочинения. Т. 4 / Под общ. ред. А.И. Доватура. М., 1984.
- [5] *Бакитановский В.И., Богданова М.В., Согомонов Ю.В., Согомонов А.Ю.* НИИ прикладной этики ТюмГНГУ: Летопись первого десятилетия (1995—2005). Тюмень, 2005.
- [6] *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: новая этика. Тюмень, 2003.
- [7] *Бакитановский В.И., Согомонов Ю.В.* Этос среднего класса: Нормативная модель и отечественные реалии / Под ред. Г.С. Батыгина, Н.Н. Карнаухова. Тюмень, 2000.
- [8] *Гришин Э.А., Согомонов Ю.В.* Трудовая мораль и профессиональная этика // Профессиональная этика: производственные и непроизводственные аспекты / Под ред. Э.А. Гришина, Ю.В. Согомонова. Владимир, 1982.
- [9] *Здравомыслов А.Г., Ядов В.А.* Человек и его работа в СССР и после. М., 2003.
- [10] *Корбут А.М.* Плагиат и конститутивный порядок диссертационного текста // Социологическое обозрение. 2013. Т. 12. № 2.
- [11] *Корнеева А.* Формы капиталов в профессиональной деятельности адвокатов // Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.
- [12] *Кузьмин К.В., Семенова Е.В., Петрова Л.Е., Закроева А.Г.* Коммуникация врача и пациента: прошлое, настоящее, будущее (Исторический и медико-социологический анализ). Екатеринбург, 2016.

- [13] *Лукиша О.В.* Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2003.
- [14] *Мансуров В.А., Юрченко О.В.* Динамика представлений о профессиональном альтруизме (на примере воспитателей детских садов) // Социологические исследования. 2016. № 9.
- [15] *Мансуров В.А.* Вместо введения. Исследование профессиональных групп российской интеллигенции: ситуация, методология и методика // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2003.
- [16] *Мансуров В.А., Лукиша О.В., Плотников А.В., Оллсон Дж., Сакс М., Кауппинен К.* Динамика социального статуса профессиональной группы врачей в России // Профессиональные группы интеллигенции / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2003.
- [17] *Мерсиянова И.В., Чешкова А.Ф., Краснополяская И.И.* Самоорганизация и проблемы формирования профессиональных сообществ в России. М., 2011.
- [18] *Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям* / Отв. ред. И.Ф. Девятко, Р.Н. Абрамов, И.В. Катерный. М., 2017.
- [19] *Профессионалы в эпоху реформ: динамика идеологии, статуса и ценностей* / Под ред. В.А. Мансурова. М., 2013.
- [20] *Профессиональные группы интеллигенции* / Отв. ред. В.А. Мансуров. М., 2003.
- [21] *Романов П.* Трансформация профессионализма // Человеческие ресурсы. 2001. № 2.
- [22] *Рубцова М.В., Мартыанова Н.А.* Альтруизм в профессиональной практике: социологический анализ профессий Роберта Мертона. // Вестник Санкт-Петербургского Университета. Серия 12: Психология, Социология, педагогика. 2012. № 1.
- [23] *Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция*. М., 2013.
- [24] *Симакина Н.* Курьезы и риски полевой работы социологов опросных агентств // Профессии.doc. Социальные трансформации профессионализма: взгляды снаружи, взгляды изнутри / Под ред. Е. Ярской-Смирновой, П. Романова. М., 2007.
- [25] *Социальная динамика и трансформация профессиональных групп в современном обществе* / Под ред. В.А. Мансурова. М., 2007.
- [26] *Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций* / Под ред. В.А. Ядова. М., 1977.
- [27] *Темкина А.* Гинекологи и пациентки в борьбе за дисциплину: медиализация контрацепции в современной России // Профессии социального государства / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. М., 2013.
- [28] *Ткач О.* «Мы ищем — вы находите»: профессиональное поле практической генеалогии // Антропология профессий / Под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. Саратов, 2005.
- [28] *Харт Г.Л.А.* Понятие права / Пер. с англ., под общ. ред. Е.В. Афонасина, С.В. Моисеева. СПб., 2007.
- [30] *Шмелева Е.Д.* Плагиат и списывание в российских вузах: роль образовательной среды и индивидуальных характеристик студента // Вопросы образования. 2016. № 1.
- [31] *Abbott A.* Professional Ethics // American Journal of Sociology. 1983. Vol. 88. No. 5.
- [32] *Abbott A.* The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor. Chicago, 1988.
- [33] *Abend G.* Thick concepts and the moral brain // European Journal of Sociology. 2011. Vol. 52. No. 1.
- [34] *Bauman Z.* Work, Consumerism and the New Poor. Buckingham, 1998.
- [35] *Brante T.* Sociological approaches to the professions // Acta Sociologica. 1988. Vol. 31. No. 2.
- [36] *Bykov A.* Rediscovering the moral: The 'old' and 'new' sociology of morality in the context of the behavioral sciences // doi: 10.1177/0038038518783967.
- [37] *Campbell E.* The Ethical Teacher. Maidenhead, 2003.
- [38] *Campbell E.* The ethics of teaching as a moral profession. Review of the literature // Curriculum Inquiry. 2008. No. 38.

- [39] *Dingwall R., King M.D.* Herbert Spencer and the professions: Occupational ecology reconsidered // *Sociological Theory*. 1995. Vol. 13. No. 1.
- [40] *Durkheim E.* Professional Ethics and Civic Morals. London—New York, 2003.
- [41] *Evetts J.* Professionalism: Value and ideology // *Current Sociology*. 2013. Vol. 61. No. 5—6.
- [42] *Greene J.D.* The rise of moral cognition // *Cognition*. 2015. Vol. 135.
- [43] *Halmos P.* The Personal Service Society. London, 1970.
- [44] *Hitlin S., Vaisey S.* The new sociology of morality // *Annual Review of Sociology*. 2013. Vol. 39.
- [45] *Johnson T.* Professions and Power. London, 1972.
- [46] *Lamont M.* The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class and Imagination. New York, 2000.
- [47] *Macdonald K.* The Sociology of the Professions (Theory, Culture and Society). London, 1995.
- [48] *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations. Chicago, 1973.
- [49] *McKeown T.* The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis? Oxford, 1979.
- [50] *Parsons T.* The Social System. London, 1991.
- [51] *Saks M.* Professions and the Public Interest. Medical Power, Altruism and Alternative Medicine. London, 1995.
- [52] *Stets J.E.* The social psychology of moral identity // *Handbook of the Sociology of Morality* / S. Hitlin, S. Vaisey (Eds.). New York, 2010.
- [53] *Tawney R.H.* The Acquisitive Society. Brighton, 1982.
- [54] *Willis E.* Talcott Parsons: His legacy and the sociology of health and Illness // *The Palgrave Handbook of Social Theory in Health, Illness and Medicine* / F. Collyer (Ed.). London, 2015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-747-764

PROFESSIONAL ETHICS AS AN OBJECT OF SOCIOLOGICAL STUDY: BETWEEN SOCIOLOGY OF MORALITY AND SOCIOLOGY OF PROFESSIONS*

R.N. Abramov, A.V. Bykov

National Research University Higher School of Economics
Myasnitckaya St., 11, Moscow, 101000, Russia

Institute of Sociology of FCTAS RAS
Krzhizhanovskogo St., 24 / 35-5, Moscow, 117218, Russia
(e-mail: rabramov@hse.ru; a.bykov@hse.ru)

Abstract. The article presents the results of the analysis of classical and contemporary theories and approaches to the study of professional ethics. In the first part of the article, based on the ideas of H. Spencer, E. Durkheim and T. Parsons, the authors question the general sociological interpretation of the nature of professional ethics mainly in its functionalist perspective. According to Spencer, professions play an important moral role in social development such as improving the quality of life. Durkheim believed that professional ethics should contribute to solidarity and prevent labor and commercial conflicts, which can be facilitated by the restoration of guilds in a renewed form — as institutionalized moral regulators.

* © R.N. Abramov, A.V. Bykov, 2018.

The research was supported by the Russian Foundation for Humanities. Project No. 18-011-00257.
The article was submitted on 22.07.2018.

Parsons conducted a theoretical analysis of medical ethics to emphasize the presence of prestigious professional positions based on altruistic values in capitalist societies. In the second part of the article, the authors prove that professional ethics was studied in Soviet and Russian sociology although in general it is represented rather poorly with the exception of works by A.V. Yadov, Yu.V. Sogomonov, E.A. Grishin and V.I. Bakshtanovsky, who emphasized practical aspects of the ethical actions of professionals. Today, the dispositional theory of personality developed by a group of researchers led by Yadov needs to be reinterpreted to take into account emotional and ethical components of professional work. Nevertheless, Russian authors developed an original theory of professional ethics as a special type of applied ethics, showed its purpose and criticized its social-philosophical models. The article presents an overview of contemporary Russian publications on sociology of professions, which allows to state a low interest in issues of professional ethics although most of the works mention “codes of professional ethics” as a mandatory attribute of professionalism. Despite the developed tradition of research in this field, the western sociology of professions is captured by functionalist and critical interpretations of professional ethics and rarely goes beyond the practical aspects of assessing the role of ethics in the actions of professionals.

Key words: professions; ethics; professional ethics; sociology of morality; sociology of professions; sociological theory; morality; norms

REFERENCES

- [1] Abramov R.N., Yarskaya-Smirnova E.R. Retrospektiva rossiyskogo i sovetskogo professionalizma v optike kriticheskoy ekologii [The retrospective of Russian and Soviet professionalism through the optics of critical ecology]. *Mir Rossii: Sotsiologiya, Etnologiya*. 2017; 26 (2) (In Russ.).
- [2] Abramov R.N. Sotsiologiya professiy i zanyatiy v Rossii: obzor tekushchey situatsii [Sociology of professions and occupations in Russia: A review of current situation]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2013; 1 (In Russ.).
- [3] *Antropologiya professiy* [Anthropology of Professions]. Pod red. P.V. Romanova, E.R. Yarskoy-Smirnovoy. Saratov; 2005 (In Russ.).
- [4] Aristotle. Nikomakhova etika [Nicomachean ethics]. *Sochineniya*. Vol. 4. Pod obshch. red. A.I. Dovatura. Moscow; 1984 (In Russ.).
- [5] Bakshtanovsky V.I., Bogdanova M.V., Sogomonov Yu.V., Sogomonov A.Yu. *III prikladnoy etiki TyumGNGU: Letopis pervogo desyatiletiya (1995—2005)* [Institute of Applied Ethics of TyumGNGU: Chronicle of the First Decade (1995—2005)]. Tyumen; 2005 (In Russ.).
- [6] Bakshtanovsky V.I., Sogomonov Yu.V. *Grazhdanskoe obshchestvo: novaya etika* [Civil Society: A New Ethics]. Tyumen; 2003 (In Russ.).
- [7] Bakshtanovsky V.I., Sogomonov Yu.V. *Etos srednego klassa: Normativnaya model i otechestvennye realii* [Middle Class Ethics: A Normative Model and Russian Realities]. Pod red. G.S. Batygina, N.N. Karnaukhova. Tyumen; 2000 (In Russ.).
- [8] Grishin E.A., Sogomonov Yu.V. Trudovaya moral i professionalnaya etika [Work morality and professional ethics]. *Professionalnaya etika: proizvodstvennye i neproizvodstvennye aspekty*. Pod red. E.A. Grishina, Yu.V. Sogomonova. Vladimir; 1982 (In Russ.).
- [9] Zdravomyslov A.G., Yadov V.A. *Chelovek i ego rabota v SSSR i posle* [Man and His Work in the USSR and Later]. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [10] Korbut A.M. Plagiat i konstitutivnyy poryadok dissertatsionnogo teksta [Plagiarism and the constitutive order of dissertation text]. *Sotsiologicheskoe Obozrenie*. 2013; 12 (2) (In Russ.).
- [11] Korneeva A. Formy kapitalov v professionalnoy deyatel'nosti advokatov [Forms of capitals in attorneys' work]. *Antropologiya professiy*. Pod red. P.V. Romanova, E.R. Yarskoy-Smirnovoy. Saratov; 2005 (In Russ.).
- [12] Kuzmin K.V., Semenova E.V., L.E. Petrova L.Ye., Zakroyeva A.G. *Kommunikatsiya vracha i patsienta: proshloe, nastoyashchee, budushchee (Istoricheskiy i mediko-sotsiologicheskiy analiz)* [Physician-Patient Communication: Past, Present, Future (A Historical and Medical-Sociological Analysis)]. Ekaterinburg; 2016 (In Russ.).

- [13] Luksha O.V. Sotsiologiya professionalnykh grupp: opredelenie ponyatiy [Sociology of professional groups: Defining the concepts]. *Professionalnye gruppy intelligentsia*. Otv. red. V.A. Mansurov. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [14] Mansurov V.A., Yurchenko O.V. Dinamika predstavleniy o professionalnom altruizme (na primere vospitateley detskikh sadov) [Dynamics of professional altruism interpretations (on the example of kindergarten teachers)]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2016; 9 (In Russ.).
- [15] Mansurov V.A. Vmesto vvedeniya. Issledovanie professionalnykh grupp rossiyskoy intelligentsii: situatsiya, metodologiya i metodika [Instead of an introduction. A study of the professional groups of intelligentsia: Situation, methodology, method]. *Professionalnye gruppy intelligentsia*. Otv. red. V.A. Mansurov. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [16] Mansurov V.A., Luksha O.V., Plotnikov A.V., Ollsop J., Saks M., Kauppinen K. Dinamika sotsialnogo statusa professionalnoy gruppy vrachey v Rossii [The dynamics of the physicians' professional group social status]. *Professionalnye gruppy intelligentsii*. Otv. red. V.A. Mansurov. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [17] Mersiyanova I.V., Cheshkova A.F., Krasnopolskaya I.I. *Samoorganizatsiya i problemy formirovaniya professionalnykh soobshchestv v Rossii* [Self-Organization and Problems of Professional Communities Formation in Russia]. Moscow; 2011 (In Russ.).
- [18] Normy i moral v sotsiologicheskoy teorii: ot klassicheskikh kontseptsiy k novym ideyam [Norms and Morality in Sociological Theory: From Classical Conceptions to New Ideas]. Otv. red. I.F. Deviatko, R.N. Abramov, I.V. Katerny. Moscow; 2017 (In Russ.).
- [19] *Professionaly v epokhu reform: dinamika ideologii, statusa i tsennostey* [Professionals in the Age of Reforms: Dynamics of Ideology, Status, and Values]. Pod red. V.A. Mansurova. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [20] *Professionalnye gruppy intelligentsii* [Professional Group of Intelligentsia]. Otv. red. V.A. Mansurov. Moscow; 2003 (In Russ.).
- [21] Romanov P. Transformatsiya professionalizma [Transformation of professionalism]. *Chelovecheskie Resursy*. 2001; 2 (In Russ.).
- [22] Rubtsova M.V., Martyanova N.A. Altruizm v professionalnoy praktike: sotsio-logicheskii analiz professiy Roberta Mertona [Altruism in professional practice: Robert Merton's sociological analysis of professions]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. Seriya 12: Psikhologiya, Sotsiologiya, Pedagogika*. 2012; 1 (In Russ.).
- [23] *Samoregulyatsiya i prognozirovaniye sotsialnogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya* [Self-Regulation and Predicting Personality's Social Behavior. The Dispositional Theory]. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [24] Simakina N. Kuriezy i riski polevoy raboty sotsiologov oprosnykh agentstv [Curious things and risks of the sociological work of pollsters]. *Professii.doc. Sotsialnye transformatsii professionalizma: vzglyady snaruzhi, vzglyady iznutri*. Pod red. E. Yarskoy-Smirnovoy, P. Romanova. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [25] *Sotsialnaya dinamika i transformatsiya professionalnykh grupp v sovremennom obschestve* [Social Dynamics and Transformation of Professional Groups in Contemporary Society]. Pod red. V.A. Mansurova. Moscow; 2007 (In Russ.).
- [26] *Sotsialno-psikhologicheskii portret inzhenera. Po materialam obsledovaniya inzhenerov leningradskikh proektno-konstruktorskikh organizatsiy* [A Social-Psychological Portrait of The Engineer. A Survey in the Leningrad Engineering Design Organizations]. Pod. red. V.A. Yadova. Moscow; 1977 (In Russ.).
- [27] Temkina A. Ginekologi i patsiyentki v borbe za distsiplinu: medikalizatsiya kontratseptsii v sovremennoy Rossii [Gynecologists and their patients struggling for discipline: Medicalization of contraception in contemporary Russia]. *Professii sotsialnogo gosudarstva*. Pod red. P.V. Romanova, E.R. Yarskoy-Smirnovoy. Moscow; 2013 (In Russ.).
- [28] Tkach O. "My ishchem — vy nakhodite": professionalnoye pole prakticheskoy genealogii ["We search — you find": Professional field of practical genealogy]. *Antropologiya professiy*. Pod red. P.V. Romanova, E.R. Yarskoy-Smirnovoy. Saratov; 2005 (In Russ.).

- [29] Hart G.L.A. *Ponyatiye prava* [The Concept of Law]. Per. s angl., pod obsch. red. E.V. Afonasina, S.V. Moiseeva. Saint Petersburg; 2007 (In Russ.).
- [30] Shmeleva E.D. Plagiat i spisyvanie v rossiyskikh vuzah: rol obrazovatelnoy sredy i individualnykh kharakteristik studenta [Plagiarism and cheating in Russian universities: The role of educational environment and personal characteristics of students]. *Voprosy Obrazovaniya*. 2016; 1 (In Russ.).
- [31] Abbott A. Professional ethics. *American Journal of Sociology*. 1983; 88 (5).
- [32] Abbott A. *The System of Professions. An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago; 1988.
- [33] Abend G. Thick concepts and the moral brain. *European Journal of Sociology*. 2011; 52 (1).
- [34] Bauman Z. *Work, Consumerism and the New Poor*. Buckingham; 1998.
- [35] Brante T. Sociological approaches to the professions. *Acta Sociologica*. 1988; 31 (2).
- [36] Bykov A. Rediscovering the moral: The 'old' and 'new' sociology of morality in the context of the behavioral sciences. *Sociology*. doi: 10.1177/0038038518783967.
- [37] Campbell E. *The Ethical Teacher*. Maidenhead; 2003.
- [38] Campbell E. The ethics of teaching as a moral profession. Review of the literature. *Curriculum Inquiry*. 2008; 38.
- [39] Dingwall R, King M.D. Herbert Spencer and the professions: Occupational ecology reconsidered. *Sociological Theory*. 1995; 13 (1).
- [40] Durkheim E. *Professional Ethics and Civic Morals*. London—New York; 2003.
- [41] Evetts J. Professionalism: Value and ideology. *Current Sociology*. 2013; 61 (5—6).
- [42] Greene J.D. The rise of moral cognition. *Cognition*. 2015; 135.
- [43] Halmos P. *The Personal Service Society*. London; 1970.
- [44] Hitlin S., Vaisey S. The new sociology of morality. *Annual Review of Sociology*. 2013; 39.
- [45] Johnson T. *Professions and Power*. London; 1972.
- [46] Lamont M. *The Dignity of Working Men: Morality and the Boundaries of Race, Class and Imagination*. New York; 2000.
- [47] Macdonald K. *The Sociology of the Professions (Theory, Culture and Society)*. London; 1995.
- [48] Merton R.K. *The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations*. Chicago; 1973.
- [49] McKeown T. *The Role of Medicine: Dream, Mirage or Nemesis?* Oxford; 1979.
- [50] Parsons T. *The Social System*. London; 1991.
- [51] Saks M. *Professions and the Public Interest. Medical Power, Altruism and Alternative Medicine*. London; 1995.
- [52] Stets J.E. The social psychology of moral identity. Hitlin S., Vaisey S. (Eds.). *Handbook of the Sociology of Morality*. New York; 2010.
- [53] Tawney R.H. *The Acquisitive Society*. Brighton; 1982.
- [54] Willis E. Talcott Parsons: His legacy and the sociology of health and illness. Collyer F. (Ed.). *The Palgrave Handbook of Social Theory in Health, Illness and Medicine*. London; 2015.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775

VIOLETION OF INFORMATION ECOLOGY IN MEDIA SPACE*

F.I. Sharkov^{1,2}, V.V. Silkin¹,
I.E. Abramova³, N.V. Kirillina¹

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Prosp. Vernadskogo, 84, Moscow, 119571, Russia

²Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)
Prosp. Vernadskogo, 76, Moscow, 119454, Russia

³Rostov State Medical University
M. Gorky St., 11/43, Rostov-on-don, 344002, Russia

(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@migsu.ru;
www-abramova-achii@mail.ru; nata.kirillina@gmail.com)

Abstract. The extreme “pollution” of the global information space has a negative impact on the social well-being of the population for media space is a kind of social space covered by the media. It is necessary to create an effective system of legal protection and social guarantees so that any citizen can receive minimal social protection and be protected from the negative impact of the adverse ecology of the mass media. Not everyone who is experiencing intense exposure to the media is aware of its negative effects including “fatigue syndrome”. To prevent it, D. Lewis proposes the following algorithm: use all information technologies of business and everyday communication; improve the methods of studying and processing data; set the right priorities for their analysis and use [26]. All media and actors that interact with them must master information culture, for which it is necessary to train specialists in the field of media ecology who are aware of the influence of media and social technologies on people’s feelings, thoughts, values and behavior. So far, experts on media ecology do not have a sufficient theoretical basis for conducting sociological research and identifying how the media forces the audience to structure what it sees, hears and feels in a certain way. Today’s media (especially electronic) can have a violent and undesirable effect — this is not only a psychological but also a philosophical, social and cultural problem that affects both children and adults. “Information anarchy” leads not only to moderate negative consequences but in some cases to “information ecocide” — destruction of traditional information and the media. Countering the contamination of the information environment should include the following steps: development of requirements for the content creation; monitoring of the collection, storage, processing and destruction of information; development of criteria for assessing the use of information. It is necessary to introduce a single rating system for information products, which will allow users to evaluate the quality of information sources according to the following criteria: purity of information; work on creating content; source coverage; quality (completeness) of information; sources of specific data sets; social-demographic characteristics of potential users.

Key words: environment; mass media; media space; media sociology; information ecology; informational hygiene; ecocide

* © F.I. Sharkov, V.V. Silkin, I.E. Abramova, N.V. Kirillina, 2018.
The article was submitted on 30.04.2018.

Human environment includes natural, social and noosphere components: animal world is surrounded by solely natural environment; noosphere develops from natural sphere and biosphere; biosphere becomes a technosphere and functions under constant pressure, which has led to its collapse and violation of its life cycles, and, consequently, to the destruction of noosphere. “The utmost self-organization of a noosocietal system is possible with constant interaction between all its components. The necessity of unification of the mentioned subsystems into a single system is entailed by the fact that Nature has to confront not only numerous disasters (natural, political, social, etc.) caused not only by natural processes on the planet itself, but also by external to the Earth and hence more dangerous elements. Noosocietal system, in fact, is the mind of the planet, which unifies the organized beginning of self-organizing systems of the biosphere (including the human mind as its main component), information-crystallized (natural and technosphere), macrosocietal, and noosphere levels” [39. P. 78].

The possibility of self-preservation of ecological system, its components, including living systems, is limited to certain boundaries, beyond which the ability to reproduce and progress of both integrated living systems and their individual parts is lost. The stability of a living system manifests itself as an ability to resist the disturbing and destructive factors of internal and external environment and maintain one’s qualities, and above all — adaptability. Most modern environmental challenges are determined by the interaction of society and nature for human activities disrupt the structure and relationship between existing ecological niches. “This new reality has not been yet recognized by all people as most of them do not take into account the dynamics of nature anthropogenic changes, confining themselves to the assessment of the today’s status of nature that doesn’t seem yet to inspire fear” [9. P. 186]. “Natural environment is influenced by many factors. Depending on negative anthropogenic impact on the environment we have to use different types of environmental audit. Subjects to such evaluation are various indicators of the hazard/safety of different activities and their results” [41. P. 71].

DEFINITIONS OF SPACE, MEDIA AND MEDIA SPACE

Before considering phenomena of media environment, it is necessary to define basic concepts of such analysis. Thus, “the old acoustic ‘common sense’ of space continued as spherical, multisensory and multidimensional space until the first age of alphabetic literacy, moreover, it provided the basis of considerable opposition to the new abstract visual space of the atomists” [22. P. 44]. The term ‘media’ refers to both primary and secondary (remote) mediators of social communications including electrical appliances, books, television and other elements that somehow affect communication and change the individual worldview. In recent years, the word ‘media’ has been used to name areas and content of media communications, such as social media, mass media, media content, etc.

In English-language publications the concept ‘media space’ has been used since the 1980s in the works of R. Stults and S. Harrison for “electronic environment in which groups of people can work together even if they are not present in the same place at

the same time” [20; 45]. Some authors believe that the concept ‘media space’ was first used in sociology in 1990 by A. Appadurai [5]. Later, based on this work, M. Waters continued to study the components of media space and modified the classification of space-flows by J. Baudrillard’s concept of simulacra [47]. N. Couldry and A. McCarthy note that media is material and consists of real objects (e.g., books, CDs, receivers and other transmitters of information) that are an integral part of particular power structures or segments of economy [13]. Thus, media space is primarily a dialectical concept reflecting the transformations of social space by various forms of media.

An alternative interpretation of the media can be found in the works of American scientists [1; 18; 30]: they believe that true intentions (motives) of the media can be different than they appear to readers, viewers and listeners. Despite their heterogeneity, media are flexibly situated within networks that generate effects. These agglomerative networks of humans and non-humans both perpetuate old ways of doing things and contribute to the evolution of new ones — all in particular. Media practices, processes, and figures are deeply grounded in materiality and are themselves necessarily bound to material forms. As communicative objects (images, narratives, discourses, etc.) they are continually translated, recoded, and rematerialized through a variety of different physical forms. Even the invisible (to humans) transmission of signals through the electromagnetic spectrum is a wholly material process whereby materially existing signifiers (in semiotic terminology) circulate meanings across potentially vast distances and variegated cultural contexts. Although these networked communicative processes and practices are unavoidably rooted in materiality, the manner how they appear in our homes, workplaces, and public space often hides many aspects and motives [1; 18; 30].

P. Adams with co-authors include in the notion of ‘media space’ not only the mass media but also fundamentally new types of communications such as blogs, social networks, websites, and all technical means of production, transmission, perception and consumption of information [1]. In the global media space supported by the Internet, each element represents a part of the whole and has the potential to interact with all other components of the global system. The global communication network includes various communication models; its structural elements interact not only within the model but also with elements of other subsystems of the World Wide Web. “Media and communications do not simply penetrate our places or ourselves. They (including the meanings they circulate) are negotiated and appropriated by us in places and ways that form a final layer in the constitution of a field of activity that some label the *mediasphere*. J. Hartley describes the mediasphere as something big enough to cover the planet, coherent enough that each tiny part may interact with all others, and small or local enough to affect every individual... It expresses various forms, relationships and structural conditions for existence and interaction of a worldwide system of media communication” [21].

According to P. Bourdieu, sociology is a social topology. Therefore, social world is a multidimensional space built on the principles of differentiation and distribution, formed by the combination of properties that can provide its owner with power and authority. Agents and groups of agents are defined by their relative positions in this

space. Thus, media space implies both structural dependence of the local upon something that exceeds it and differentiation of particular locales from one another. Media space as a “structured social space, a field of forces” that contains “people who dominate and who are dominated” locked in “permanent relations of inequality”, within which “various actors struggle for the transformation or preservation of the field” [8. P. 40].

In Russia, media space is defined as “a social space formed and saturated with information by the media” [40]. Media space is not a territory that can be visualized although social space covered by some media can be located within geographical or administrative boundaries. The very ‘saturation’ of media space is a special form of the results, means and forms of information received from the mass media. The structure of media space consists of the following elements: (a) mass media that constitute the material, physical basis for the production and transmission of mass information; (b) social relations of media agents within the production and consumption of mass information; (c) information symbolic product in which mass information is distributed. “Media space is a social system, therefore its structural elements (radio space, print space, Internet, etc.) are subject to general laws of the media development. Elements of this space differ in the degree of influence and scale but are all interconnected; changes in one element of the system affect all others” [42]. Thus, violation of ecology in any part of media space can lead to violations of its other components in the future.

“Today the concept ‘media space’ is used in both the Newtonian sense — as a kind of conditional territory on which information and its carriers are located and producers and consumers of mass information come from time to time; and in the Leibnizian sense — as a system of relations in the production, distribution, processing and consumption of mass information. However, the most important feature of media space is that the actions of all the above mentioned agents are determined by the norms and rules inherent in the social institution called media”. Thus, media space appears either in the form of an information field within media system or in the form of an unreal information space, the agents of which are only information producer and its target audience. At the same time “media space should not be viewed as a kind of empty territory, a ‘repository’ of actors and communication processes, indifferent to what is happening in it; it is a complex self-organizing system that with the help of direct and reverse ties affects all processes within its boundaries and reacts to them” [14]. “The sociological structure of media space consists of four elements: media, audience, content and symbols” [11].

ECOLOGY OF INFORMATION SPACE

Today society faces challenges of the media space development and of protecting population from the negative impact of the media. Therefore, we need a system of legal and social guarantees that every citizen will be able to receive all necessary information and will be protected from the impact of the disturbed ecology of media space. However, not everyone within the sphere of intensive information coverage is aware of its negative consequences due to the fact that “first, information interactions are considered either insignificant or not having negative consequences. And, second, we believe that it is

easy to counter the information impact (e.g. to turn off TV, leave the cinema or a concert, etc.). The media technology development shows that the impact of information processes can be considered similar to energy-related but exceeds them”. Aggressive information environment deprives people of independent thinking, freedom of creativity, inspiring ideas, and distorts human cognition. These problems should be studied in the framework of ‘information ecology’ [4. P. 2—3].

“Information ecology is defined differently but we believe that this is a science that studies patterns of the information influence on the development and behaviour of a person, social communities and humanity as a whole, on individual and social relationships with the information environment, and also on interpersonal and intergroup information interactions” [48]. The goals and objectives of information ecology include all issues of human interaction with information environment. Media ecology is a section of information ecology for it studies human interaction not with the entire information environment but with media environment. Media ecology evaluates the state of media environment, possible impact of symbolic systems and technologies on the individual and human society as a whole.

It is believed that the term ‘media ecology’ was introduced by N. Postman in his speech at the National Congress of Teachers of English in 1968. He referred to the works of M. McLuhan who used the term ‘media ecology’ in his books *The Gutenberg Galaxy* (1962) and *Understanding Media* (1964). Media ecology questions the ways media affect human perception, understanding and feelings, and whether interaction with the media facilitates or complicates our survival [34. P. 160—168]. Media ecology affects various spheres of human life connected with information and communication. They include coding, data collection, processing, communication methods and theories; all procedures related to the development of content, systems and models of communication and information. Media ecology “is the study of media environments, the idea that technology and techniques, modes of information and codes of communication play a leading role in human affairs... It is technological determinism, hard and soft, and technological evolution. It is media logic, medium theory, mediology. It is McLuhan Studies, morality-literacy studies, American cultural studies. It is grammar and rhetoric, semiotics and systems theory, history and philosophy of technology. It is the post-industrial and the postmodern, and the preliterate and prehistoric” [44].

Media ecology develops as a metadiscipline that considers a complex system of interactions between media environment and a person and/or social communities. Media ecology experts study how the media, social technologies, techniques and methods of media influence affect human feelings, thoughts, values and behaviour. However, “media ecologists do not as yet have a coherent framework in which to organize their subject matter or their questions. Media ecology is, in short, a preparadigmatic science” [31]. In general, media ecology studies media environment of a man: its structure, content, methods, impact on people. Media environment is a complex system of information impact which provides people not only with different information but also with certain ways of thinking, perception of environment and behaviour. In some cases, mediators determine specific feelings and anticipated actions, i.e., in consulting (including remote

communications) mediators specify what to do, assign an impact and insist on its implementation. “In the case of media environments (e.g., books, radio, film, television, etc.), the specifications are more often implicit and informal, half concealed by our assumption that what we are dealing with is not an environment but merely a machine. Media ecology tries to make these specifications explicit. It tries to find out what roles media force us to play, how media structure determines what we are seeing, why media make us feel and act as we do” [34].

Thus, there is a need for social adaptation of the person living and acting in the contemporary information environment. It is important not only to use information resources but also to develop an information worldview, propagate humanistic ideas, eliminate the discrepancy between the high-level technology development and low-level human culture. “At the same time, there is no doubt that media space, overloaded and ‘clogged’ with unnecessary and even dangerous information, poses a certain danger to individuals and organizations... And as in the case of nature management, in this situation opportunities go hand in hand with dangers. Protection of information ecology, a necessary condition for the present and future, is an urgent problem that can be addressed by legal regulation, the ‘strongest’ instrument of which is criminal law”. There are “serious violations of media space. Aggression and violence have overflowed the television. Such a state of affairs significantly worsens the social-psychological basis of public life, contributes to the atmosphere of uncertainty and instability and increases the feeling of being in constant danger. The most disastrous is the media impact on the younger generations that implement models of aggressive behaviour shown on television” [42. P. 40].

VIOLATION OF MEDIA SPACE ECOLOGY

A series of experiments [19. P. 115—142; 36. P. 69—80; 38. P. 397—406] proved that a mere observation of the model facilitates one’s reactions to it in the given social setting. Thus, “the comparison of the behaviour in a generalized situation showed that participants representing the aggressive model prefer aggressive reactions corresponding to the model, and their average scores were significantly different from representatives of non-aggressive and control groups. Representatives of aggressive group also demonstrated partially imitating reactions and non-aggressive behaviour and usually had less control over their behaviour” [6. P. 575].

Some authors believe that the print media are less likely than the electronic ones to cause aggressive behaviour. The print media do not have audio-visual or visual elements, thus, do not activate the same immediate emotional perception as radio and television. N. Postman describes the dominant ideas and ways of thinking that are fostered by electronic communications as ‘dangerous nonsense’ [35] or a ‘dangerous delirium’: “we are becoming more stupid by every minute” [15. P. 24]. The today’s mass media, especially electronic ones, have the ability to exert negative impact and media violence. Television violence is especially dangerous for the younger people. “Despite the growing concern about the mental health of children, TV programs with images of cruelty and violence are created at will of the general audience... Television

is the first truly democratic culture — the first culture available to everybody and entirely governed by what the people want. The most terrifying thing is what people do want” [15]. Human civilization is increasingly engaged in a certain symbolic sphere generated by media, advertising, film and video products, the Internet, etc. It surrounds a man with images and symbols, takes him into the virtual world of artificial and false meanings. However, patterns and dangers of our interaction with the new information world are poorly understood though we admit that the personal world changes under the influence of the symbolic sphere and its negative psychological consequences including the loss of the true freedom of spiritual and moral self-determination.

Human intellect and its evolution depend on the nature of the information flows. The mass media, especially electronic media, are able to purposefully form certain mechanisms of mental activity with both qualitative and quantitative impact on the person’s thinking. The so-called ‘information anarchy’ leads not only to moderate negative consequences but in some cases to ‘information ecocide’ — “destruction of traditional information and its carriers (messages, symbols, signals, signs, images, knowledge systems)” [48]. The features of information ecocide are as follows: anti-national and anti-ethnic — destruction of language, alphabet, worldview (faith, religion), customs and rituals; inter-regional and inter-group — destruction of the common information space, information links between territories, settlements, groups; unscientific — destruction of the existing system of knowledge, information storages; anti-human — destruction of universal principles, propaganda of violence, tyranny, chauvinism, violation of human rights.

We need to develop a new social technology to adapt to the contemporary information environment, which requires knowledge of how to use information and information resources, to create an information worldview consisting of the laws of information functioning in society, to understanding the essence of information transformations and one’s place and tasks in the emerging information society [29].

To deter the pollution of the information environment we have to develop specific requirements to the creation of the content, control the collection, storage, processing and destruction of information, and develop criteria for assessing the use of information. ‘Information hygiene’ requires development and application of specific requirements and control over information flows. It is necessary to introduce a general rating system of information products, which will allow users to evaluate the quality of information sources. This, in turn, requires criteria for assessing information including its purity and filters, labour costs for creating the content, scale of coverage, quality (completeness of information), sources of data, and social-demographic characteristics of potential audience. The ecological quality of information is evaluated through its social character, linguistic criteria (criticism, volume, bias), and historical aspects. Thus, the checklist for successful counteraction to information pollution consist of (1) an information requirements plan; management and control over collection, storage and distribution of information; assessment of the use of information [4. P. 5; 23. P. 32—36].

The mass media have a great impact on human cognition and can purposefully form the point of view even if the recipient does not accept it. The position introduced through the media often becomes the dominant choice for human behaviour, i.e. there

is a real threat of the public consciousness control, which is a dangerous psychological aspect of human interaction with the information environment. In the large-scale information wars, the public consciousness becomes an object of influence, control and manipulations. Information ecology experts name the following risk factors inherent in the system “human being — information environment”: immaturity of individuals expressed in inability to consciously choose information; personal predisposition to conformism and imitation; readiness to accept manipulative information; negative functional state of the individual psyche; social situation contributing to increased anxiety or mass ‘infection’ with ideas and appeals of a charismatic personality [24. P. 134—137].

D. Lewis believes that the exponential growth of new information will soon be doubled every 20 months, which means that it will be necessary to constantly seek additional time to bring knowledge and skills in line with the demands of the time. Not so long ago, the knowledge acquired in the first 20 years of life was enough to make a living for the next 40 years; today the life span of knowledge is constantly shortened and after a certain period of time it does not have any ‘market value’. For example, in the field of computation, application of the Moore law suggests that about half the knowledge of a specialist in this field becomes obsolete in several years. Moreover, “the information fatigue syndrome arises as a kind of psychological phenomenon leading to the adoption of erroneous decisions and incorrect conclusions” [24]. To prevent the information fatigue syndrome, Lewis suggests to (1) take advantage of every information technology used in business and daily communication, (2) improve methods of data collection and processing, (3) set correct priorities in the study of data [26].

REFERENCES

- [1] Adams P.C. Tuanian geography: A tale of contrasts and nuances. *Place, Space and Hermeneutics*. Ed. by B. Janz. Springer; 2017.
- [2] Adams P.C., Cupples J., Glynn K., Jansson A., Moores S. *Communications/Media/Geographies*. Routledge; 2017.
- [3] Adams P.C., Jansson A. Communication geography: A bridge between disciplines. *Communication Theory*. 2012; 22 (3).
- [4] Andreyko G.P. *Ecology of Information Space*. Kharkiv; 2015 (In Russ.).
- [5] Appadurai A. Disjuncture and difference in the global cultural economy. *Theory, Culture and Society*. 1990; 7.
- [6] Bandura A., Ross D., Ross S. Transmission of aggression through imitation of aggressive models. *Abnormal and Social Psychology*. 1961; 63 (3) (In Russ.).
- [7] Beirne et al. *Issues in Deploying the Technology for a Media Space*. Toronto; 1994.
- [8] Bourdieu P. *On Television*. New Press; 1998.
- [9] Brinchuk M.M. Environmental law as a systemic phenomenon: Communication context. *Communicology*. 2015; 3 (1) (In Russ.).
- [10] Buxton W. *Space-Function Integration and Ubiquitous Media*. Toronto; 2005.
- [11] Buzin V.N. *Social Management of Russian Media. System-Activity Approach*. Moscow; 2012 (In Russ.).
- [12] Christensen M., Jansson A. *Cartographies of Change. Cosmopolitanism and the Media*. Palgrave Macmillan; 2015.

- [13] Couldry N., McCarthy A. Orientations: mapping media space. *Mediaspace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. Routledge; 2004.
- [14] Dzyaloshinsky I.M. *Contemporary Media Space of Russia*. Moscow; 2015 (In Russ.).
- [15] Elwell F.W. Neil Postman on the media & sociocultural change. 2013. <http://www.faculty.rsu.edu/~felwell/Theorists/Essays/Postman2.htm>.
- [16] Falkheimer J., Jansson A. *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies*. Nordicom; 2006.
- [17] Fuchs C. *Culture and Economy in the Age of Social Media*. Routledge; 2015.
- [18] Glynn K., Cupples J. Negotiating and queering US hegemony in TV drama: Popular geopolitics and cultural studies. *Gender, Place and Culture*. 2015; 22 (2).
- [19] Grosser D., Polansky N.A., Lippitt R.O. A laboratory study of behavioral contagion. *Human Relations*. 1951; 4.
- [20] Harrison S. *Media Space: 20+ Years of Mediated Life*. Springer; 2009.
- [21] Hartley J. *Television Truths*. Blackwell; 2008.
- [22] Havelock E.A. *Origins of Western Literacy*. Toronto; 1971.
- [23] Horton F.W. Information ecology. *Journal of Systems Management*. 1978; 29 (9).
- [24] Kasyanov S., Aleshina L.I., Fedoseeva S.Y. Hygienic and physiological aspects of the information ecology. *Facets of Knowledge*. 2015; 8 (In Russ.).
- [25] Kern R.L. *Monkey Business*. Cambridge; 2006.
- [26] Lewis D. *10-Minute Time and Stress Management. How to Gain an 'Extra' 10 Hours a Week*. Harper Collins Publishers; 1995.
- [27] Mantei M. et al. *Experiences in the Use of a Media Space*. Toronto; 1991.
- [28] McLuhan M., McLuhan E. *Laws of Media: The New Science*. Toronto; 1988.
- [29] Mizintseva M.F., Koroleva L.M., Bondar V.V. *Information Ecology*. Moscow; 2000 (In Russ.).
- [30] Moores S. *Media, Place and Mobility*. Palgrave Macmillan; 2012.
- [31] Nystrom C. *Towards a Science of Media Ecology: The Formulation of Integrated Conceptual Paradigms for the Study of Human Communication Systems*. New York University; 1973.
- [32] Patlasov O.Yu. Civilization pyramid transformation: From economy of consumption to social, cultural and environmental priorities. *International Journal of Ecology and Statistics*. 2017; 32 (3).
- [33] Patlasov O.Yu., Zharov E.K. Premises and environmental background for the transition to the creative development of economy. *International Journal of Ecological Economics and Statistics*. 2017; 38 (3).
- [34] Postman N. *The Reformed English Curriculum. High School 1980: The Shape of the Future in American Secondary Education*. A.C. Eurich (Ed.). Pitman; 1970.
- [35] Postman N. *Amusing Ourselves to Death: Public Discourse in the Age of Show Business*. Viking Penguin Inc.; 1984.
- [36] Rosenblith J.F. Learning by imitation in kindergarten. *Child Development*. 1959; 30.
- [37] Sawhney N., Maes P. *Situational Awareness from Environmental Sounds*. Project Report for Pattie Maes; 1997.
- [38] Schacter S., Hall R. Group-derived restraints and audience persuasion. *Human Relations*. 1952; 5.
- [39] Sharkov F.I. The transformation of society and nature in noosocietal system. *Population*. 2000; 4 (In Russ.).
- [40] Sharkov F.I. *Communicology*. Moscow; 2009 (In Russ.).
- [41] Sharkov F.I. Environmental monitoring as a means of social-environmental audit of local authorities. *Protection of Environment as a Factor of Social-Economic Development of Municipalities: Practice and Problems*. Rostov-on-Don; 2017 (In Russ.).
- [42] Sharkov F.I., Yudina E.N. Regulation of relations in contemporary media space. *Communicology*. 2013; 1 (1) (In Russ.).

- [43] Springer S. et al. Leaky geopolitics: The ruptures and transgressions of WikiLeaks. *Geopolitics*. 2012: 17 (3).
- [44] Strate L. Understanding MeA. *Media Research*. 1999; 1 (1).
- [45] Stults R. *Media Spaces*. Xerox PARC; 1986.
- [46] Tollmar K. et al. *Video Cafe*. Stockholm; 1999.
- [47] Waters M. *Globalization*. Routledge; 1995.
- [48] Yeremin A.L. *Noogenesis and Theory of Intelligence*. Krasnodar; 2005 (In Russ.).
- [49] Yudina E.N. *Media Space as a Cultural and Social System*. Moscow; 2005.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-765-775

НАРУШЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ЭКОЛОГИИ В МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ*

**Ф.И. Шарков^{1,2}, В.В. Силкин¹,
И.Е. Абрамова³, Н.В. Кириллина¹**

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
просп. Вернадского, 84, Москва, 119551, Россия

²Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД России
просп. Вернадского, 76, Москва, 119454, Россия

³Ростовский государственный медицинский университет
ул. М. Горького, 11/43, Ростов-на-Дону, 344002, Россия
(e-mail: sharkov_felix@mail.ru; vv.silkin@migsu.ru;
abramova-achii@mail.ru; nata.kirillina@gmail.com)

Чрезвычайное «загрязнение» глобального информационного пространства негативно сказывается на социальном благополучии населения, поскольку медиапространство — разновидность социального пространства, охваченного медиа. Необходимо создать эффективную систему правовой защиты и социальных гарантий, чтобы любой гражданин мог не только получать минимальную социальную защиту, но и был защищен от негативного влияния неблагоприятной экологии средств массовой информации (СМИ). Не каждый, кто испытывает интенсивное воздействие СМИ, осознает его негативные последствия, в том числе «синдром усталости». Для его предотвращения Д. Льюис предлагает следующий алгоритм: воспользоваться всеми информационными технологиями бизнеса и повседневной коммуникации; усовершенствовать методы изучения и обработки данных; установить правильные приоритеты их анализа и использования [26]. Все СМИ и субъекты, находящиеся во взаимодействии с ними, должны овладеть информационной культурой, для чего необходимо готовить специалистов в области медиаэкологии, осознающих влияние медиа и социальных технологий на чувства, мысли, ценности и поведение людей. Пока специалисты по экологии СМИ не располагают достаточной теоретической базой для проведения социологических исследований и определения того, как медиа заставляют аудиторию структурировать то, что она видит, слышит и чувствует, определенным образом. Современные СМИ (особенно электронные) могут оказывать насильственное и нежелательное воздействие — это не только психологическая, но и философская,

* © Шарков Ф.И., Силкин В.В., Абрамова И.Е., Кириллина Н.В., 2018.

Статья поступила в редакцию 30.04.2018 г.

социальная и культурная проблема, которая затрагивает не только детей, но и взрослых. «Информационная анархия» приводит не только к умеренным негативным последствиям, но и в некоторых случаях к «информационному экоциду» — уничтожению традиционной информации и СМИ. Противодействие загрязнению информационной среды может включать следующие этапы: разработка требований к процессу создания контента; мониторинг процессов сбора, хранения, обработки и уничтожения информации; разработка критериев оценки использования информации. Необходимо ввести единую рейтинговую систему для информационных продуктов, которая позволит пользователям оценивать качество источников информации по следующим критериям: чистота информации; работа по созданию контента; охват источников; качество (полнота) информации; источники создания конкретных наборов данных; социально-демографические характеристики потенциальных пользователей.

Ключевые слова: окружающая среда; СМИ; медиа-пространство; медиа-социология; информационная экология; информационная гигиена; экоцид

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-776-786

КУЛЬТУРНЫЕ ИНДУСТРИИ: КЛОНИРОВАНИЕ ИДЕЙ И СМЫСЛОВ*

В.Н. Давыдов, А.И. Аршинова, С. Софоклис

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, 117198, Россия

Комитет по образованию Государственной Думы Федерального Собрания
ул. Охотный ряд, 1, Москва, 103265, Россия

Кипрская газета «ХАРАВГИ»

(e-mail: davidov_vn@mail.ru; alenapmr@ Rambler.ru;
s.sophocli@cytanet.com.cy)

При очевидном интересе средств массовой информации (далее — СМИ) к культурным индустриям этот специфический сегмент интеллектуального рынка все еще остается вне фокуса социологического интереса. Пристального внимания заслуживает, например, «продукция с подтекстом» — отвечающая за мировоззренческую состоятельность информационного общества, тем более что информационные технологии, став частью производственных цепочек культурных индустрий, заметно расширили функции образования и сферы досуга. Крайне разнородные, на первый взгляд, производства идей и смыслов обладают единством в выработке репертуара, создания культа героя своего времени и культуры потребления информационных продуктов. Э. Морен отметил в креативных технологиях органическую «способность стандартизации великих романтических тем, превращения архетипов в стереотипы». С повсеместной оцифровкой производства этот процесс приобрел небывалую динамику, масштаб, а также идеологическую направленность и материальный интерес. Неизжитые драмы холодной войны и неурядицы на постсоветском пространстве убеждают, что «умная сила» оппонентов России достаточно действенна и результативна. Она, с одной стороны, консолидирует общественное мнение других стран, а, с другой стороны, деформирует политическую культуру объекта влияния, изощренными манипуляциями искажая картину мира современных молодых поколений. Инвесторы культурных индустрий не только вкладывают средства в расширение прибыльного интеллектуального бизнеса, но и обслуживают политический процесс воспроизводства власти, которая, в свою очередь, обеспечивает оптимальные условия для проникновения «продукции двойного назначения» в чужие информационные поля и культурные пространства. Готов ли российский социум к нейтрализации и парированию нового класса информационных угроз — об этих и некоторых других дискуссионных проблемах размышляют авторы статьи.

Ключевые слова: алгоритмическое мышление; креативные технологии; культурные индустрии; «умная сила»; поисковое мышление; сетевые проекты; информационная экспансия; эстетическая коммуникация

Культурные индустрии до недавнего времени были объектом исследования преимущественно культурологов и экономистов. Действительно, возьмем, к примеру, само воплощение арт-техносферы — Голливуд, который приносит второе

* © Давыдов В.Н., Аршинова А.И., Софоклис С., 2018.
Статья поступила в редакцию 10.04.2018 г.

(после продаж самолетов) по величине активное сальдо торгового баланса США [6. С. 7]: как тут обойтись без капитанов бизнеса — менеджеров, маркетологов, экономистов, бухгалтеров и исследователей из отраслевых научных центров? Относительно близкие кинематографу и самодостаточные институты — телевидение и радио, эстрада и звукозаписывающие предприятия, реклама и дизайн [22. С. 28] — за последние десятилетия интегрировались в нерасторжимое со-производство. Синергетический эффект слияния «индустрии досуга» породил планетарную сетевую форму их функционирования и распространения «глобальных социокультурных стереотипов» [12. С. 52—53], общемировых норм и стандартов в моде, образе жизни и предметах потребления. Президент Всемирного экономического форума в Давосе, Клаус Шваб, называет этот процесс «повышением доходности за счет эффекта масштаба» [24. С. 28].

Д. Хезмондалш, говоря о функциональных возможностях культурных индустрий, ограничивается упоминанием двух сверхзадач креативного сообщества: «У культурных индустрий двойная роль — „экономических“ и „культурных“ систем производства текстов. Производство имеет специфические для сферы культуры особенности, а тексты определяются экономическими факторами (среди прочих). Если мы хотим критиковать формы культуры, производимые культурными индустриями, и способы их производства, мы должны учитывать одновременно и политику перераспределения, сосредоточенную на вопросах политической экономии, и политику признания, занятую вопросами культурной идентичности» [22. С. 73]. Следовательно, у креативной промышленности и ее товара гораздо больше функций, чем перечислено, в частности, сотрудничество производителей с представителями сферы искусств стимулирует новые идеи — «технологическая и экономическая креативность рождается и создается при взаимодействии с художественной и культурной креативностью».

Благодаря перетоку знаний от творческих работников к коллегам из других отраслей увеличивается производительность труда последних и растут их доходы [26]. При этом встроенным в производственный цикл информационным технологиям удалось трансформировать коллективные формы релаксации в индивидуальный формат потребления, не уменьшая эмоциональную глубину «оцифрованных сюжетов и коллизий» и не снижая качество эстетической коммуникации. По мере развития культурные индустрии обретают культурно-просветительскую, интегративную, информационную, воспитательную и рекреативную функции. Э. Хобсбаум назвал эти свойства культурных индустрий «услугой искусства власти»: искусство обучает, информирует, «прививает государственную систему ценностей» [23].

Антропоцентризм продукции, а главное формирование с ее помощью эстетических и идейных предпочтений массовой аудитории, вызвал законный интерес к креативному производству антропологов, психологов, политологов, педагогов и социологов. В новом технологическом укладе экономика представляет собой коллективную систему, с помощью которой люди накапливают информацию [13. С. 94], а «информация может легко перемещаться путем передвижения содержащих ее продуктов, будь то объекты, книги или веб-страницы» [13. С. 104].

Об интенсивности современного товарооборота свидетельствуют данные журнала «Эксперт»: например, цифровая платформа Alibaba только за один день 16 ноября 2016 года продала товаров на 17,6 миллиарда долларов США — это 140 тысяч сделок в секунду [25. С. 13].

В этом круговороте информационных продуктов нас интересуют «изделия с подтекстом», их явное и скрытое воздействие, прежде всего на взрослеющее поколение. Важно понять закономерности превращений первоосновы — слова/контента — в «плавильном котле» культурных индустрий в новые образы, идеи, смыслы, подоплеку сосуществования виртуального и социального, поскольку «вся сфера языка принадлежит искусству» [10. С. 27]. Отдавая должное лингвистическому началу, или «лингвистическому повороту» в социологии [18. С. 345—346], нельзя упускать из вида другую составляющую тренда информационного общества — визуализацию массовых коммуникаций, или «установления между человеком и миром отношений „хронического вуайеризма“» [16], когда слово и изображение служат «нахождению надежных эмпирических индикаторов в зыбком поле многослойных „текстов“» [18].

Клонирование первоисточника в культурных индустриях предопределено позитивной реакцией потребителей массовой культуры, коммерческим успехом проекта и политической конъюнктурой. Приведем несколько примеров соотношения слова и иллюстративного контента. Например, сценарий успешной пьесы в силу востребованности у публики помимо театральной постановки может обрести сценическую интерпретацию в теле- и радиоспектаклях, воплотиться в интернет-версии того и другого, стать аудиокнигой, тиражируемой в CD исполнении (на языке оригинала или на иностранных языках — для покорения зарубежной публики).

Текст и иллюстрации комиксов нередко вдохновляют кинематографистов на создание художественных лент с выдающейся прокатной судьбой и рекордными сборами. Мобильность старых-новых героев в культурном пространстве на этом не заканчивается: они поступают на рынок развлечений уже как пластмассовый, оловянный, гуттаперчевый, плюшевый ширпотреб (роботы, черепашки-ниндзя, солдатики, ковбои и т.д.). Настольные игры, легенда и графика которых зачастую имеют литературно-художественную основу, увеличивают череду узнаваемых персонажей и их перевоплощений, формируя тем самым спрос на развлекательный ассортимент культурных индустрий у разновозрастных детей: от дошкольников, не знакомых с азбукой, но понимающих логику игр по действиям героев или подсказкам взрослых партнеров, до самостоятельных игроков — школьников младшего и среднего возраста.

С легкой руки компьютерных гуру мемуарные источники, сюжеты исторических романов, фэнтези стали своеобразным либретто к электронным играм и сетевым военным стратегиям. Этот класс развлечений для старшеклассников и взрослых воссоздает виртуальную динамику баталий Первой, Второй мировых войн, нередко в угоду политической конъюнктуре и вопреки исторической правде. В этом ряду стоят такие игры, как, например, «Battlefield 5», «Battalion 1944»,

«War Thunder», «Company of Heroes 2» и др. Кстати, последняя игра запрещена к реализации на территории стран СНГ отнюдь не из-за эстетических изъянов или плохой графики, а главным образом из-за апологетики агрессоров и дегуманизации советских солдат. Столь бесцеремонное обращение с фактами есть ни что иное, как покушение на историческую память, культурную идентичность, о разновидностях которой говорил Э. Хобсбаум.

О механизме воздействия лукавых данных на неподготовленного человека с исчерпывающей прямоотой высказался К. Фрит: «Мы понимаем, что поведением людей управляют убеждения, даже если эти убеждения ложны. И мы быстро узнаем, что можем управлять поведением людей, поставляя им ложные сведения. Это темная сторона нашего общения» [21].

Популярный персонаж, ставший авторским брендом, по воле предпринимателей культурных индустрий может кочевать из детской литературы, мультипликации в легкую, текстильную, пищевую промышленность в виде дизайнерских версий тары и упаковок. И по канонам скрытой рекламы, без дополнительных вложений, пропагандирует своих создателей, подыскивая при этом новые сбытовые ниши. Сюжеты вышивок и гобеленов, детские альбомы для раскрашивания также нагружены как нейтральной, так и идеологической недетской тематикой. Рынок подобных изделий эклектичен: здесь евангелистский сюжет, символ человеколюбия, нередко соседствует с откровенно агрессивной пошлостью и вульгарными смыслами. Отказаться от рукоделия, а тем более разоблачать антигуманный подтекст, воспроизводимый акварелью или цветными нитками, дети не могут — это обязанность искушенных и равнодушных взрослых.

Коллекционная и сувенирная индустрия в виде бонистики, фалеристики, филателии, филокартии и многого другого по определению подчинена господствующей идеологии производителей. Достаточно вспомнить трансграничное проникновение реваншистских серий почтовых марок, конвертов и открыток, тиражируемых в разные годы в Германии, Румынии, Хорватии, Японии. Объявленный Нюрнбергом вне закона коллекционный материал все еще имеет хождение среди филателистов. Знатоки почтовой миниатюры отдают себе отчет в том, что к почтовым маркам «следует относиться как к пропаганде, в которой правда играет второстепенную роль» [2. С. 8], однако продолжают участвовать в аукционах.

Практически в каждой из перечисленных отраслей и продукции культурных индустрий (а в жизни их неизмеримо больше), по сути, заложен вопрос: а какой образ или персонаж должен утвердиться в номенклатуре российских торговых организаций и, следовательно, в семьях с детьми и игротках дошкольных учреждений: Ванька-встанька или Дракула, Петрушка или Кен? Законы конкурентной борьбы распространяются и на детский потребительский рынок — в результате плоды безудержной фантазии творцов зарубежной индустрии досуга заполнили витрины и складские помещения «Детского мира». Как показывают официальные данные, импортные изделия теснят отечественного производителя: 70% игрушек, представленных на российском рынке детских товаров, производит Китай, 20% — Европа, прежде всего Польша, Германия и Испания [27].

За последнюю четверть века на одежде и обуви наших детей по-хозяйски разместились заграничные бренды и их эстетическое прикрытие в виде аппликаций Микки Мауса, Человека-паука, мрачноватых персонажей мультсериала «Monster High» (производитель фирма — Mattel). Эти жутковатые герои по воле производителей и торговых посредников в России перебрались на майки, футболки, панамки, бейсболки, ветровки, плащи, зонты, сумки, обложки школьных тетрадей, учебников, пеналы, чехлы мобильных телефонов, папки, нотные тетради, пачки карандашей и акварельных красок школьников.

Случайно ли вторжение мрачных зарубежных персонажей в мир наших детей? Вопрос отнюдь не праздный: общество игрушечных монстров навязано детям поставщиками, их ценовой политикой, общедоступностью интернет-магазинов, непритязательным вкусом или экстравагантной волей родителей и приобретателей-посредников. Даже если персонажи из сериалов-ужастиков продержатся в семье недолго, они оставят след в мировосприятии впечатлительных малышей.

Чем опасно общение взрослеющих «граждан маленького роста» с уменьшенными копиями зла и пластиковыми уродцами? Тем, что ребенок свыкается с таким соседством, а терпимость к безобразному — сделаем такое предположение — ведет к неразборчивости в реальном общении и, как следствие, к поведенческому стереотипу агрессивного, резкого отторжения оппонентов (сначала в бытовом, а затем и политическом контексте).

Кроме того, электронные игры с серьезной драматургией, кинофильмы с экстремальными сюжетами, как утверждают физиологи и врачи, вызывают у юных игроков и зрителей кратковременное повышение кровяного давления (на 10—20 делений тонометра) и учащение пульса, но, похоже, подобные «издержки» культурного потребления остаются вне поля зрения взрослых. Социологи Российской академии образования, исследовавшие цифровые компетенции подростков и родителей, установили, что каждый третий школьник 12—17 лет сталкивался с коммуникационными рисками в сетевых играх [14. С. 122].

Далеко не безобидны такие продукты культурных индустрий, как игры-стрелялки, доступные каждому обладателю мобильного телефона.

Во-первых, примерно, 12—15% свободного времени современный подросток отдает виртуальному миру, в целом игровой контент мобильных средств связи и электронных приставок отбирает у детей до 21—23% полезного времени — этот неподконтрольный взрослым и не возобновляемый временной ресурс социализации праздно транжирится учащимися [4. С. 85].

Во-вторых, монотонные операции геймера, преследующего электронного соперника/оппонента, от уровня к уровню развивают мелкую моторику пальцев, что на определенных этапах социализации даже хорошо (развивается воля и упорство), но с достижением пиковых показателей интерес к забаве исчезает. Ребенок осознает, что как бы ни росли его результаты, горизонт недостижим, и кривая состязательной активности идет вниз. Разочарование собой и своими достижениями вызывает раздражение, которое переносится на источник дискомфорта, на окружающих, провоцирует депрессию или агрессивность.

В многочисленных попытках ребенка превзойти собственный рекорд преимущественно задействовано алгоритмическое мышление (или дизъюнктивное, по А.В. Брушлинскому) [3], поскольку именно в определенной последовательности — по алгоритму или инструкции — реализуются игровая тактика и стратегия, достигаются те или иные параметры. У механического сценария игры типа аркады нет логического финала: движение — все, конечная цель — ничто. В таком времяпрепровождении приращения мастерства и творческого потенциала не происходит. Творческое, или поисковое мышление, не дизъюнктивно и в этом варианте досуга не востребовано.

Привыкая к подобному игровому регламенту, ребенок, становясь взрослым, скорее всего будет довольствоваться предписанными инструкциями [29], избегая интеллектуальных нагрузок и сложных задач. Неочевидный парадокс — креативная индустрия притупляет эвристический потенциал взрослеющего человека.

Следовательно, выбор игрушек — дело намного более серьезное, чем кажется на первый взгляд. И правильно поступают те родители, которые знакомят своих чад с развивающими, семейными/групповыми играми, опосредованными социальными и креативными практиками, тем более что выбор велик: в мире ежегодно появляется порядка 800 новых игр. Свою лепту вносит и российская индустрия настольных игр: так, в 2016 году объем данного рынка составил 9,1 млрд рублей. Популярность настольных игр растет наравне с кино и другими видами развлечений [8. С. 30—32]. Однако экспертное сообщество, общаясь на языке бизнеса и международной торговли, только начинает говорить о конкурентоспособности российского сегмента глобального рынка развлечений [7. С. 19—29].

Число занятых в креативном производстве и их вклад в валовый внутренний продукт в России составляет около 6% [18. С. 38—43], что по абсолютным величинам не достигает показателей иных советских предприятий. Например, саратовскому радиозаводу «Тантал», пионеру моделирования автомобилей в масштабе 1 : 43, удалось реализовать в стране и за рубежом сотни тысяч моделей «Москвича-412». Валютная выручка предприятия позволила не только обновить станочный парк основного производства, но и построить цех автомоделирования [5].

Сверхприбыли, поступающие от реализации продукции культурных индустрий в распоряжение транснациональных корпораций, киностудий и медиахолдингов, персонифицируются с теми, кто определяет репертуарную линейку продукции, занимается медиа-планированием, объявляет политическую повестку дня и осваивает результаты монетизации культурных индустрий, включая целевые инвестиции военных ведомств. Так, по данным Т. Сакера и М. Элфорда, военно-разведывательное сообщество США профинансировало более 800 кинофильмов и 1000 телевизионных программ [28], причем, видимо, не пацифистского характера.

Зрителям в принципе не интересно, камерами какой системы снят, например, сериал о советских диссидентах — главное, что кинолента вызывает у зрителей, особенно у неискушенных, положительные эмоции: страна, которая не терпела инакомыслия, перестала существовать, и не важно, кто заказчик, на какие деньги снята киносага — запущен процесс недиалектического отрицания недавней истории. Не случайно известный британский историк Н. Фергюсон относит

такого рода идеологизированные эстетизированные акции к одному из ключевых факторов революционных перемен [20. С.164].

Неурядицы на постсоветском пространстве воочию убеждают: культурные индустрии в массе своей выполняли и продолжают выполнять роль троянского коня, маскирующего намерения ангажированных акторов вторгаться в культурную матрицу социализации взрослеющих поколений. Не случайно в годы противостояния двух мировых систем ЦРУ называли «министерством культуры Европы» [11. С. 233, 237—238], которое стремилось избавить европейское население от симпатий к геополитическому сопернику — СССР. Так, Конгресс за свободу культуры с отделениями в 35 государствах, десятками изданий и программ стремился убедить европейцев в том, что «Америка и американцы достигли полного триумфа во всех сферах человеческого духа, общих Старому и Новому Свету».

Созданный ЦРУ консорциум из тех, кого Г. Киссинджер характеризовал как «аристократию, посвятившую себя служению нации на основе принципа беспристрастности», имел пагубные последствия для идеологических противников США и их партнеров. «Нравилось им или нет, знали они об этом или нет, в послевоенной Европе оставалось совсем немного писателей, поэтов, художников, историков, ученых и критиков, чьи имена не были бы связаны с этим тайным предприятием. Никем не оспариваемая, так и не обнаруженная в течение более чем двадцати лет, американская разведка управляла изо щренным, надежно обеспеченным культурным фронтом на Западе, ради Запада, под предлогом свободы выражения. Определяя холодную войну как „битву за человеческие умы“, она запаслась обширным арсеналом культурного оружия: журналами, книгами, конференциями, семинарами, выставками, концертами, премиями» [15. С. 6].

Почему в разговоре о современных культурных индустриях так важен акцент на идеологии, хотя апологеты «идеального демократического мира» старательно избегают таких слов, как пропаганда, агитация, психологический эффект воздействия креативных технологий, утверждая, что медийный контент, разнообразная оцифрованная продукция — всего лишь бизнес, одна из статей дохода и не более. Дело в том, что «идеологическое сознание является своеобразным стержнем всех форм общественного сознания, так как в нем отражаются экономические интересы классов, социальных слоев и групп. Оно оказывает значительное влияние на группировку политических сил общества в борьбе за власть и, соответственно, на все остальные сферы социальной жизни. Эта форма сознания определяет стратегические цели общества» [1. С. 38—39], которые политический класс отстаивает не только внутри страны, но и настойчиво распространяет вовне, в том числе с помощью культурных индустрий — этих проверенных арсеналов «умной силы». Даже если авторы книги, фильма, рок-оперы и т.д. утверждают, что беспартийны, в их эстетических принципах, духовном и жизненном опыте неизменно присутствует идеология среды, которая их формировала и непременно отразится в их произведениях (как, например, в творчестве Ф.М. Достоевского отражен его опыт азартного игрока, а характер героев Д. Лондона наделен авторскими переживаниями старателя, переболевшего «золотой лихорадкой»).

Таким образом, материально-техническая база креативной индустрии составляет фундамент производства смыслов и культурного кода общества: «сборочный цех» массовой культуры клонирует первичные (исходные образы, концепции, эстетические идеи), обеспечивая их переток в смежные отрасли, на рынки других государств. Не смущаясь вторичности предлагаемой рынку продукции, киностудии, игровая индустрия, медиахолдинги, издательства не только вкладывают средства в расширение собственного производства, но и финансируют корпоративные идеологические концепты, обеспечивающие воспроизводство власти и позволяющие осуществлять экспансию в чужие информационные поля. Российские клиенты глобального рынка культурных индустрий, лица, ответственные за формирование досуговой потребительской корзины, должны руководствоваться положениями «Национальной стратегии действий в интересах детей на 2012—2017 годы» и другими правовыми и моральными нормами, заботясь о защите национальных приоритетов, о формировании эстетического вкуса молодых людей, дифференцированно подходить к выбору культурного «ассортимента» с учетом особенностей развития детей — самой массовой и некритичной аудитории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- [1] *Баксанский О.Е.* Технологии манипуляций массами: реклама, маркетинг, PR, GR (когнитивный подход). Карманная книга политтехнолога. М.: ЛЕНАНД, 2017.
- [2] *Берге Б.* Исчезнувшие страны 1840—1970 / Пер. с норв. Е. Воробьевой. М.: Текст, 2018.
- [3] *Брушлинский А. В.* Психология мышления и проблемное обучение. М.: Знание, 1983.
- [4] *Давыдов В.Н.* Безопасность информационного пространства: современные политические проблемы взросления // Вопросы политологии. 2017. № 3.
- [5] *Давыдов В.Н.* Любовь в масштабе 1:43 // http://medicie.psj.ru/saver_magazines/detail.php?ID=5896.
- [6] *Дери М.* Скорость убегания: Киберкультура на рубеже веков / Пер. с англ. Т. Парфеновой. Екатеринбург: Ультра. Культура; М.: АСТ, 2008.
- [7] *Диденко Д.В.* Оценка конкурентоспособности российской креативной экономики в международном контексте // Экономический анализ: теория и практика 2014. Т. 13. Вып. 9.
- [8] *Кузьмина В.* Доступное приключение // Эксперт. 2017. № 37.
- [9] *Лашук И.В., Таранова Е.В.* Сфера культуры в социологическом измерении // Социологическая наука и социальная практика. 2017. № 3.
- [10] *Лотман Ю.М.* Внутри мыслящих миров. СПб.: Азбука, 2015.
- [11] *Маркс Дж.* ЦРУ и контроль над разумом. Тайная история управления поведением человека. М.: Издательство «Э», 2015.
- [12] *Межкультурные коммуникации в условиях глобализации /* Ред.-сост. В.С. Глаголев. М.: Проспект, 2017.
- [13] *Сесар И.* Как информация управляет миром / Пер. с англ. М.: Издательство «Э», 2016.
- [14] *Солдатова Г., Зотова Е., Лебешева М., Шляпников В.* Интернет: возможности, компетенции, безопасность. Ч. 1. М.: Центр книжной культуры «Гутенберг», 2013.
- [15] *Сондерс Ф.С.* ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны / Пер. с англ. под рук. Е. Логинова, А. Верченкова; ред. В. Крашенинникова. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, Кучково поле, 2013.
- [16] *Сонтаг С.* О фотографии. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013.
- [17] *Суриков В.* Бродвейский стандарт. Как сделать мюзикл в России, а потом хорошо его продать // Эксперт. 2016. № 49.

- [18] *Троцук И.В.* Концептуальные и эмпирические находки и пробелы истории эмоций // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2018. Т. 18. № 2.
- [19] *Троцук И.В., Карпова А.М.* Поп-культура как фактор социализации: возможности эмпирического анализа // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2010. № 1.
- [20] *Фергюсон Н.* Великое вырождение. Как разрушаются институты и гибнут государства / Пер. с англ. И. Кригера. М.: АСТ, 2016.
- [21] *Фрит К.* Мозг и душа: Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: АСТ, 2017.
- [22] *Хезмондали Д.* Культурные индустрии. М.: Издательский дом ВШЭ, 2014.
- [23] *Хобсбаум Э.* Разломанное время. Культура и общество в двадцатом веке / Пер. с англ. Н. Охотина. М.: АСТ, 2017.
- [24] *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2018.
- [25] *Шеховцев М.* Кто победит: большие данные или материаловедение // *Эксперт*. 2016. № 48.
- [26] *Florida R.* The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life. Basic Book, 2002.
- [27] <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-12416.html>.
- [28] <https://medium.com/insurge-intelligence/exclusive-documents-expose-direct-us-military-intelligence-influence-on-1-800-movies-and-tv-shows-36433107c307>.
- [29] *Morin E.* The Stars. Paris: Éditions de Minuit, 1957.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-776-786

CULTURAL INDUSTRIES: CLONING OF IDEAS AND MEANINGS*

V.N. Davydov, A.I. Arshinova, S. Sofoklis

RUDN University

Miklukho-Maklaya St., 6, Moscow, 117198, Russia

Education Committee of the State Duma of the Federal Assembly

Okhotny Ryad St., 1, Moscow, 103265, Russia

Cyprus newspaper "HARAVGI"

(e-mail: davydov_vn@mail.ru; alenapmr@rambler.ru;
s.sophocli@cytanet.com.cy)

Abstract. Despite the obvious interest of the media to cultural industries, this specific segment of the intellectual market still remains outside the focus of sociological interest. For example, "products with subtext" deserve our close attention for they are responsible for the ideological consistency of the information society especially due to the fact that information technologies, having become part of the production chains of cultural industries, have significantly expanded the functions of education and leisure. The seemingly heterogeneous productions of ideas and meanings are quite similar and unified in the elaboration of the repertoire, creation of the cult of the hero of his time and the culture of consumption of information products. E. Morin mentioned that creative technologies possess the "ability to standardize great romantic themes, thus, transforming archetypes into stereotypes". Under the widespread digitization of production, this process has gained unprecedented dynamics, scale, ideological orientation and material

* © V.N. Davydov, A.I. Arshinova, S. Sofoklis, 2018.

The article was submitted on 10.04.2018.

interest. The persisting dramas of the Cold War and the post-Soviet conflicts prove that the “smart power” of Russia’s opponents is quite effective. On the one hand, it consolidates the public opinion of other countries, and, on the other hand, deforms the political culture of the object of its influence by sophisticated manipulations of the world picture of the younger generations. Investors of cultural industries not only invest in the expansion of a profitable intellectual business but also serve the political reproduction of power, which, in turn, provides optimal conditions for the “dual-use products” entering foreign information fields and cultural spaces. Whether or not the Russian society is ready to neutralize and counter the new class of information threats — the authors consider this and some other debatable issues.

Key words: algorithmic thinking; creative technologies; cultural industries; “smart power”; search thinking; network projects; informational expansion; aesthetic communication

REFERENCES

- [1] Baksansky O.E. *Tekhnologii manipulyatsiy massami: reklama, marketing, PR, GR (kognitivny podkhod). Karmannaya kniga polittekhnologa* [Mass Manipulation Technologies: Advertising, Marketing, PR, CR (Cognitive Approach). Pocketbook of Political Technologist]. Moscow: LENAND; 2017 (In Russ.).
- [2] Berge B. *Ischeznuvshie strany 1840—1970* [Disappeared Countries 1840—1870]. Per. s norv. E. Vorobievoy. Moscow: Tekst; 2018 (In Russ.).
- [3] Brushlinsky A. V. *Psikhologiya myshleniya i problemnoe obuchenie* [Psychology of Thinking and Problem-Based Learning]. Moscow: Znanie; 1983 (In Russ.).
- [4] Davydov V.N. Bezopasnost informatsionnogo prostranstva: sovremennye politicheskie problemy vzrosleniya [Security of the information space: Contemporary political problems of growing up]. *Voprosy Politologii*. 2017; 3 (In Russ.).
- [5] Davydov V.N. Lyubov v masstabe 1:43 [Love on scale 1:43]. http://medicie.psj.ru/saver_magazins/detail.php?ID=5896 (In Russ.).
- [6] Dery M. *Skorost ubeganiya: Kiberkultura na rubezhe vekov* [Escape Velocity. Cyberculture at the End of the Century]. Per. s angl. T. Parfenovoy. Ekaterinburg: Ultra. Kultura; Moscow: AST; 2008 (In Russ.).
- [7] Didenko D.V. Otsenka konkurentosposobnosti rossiyskoy kreativnoy ekonomiki v mezhdunarodnom kontekste [Evaluation of the Russian creative economy competitiveness in the international context]. *Ekonomicheskii Analiz: Teoriya i Praktika*. 2014; 13 (9) (In Russ.).
- [8] Kuzmina V. Dostupnoe prikluychenie [Affordable adventure]. *Ekspert*. 2017; 37 (In Russ.).
- [9] Lashuk I.V., Taranova E.V. Sfera kultury v sotsiologicheskom izmerenii [Sociological dimension of the cultural sphere]. *Sotsiologicheskaya Nauka i Sotsialnaya Praktika*. 2017; 3 (In Russ.).
- [10] Lotman Yu.M. *Vnutri myslyaschikh mirov* [Inside the Thinking Worlds]. Saint Petersburg: Azbuka; 2015 (In Russ.).
- [11] Marks J. *TsRU i kontrol nad razumom. Taynaya istoriya upravleniya povedeniem cheloveka* [The CIA and Mind Control. The Story of the Agency’s Secret Efforts to Control Human Behavior]. Moscow: Izdatelstvo “E”; 2015 (In Russ.).
- [12] Mezhekulturnye kommunikatsii v usloviyah globalizatsii [Intercultural Communications under Globalization]. Red.-sost. V.S. Glagolev. Moscow: Prospekt; 2017 (In Russ.).
- [13] Cesar H. *Kak informatsiya upravlyayet mirom* [Why Information Grows]. Per. s angl. Moscow: Izdatelstvo “E”; 2016 (In Russ.).
- [14] Soldatova G., Zotova E., Lebesheva M., Shlyapnikov V. *Internet: vozmozhnosti, kompetentsii, bezopasnost* [Internet: Possibilities, Competencies, Security]. Vol. 1. Moscow: Tsentr knizhnoy kultury “Gutenberg”; 2013 (In Russ.).
- [15] Saunders F.S. *TsRU i mir iskusstv: kulturnyy front kholodnoy voyny* [Who Paid the Piper: CIA and the Cultural Cold War]. Per. s angl. pod ruk. E. Loginova, A. Verchenkova; red. V. Krashennnikova. Moscow: Institut vneshnepoliticheskikh issledovaniy i initsiativ, Kuchkovo pole; 2013 (In Russ.).

- [16] Sontag S. *O fotografii* [On Photography]. Moscow: Ad Marginem Press; 2013 (In Russ.).
- [17] Surikov V. Brodveyskiy standart. Kak sdelat myuzikl v Rossii, a potom khorosho ego prodal [Broadway Standard. How to Make a Musical in Russia and to Sell it Well]. *Ekspert*. 2016; 49 (In Russ.).
- [18] Trotsuk I.V. Kontseptualnyye i empiricheskiye nakhodki i probely istorii emotsiy [Conceptual and empirical findings and gaps of the history of emotions]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (2) (In Russ.).
- [19] Trotsuk I.V., Karpova A.M. Pop-kultura kak faktor sotsializatsii: vozmozhnosti empiricheskogo analiza [Pop-culture as a socialization factor: An empirical analysis]. *RUDN Journal of Sociology*. 2010; 1 (In Russ.).
- [20] Ferguson N. *Velikoe vyrozhdienie. Kak razrushayutsya instituty i gibnut gosudarstva* [The Great Degeneration: How Institutions Decay and Economies Die]. Per. s angl. I. Krigera. Moscow: AST; 2016 (In Russ.).
- [21] Frit K. *Mozg i dusha: Kak nervnaya deyatel'nost formiruet nash vnutrenniy mir* [Brain and Soul: How Nervous Activity Forms Our Inner World]. Moscow: AST; 2017 (In Russ.).
- [22] Hesmondhalgh D. *Kulturnyye industrii* [The Cultural Industries]. Moscow: Izdatelskiy dom VShE; 2014 (In Russ.).
- [23] Hobsbawm E. *Razlomnoe vremya. Kultura i obshchestvo v dvadtsatom veke* [Fractured Times. Culture and Society in the 20th Century]. Per. s angl. N. Okhotina. Moscow: AST; 2017 (In Russ.).
- [24] Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow: Eksmo; 2018 (In Russ.).
- [25] Shekhovtsev M. Kto pobedit: bolshie dannye ili materialovedenie [Who will win: Big data or material science]. *Ekspert*. 2016; 48 (In Russ.).
- [26] Florida R. *The Rise of the Creative Class. And How It's Transforming Work, Leisure and Everyday Life*. Basic Book; 2002.
- [27] <http://www.marketcenter.ru/content/doc-2-12416.html>.
- [28] <https://medium.com/insurge-intelligence/exclusive-documents-expose-direct-us-military-intelligence-influence-on-1-800-movies-and-tv-shows-36433107c307>.
- [29] Morin E. *The Stars*. Paris: Éditions de Minuit; 1957.

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-787-791

HOW HISTORICAL SHOULD HISTORICAL SOCIOLOGY BE?*

Review of the book: Šubrť J. *The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo-Sociologicus Through Society and History*. Bingley: Emerald Group Publishing; 2017. 312 pp.

What role does an individual play in history? In his book J. Šubrť considers some answers to this question in the perspective of historical sociology, i.e. based on the theory of modernization, dilemma of individualism-holism, and the general influence of history on our understanding of society. The author defines historical sociology as a branch of sociology, thus, focusing only on the terms and issues relevant to historical sociology. This book provides the reader with an overview of the key thinkers' idea on historical sociology beginning from the founders of sociology such as Karl Marx, Max Weber, Herbert Spencer, Emile Durkheim, and Auguste Comte, and then explaining the contribution of modern thinkers to the field of historical sociology — Norbert Elias, Anthony Giddens, Jaroslav Krejčí, Schmul Eisenstadt, Immanuel Wallerstein, Niklas Luhmann, Zygmunt Bauman, and many others. Such a big list of contributors is determined by the author's definition of historical sociology as an interdisciplinary science aiming at solving complex problems of the contemporary society including the eternal dichotomy of individualism and holism as overcome by the theory of social roles.

The book consists of seven parts including an introduction to historical sociology. The main part of the book — chapters 2—6 — consider different questions of historical sociology, and the final part presents the author's interpretation of the individual's role in society. In the introduction, the author gives a brief definition of historical sociology and a short overview of its history. Historical sociology is not a just a combination of history and sociology but rather a part of sociology focusing on history to explain society and the development of its social structures. The author identifies key periods in the development of sociology as waves: the first wave came in the nineteenth century and continued until the 1920s — it was a period of 'great theories' with a 'natural' historical component. The second wave came in the 1920s and continued

* © H. Behrends, 2018.

The article was submitted on 07.08.2018.

until the 1950s — sociology forgot about theory and history and focused on empirical research and applied studies. Theory returned to sociology in the 1950s for scientists recognized the necessity to analyze the ‘big data’, and the most prominent representative of this wave is Talcott Parsons. In the 1970s, historical sociology was recognized and accepted as a way to make historical differences an integral part of explaining and understanding social phenomena (pp. 4—6). In particular, Šubrť emphasizes the importance of Charles Mills’s works for understanding the individual’s role in social history: previously individuals and the past were a historians’ domain but today historical sociology aims at explaining their role in social development (p. 7).

In the main part of the book — chapters 2—6 — the author considers key issues of historical sociology such as the role of time in history and ‘temporalized sociology’, social changes, domain of macro-sociology, ‘civilizing process’, challenges of modernization, and other questions related to these main categories of historical sociology. Šubrť provides a detailed description of the role of time in history based on the works of Patrick Baert, who introduced the term ‘temporalized sociology’, and Norbert Elias. Temporalized sociology focuses on three questions: how different cultures understand time, how time is rationalized and used in a systematic way in society (i.e. calendars and different structures of time depending on occupation), and what role time plays in sociology. The role of time in sociological theory and the idea that some sociological theories are not universal are relatively new concepts for sociology (pp. 25—27).

Thus, the author considers the theory of Fernand Braudel and how he interprets both time and the role of the individual in history and society. Braudel believes that there are two ways to define time: the short-term ‘court durée’ and the long-term ‘longue durée’. Braudel was first to recognize the importance of long timespans: he argues that individual actors and ‘great personalities’ cannot influence history because the ‘longue durée’, i.e. long-term history, cannot be influenced by single events or people but only by slow rhythmic unfolding of time through the development of such macro-factors as economy affecting individuals and individual events (pp. 29—31). Therefore, the author refers to the works of Niklas Luhmann, Reinhart Koselleck, and Karl Popper who recognized the role of the past and history in predicting the future: history, the present time and future are not exactly the same, so history’s validity in predicting the future is questionable; according to Luhmann, today society is developing much faster than in the past, so the future is not predictable (p. 32).

Our understanding of time and progress has changed. Pre-modern societies had no concept of past or future because they lived in the same time continuum. The notions of future and progress appeared in the Middle Ages and dominated until the problems of modernization became apparent and denied the version of history as following a linear progressive path (p. 35). Šubrť considers the modern interpretation of time through the rigid time schedules on the monastery — such ‘rationalization’ of time determined modernization (p. 99). Society often tries to follow an artificial ideal dependent on the political and cultural climate of the time. For instance, utopian ideas with no plans of social development and its structures inspired many social reforms.

Monastery way of life is an example of such a utopian ideal. In the utopian society, we can often find political and/or social situation of the time that inspired the utopia, so the ideal often reflects the historical reality and cannot be universal for any time and space. However, later the emphasis was made on the secular way of life and we forgot about the influence of the monastery way of life on modern life (pp. 101—102).

The rejection of the idea of social progress lead to the idea of ‘social change’ as an explanation of social development, i.e. the questions of how and why societies change in the way they do. Social changes vary in speed and significance, and the typical approach to social changes is to identify who/what influences changes (p. 33). Šubrť considers three basic types of social changes in sociology — cyclical, discontinuous, and linear — and theories of crisis, collapse and revolution as key approaches to the study of social change (p. 35). He argues that we need new theories of social change and that interdisciplinary approaches such as historical sociology can explain crisis, collapse and acceleration of change (pp. 52—53). For instance, the author considers the theory of crisis on the example of Immanuel Wallerstein who believes that the world today is in a current state of crisis and its eventual is plausible (p. 65).

In the fourth part of the book, macro-sociology is presents as a theory of social structures, systems and functions developed by Emile Durkheim, Auguste Comte and Herbert Spencer who defined society in a holistic way as a social organism; later this idea changed to the analogy of a system (p. 119). Šubrť explains forces that contribute to the functioning of social system and notes a dualism in the form of consensus versus conflict (p. 128). Sociological thought originally emphasized cohesive measures that bound society together such as the division of labor, and Talcott Parson’s theory of functionalism was dominant until the end of the Second World War. Then Lewis Coser and Ralf Dahrendorf explained that conflict is a normal state of society and examined the role of conflict in binding societies together (p. 130). Šubrť presents different ways the conflict theory is used today emphasizing that we are not so much interested in conflicts as in a ‘stand-still’ situation. However, the conflict theory is popular in the study of international relations (realism), in political philosophy, political science, economic dependency theory, postcolonial studies, ethnic and terrorism studies, sociology of war and revolutions within historical sociology, theories of state building, etc. (p. 136).

‘Civilizing process’ is another important concept of the book, and the author considers Norbert Elias’s explanation of how society became civilized by people trying to emulate aristocratic courts. Šubrť identifies two aspects of the civilizing process: psychogenesis, i.e. the formation of “personality, manners, and development of behavior”, and sociogenesis, i.e. the formation of inequality, power, and order in the state and society. These aspects are interdependent for psychogenesis needs a stable society to develop and sociogenesis needs people that can control their behavior. Thus, Elias analyzes dining etiquette and how human emotions and instincts were refined and repressed (for instance, shame and embarrassment were used to shape personality and self-control). According to Elias, the state is based on taxation and armed forces that were created by monarchs to control large areas, which lead to a peaceful society.

Another example of such repressed behavior is sport, in which wild emotions can be expressed in a civilized way (pp. 161—167). Therefore, civilizing process is an effect of modern civilization that determined the development of the modern nation-state.

Part 4 focuses on modernization and its effects as a crucial aspect of historical sociology for problems of modernization made sociologists reconsider the issues of time and progress (p. 197). Modernization is studied in historical sociology through its key components such as industrialization, nation-state and capitalism. Thus, there are different theories to how capitalism developed: Karl Marx believed that capitalism is the result of capital accumulation and related processes such as marketization; Max Weber defined capitalism as the result of changes in the mentality of people due to Protestantism and its interpretation of rationality; Norbert Elias focused on civilizing process as a combination of the modern state with changes in mentality (pp. 183—184). Further in this chapter Šubrť analyzes negative effects of modernization, the role of conflicts and violence in it, and different types of modern societies. Modernization required reinterpretation of society and questioned the idea of linear progressive path of history. Šubrť mentions Zygmunt Bauman's interpretation of the Holocaust as an effect of modernization and the modern nation-state (p. 197), and considers as similar effects environmental problems (industrial state pollutes air, water, and soil) (p. 221) and negative changes in personal relationships that decrease the level of social trust (p. 223).

The final section of the book emphasizes the individual's role in society. In general, history notices individuals but sociology does not due to the dominant holism (p. 255). Obviously, individual actors can influence history, and although holism is still dominant in sociology, historical sociologists seek to discover social mechanisms and structures that allow individual actors to influence social development (p. 256). Šubrť considers the history of individualism versus holism dichotomy: thus, Durkheim believed in holism, supra-individual actors that influence individual actions, and that society transcends the individual (pp. 234—235). Modern society became more individualistic, and the duality of individualism and holism lead to the theories of exchange and rational choice as based on individualism, and structuralism, functionalism and systems theory as based on holism (p. 235). Historical sociology seeks a way to combine holism and individualism to explain society. Šubrť believes that one possible way to bridge the gap between holism and individualism is a theory of social roles that has been ignored since the 1970s (p. 243). On the one hand, social roles are expectations of the social circle; on the other hand, individuals have a certain degree of freedom within their social roles' limitations. But how do individual actors influence macro-events? Sociology does not answer this question for it focuses on macro-events in the functionalist perspective, i.e. the holistic approach is still dominant even in historical sociology although there are leaders of social change that cannot be ignored and should be considered as macro-actors (pp. 254—256).

The Perspective of Historical Sociology convincingly shows that for every theory there is an opposite theory, that is why there are no truths in sociology but rather a set of possible interpretations each with a reliable explanation of some social fragment

in the given time and place. This idea that there are no grand universal explanations is a key component of historical sociology that differentiates it from classical sociological theories; however, the author recognizes and emphasizes the importance of the founders of traditional sociology influence on historical sociology. It is a relatively new field of study, and most of its issues are open to (re)interpretation, which is why the reader finishes the book with a feeling that there is still no adequate solution to ‘bridge the gap’ between the individual and society in sociology although the author proved that historical sociology can be a solution.

DOI: 10.22363/2313-2272-2018-18-4-787-791

**НАСКОЛЬКО ИСТОРИЧНОЙ ДОЛЖНА БЫТЬ
ИСТОРИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ?***

Рецензия на книгу: Šubr J. *The Perspective of Historical Sociology: The Individual as Homo-Sociologicus Through Society and History*. Bingley: Emerald Group Publishing; 2017. 312 с.

* © Берендс Х., 2018.

Статья поступила в редакцию 07.08.2018.

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Роман Николаевич — кандидат социологических наук, доцент департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: rabramov@hse.ru).

Абрамова Ирина Евгеньевна — доктор политических наук, профессор кафедры истории Ростовского государственного медицинского университета (e-mail: www-abramova-achii@mail.ru).

Арсентьев Михаил Владимирович — юрист в компании «Айлекс» (Вашингтон, США) (e-mail: mikhail@ilexlaw.com).

Аршинова Алена Игоревна — кандидат политических наук, член Комитета по образованию Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (e-mail: alenapmr@rambler.ru).

Балякин Артем Александрович — кандидат физико-математических наук, начальник управления Научно-исследовательского центра «Курчатовский институт» (e-mail: Balyakin_AA@nrcki.ru).

Беляева Людмила Александровна — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии Российской академии наук (e-mail: bela46@mail.ru).

Берендс Хейли — докторант кафедры исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия) (e-mail: hayleebehrends@gmail.com).

Божков Олег Борисович — старший научный сотрудник и руководитель центра «Биографический фонд» Социологического института Российской академии наук (филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук) (e-mail: olegbozh@gmail.com).

Быков Андрей Вячеславович — кандидат социологических наук, старший преподаватель департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: a.bykov@hse.ru).

Давыдов Владимир Николаевич — кандидат политических наук, заместитель директора Института современной политики Российского университета дружбы народов (e-mail: davidov_vn@mail.ru).

Девятко Инна Феликсовна — доктор социологических наук, профессор департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; главный научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: deviatko@gmail.com).

Задорина Анастасия Константиновна — заместитель исполнительного директора по международному научно-техническому сотрудничеству Аналитического центра Международных научно-технологических и образовательных программ (e-mail: zadorina@mniop.ru).

Катерный Илья Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России; старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: yarkus@mail.ru).

Кириллина Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, доцент кафедры общественных связей и медиаполитики факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: nata.kirillina@gmail.com).

Ключарев Григорий Артурович — доктор социологических наук, руководитель Центра социологии образования, науки и культуры Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: kliucharev@mail.ru).

Костина Елена Юрьевна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (e-mail: kostina.eyu@dvvfu.ru).

Кудрявцев Владимир Александрович — кандидат философских наук, доцент кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: vladikudr@mail.ru).

Куклина Ирина Рудольфовна — исполнительный директор Аналитического центра Международных научно-технологических и образовательных программ (e-mail: kuklina@mniop.ru).

Лось Екатерина Владимировна — аспирант кафедры истории и теории социологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (e-mail: catherinef@rambler.ru).

Малышев Андрей Сергеевич — кандидат технических наук, ведущий инженер Научно-исследовательского центра «Курчатовский институт» (e-mail: Malyshev_AS@nrcki.ru).

Мареева Светлана Владимировна — кандидат социологических наук, заведующая Институтом социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: s.mareeva@gmail.com).

Мозговая Алла Викторовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Центра исследования адаптационных процессов в меняющемся обществе, руководитель сектора проблем риска и катастроф Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: mozgovai@yandex.ru).

Орлова Надежда Александровна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (e-mail: orlova.na@dvfu.ru).

Панфилова Анна Олеговна — кандидат социологических наук, доцент департамента социальных и психологических наук школы искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (e-mail: panfilova.ao@dvfu.ru).

Силкин Владимир Владимирович — доктор политических наук, декан факультета журналистики, заведующий кафедрой управления информационными процессами Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: vv.silkin@migsu.ru).

Софоклис Софокли — доктор юридических наук, политический редактор кипрской ежедневной газеты «ХАРГАВИ» (Никосия, Кипр) (e-mail: s.sophocli@cytanet.com.cy).

Тараненко Сергей Борисович — начальник отдела Научно-исследовательского центра «Курчатовский институт» (e-mail: Taranenko_SB@nrcki.ru).

Трофимова Ирина Николаевна — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (e-mail: itnmv@mail.ru).

Троцук Ирина Владимировна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: irina.trotsuk@yandex.ru).

Шарков Феликс Изосимович — доктор социологических наук, проректор Академии труда и социальных отношений; профессор кафедры социологии Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел России; заместитель декана факультета журналистики Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (e-mail: sharkov_felix@mail.ru).

Шубрт Иржи — доктор философии, заведующий кафедрой исторической социологии факультета гуманитарных исследований Карлова университета (Чехия) (e-mail: jiri.subrt@ff.cuni.cz).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

В журнале публикуются статьи по методологии, истории и теории социологии, статьи по результатам социологических и междисциплинарных исследований по широкому кругу вопросов социально-гуманитарного знания на русском и английском языках, а также реферативные обзоры и рецензии.

Редакция принимает к рассмотрению статьи, оформленные в строгом соответствии со следующими правилами:

1. **Объем рукописи** — от 30 до 50 тысяч знаков (с пробелами) для статей, от 12 до 20 тысяч знаков — для рецензий. Формат страницы — А4, шрифт — Times New Roman, размер шрифта — 12, межстрочный интервал — полуторный, нумерация страниц не проставляется. Отступ первой строки абзаца — 1,25, поля на странице — 30 мм слева, 20 мм справа, сверху и снизу. Ссылки даются в тексте в квадратных скобках, внутри которых первая цифра указывает на номер источника в библиографическом списке, вторая, стоящая после прописной буквы «С», — на номер страницы в источнике (например, [1. С. 26]; ссылка на несколько источников — [1. С. 126; 4. С. 43]). Ссылки на примечания даются в круглых скобках, например, (1).
2. Все **таблицы, схемы, графики и рисунки** встраиваются непосредственно в текст статьи. Они должны быть пронумерованы и озаглавлены. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, рисунки — подрисуночные подписи. При использовании в статье нескольких таблиц и/или рисунков их нумерация обязательна.
3. **Формулы** размечаются, поясняются и снабжаются библиографическими ссылками.
4. В рукописях необходимо приводить два списка ссылок на использованные в работе источники — «**Библиографический список**» и «**References**». Ссылки на источники в Библиографическом списке следует оформлять в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008; References — в стиле Vancouver в версии АМА. Требования к оформлению Библиографического списка и References приведены на сайте журнала: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. К статье обязательно прилагаются:
 - ◆ **аннотация** (резюме) объемом 250—300 слов на русском и английском языках;
 - ◆ **список 7—8 ключевых слов** на русском и английском языках; каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого точкой с запятой;
 - ◆ **авторская справка** на русском и английском языках, где указываются: Ф.И.О. (полностью), официальное наименование места работы, должность,

ученая степень, а также **данные для связи с автором** — адрес места работы, включая почтовый индекс, номер телефона (служебный, мобильный), электронный адрес; в статье **допускается не более четырех соавторов**.

Решение о публикации выносится в течение четырех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции. Материалы, не принятые к изданию, не возвращаются. Редколлегия не вступает с авторами в переписку в случае отказа от публикации их материалов.

Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений.

Публикуемые материалы могут не отражать точки зрения редколлегии.

Представляя в редакцию рукопись, автор берет на себя обязательство не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редколлегии.

С содержанием вышедших номеров и аннотациями статей можно ознакомиться на сайте журнала в сети Интернет: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

Для отправки статьи в редакцию необходимо заполнить форму на сайте журнала <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, где также приведена подробная информация для авторов.

AUTHORS' GUIDELINES

The journal publishes articles on the methodology, history and theory of sociology, articles on the results of sociological and inter-disciplinary studies covering a wide range of issues in social sciences and humanities written in Russian and English, as well as brief surveys and book reviews.

The editors will consider articles strictly complying with the following standards:

1. **The size of the manuscript** — from 30 to 50 thousand symbols for articles; from 12 to 20 thousand symbols for reviews. References are to be given in the text in square brackets, inside of which the first figure indicates the number of the source in the references list, the second one, following the capital letter “P”, indicates the page number in the source (for example, [1. P. 126]; references to several sources — [1. P. 126; 4. P. 43]). References to footnotes are to be given in round brackets, for example, (1).
2. All the **tables, diagrams, graphs, and drawings** are to be incorporated in the text of the article. They are to be numbered and supplied with a title. Tables are to be given a title placed above the table, drawings are to have captions. When several tables and/or drawings are used in the article, their numeration is obligatory.
3. **Formulas** are to be marked out, explained and provided with references.
4. The manuscript must include a list of references submitted in accordance with the Vancouver style of the AMA version. Requirements to ‘References’ can be found on the journal’s website: http://journals.rudn.ru/index.php/index/pages/view/References_guidelines.
5. **It is obligatory to attach** the following to the manuscript:
 - ◆ **abstract (summary)** of 250—300 words in Russian and English;
 - ◆ **a list of 7—8 key terms** in Russian and English; each key term or word-combination is to be separated from another one with a semicolon;
 - ◆ **information about the author** in Russian and English, including: the author’s full name, the official name of the place of employment, position, scientific degree, as well as **the author’s contact data** — mailing address, telephone number (office, mobile), electronic address; **the number of co-authors cannot be more than four**.

The decision as to publication is made within four months from the day the manuscript is registered at the editorial office. Materials which are not accepted for publication will not be returned. The editors will not enter into correspondence with the authors in case of refusal to publish the articles submitted by them.

The authors will bear full responsibility for the selection and authenticity of the given facts, quotations, statistical and sociological data, proper names, geographical names and other information.

The published materials may not reflect the viewpoint of the editorial board and the editors.

The author, submitting a manuscript to the editors, undertakes not to have it published, either in full or partially, in any other publication without the editors’ consent.

The published issues and abstracts of the articles are available on the website of the journal: <http://journals.rudn.ru/sociology/index>.

To send the article to the editors the author need to fill in a form on the website <http://journals.rudn.ru/sociology/information/authors>, which also provides the detailed information for authors.